Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Институт социологии

О.Н. Яницкий

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ. ГОРОД. ЧЕЛОВЕК

Москва
2018

УДК 316
ББК 60.5
Я 62

Публикуется по решению Ученого совета ФНИСЦ РАН

Рецензенты:

д-р социол. н., проф. *С.А. Кравченко*
д-р социол. н., проф. *Н.Е. Покровский*

Яницкий, Олег Николаевич.

Я62 **Глобализация. Город. Человек**: [монография]. [Электронный ресурс] / О.Н. Яницкий; предисл. Л.М. Дробижевой. – Электрон. текст. дан (объем 1,58 Мб). – Москва: ФНИСЦ РАН, 2018. – 177 с. // Официальный портал ФНИСЦ РАН: [веб-сайт]. URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=5961

ISBN 978-5-89697-299-0

В монографии исследуются актуальные теоретико-методологические проблемы социологии и других общественных наук в их взаимодействии с естественными и техническими науками. Основной акцент сделан на процессах современной глобализации, ее нелинейном характере и воздействии на разные стороны социальной жизни российского общества. Обсуждаются такие актуальные проблемы, как соотношение «центр – периферия», критические формы глобализации, вопросы модернизации гуманитарных наук. Исследование движется от глобальных проблем к проблемам современного города, жизни местных сообществ и вопросам изменения уклада жизни индивида в новых условиях.

Монография может быть полезной как специалистам в области теории и методологии социологических исследований, так и практикам в сфере социальной политики.

УДК 316
ББК 60.5

ISBN 978-5-89697-299-0

© Яницкий О.Н, текст, 2018
© Дробижева Л.М. предисл., 2018
© ФНИСЦ РАН, 2018

Оглавление

Предисловие 4
От автора 8
Часть I. Теория и методы 11
Глава 1. Модернизация гуманитарного знания: метод, теория, практика 12
Глава 2. Динамические процессы: суть и методы изучения 23
Глава 3. О соотношении стабильности и мобильности 33
Глава 4. Дилемма центр – периферия в условиях глобализации 44
Глава 5. Модернизация или информационная архаизация? 54
Выводы по Части I 64
Часть II. Глобализация: от прошлого к будущему 66
Глава 6. От Второй индустриальной революции к Третьей и Четвертой 67
Глава 7. Четвертая научно-техническая революция и глубинные изменения процессов глобализации 80
Глава 8. Критическая форма глобализационного процесса 95
Глава 9. Всеохватывающая глобализация – всеобщий мусор 106
Выводы по Части II 111
Часть III. Город, местное сообщество, индивид 112
Глава 10. Что такое город сегодня 113
Глава 11. Проблема адаптации к переменам 120
Глава 12. История концепций «зеленого города» в России 135
Глава 13. Глобализация и проблемы ранней социализации 141
Глава 14. Микросоциологический анализ российских мегаполисов: исследование четырех случаев 151
Выводы по Части III 162
Список литературы 166
Сведения об авторе 176

Предисловие

Профессиональная карьера проф. О.Н. Яницкого складывалась успешно, хотя далеко не просто. Он родился и вырос в семье московских интеллигентов. Бабушка и дедушка – земские врачи, мать – врач-кардиолог, отец – историк и эконом-географ. Ближайшие родственники – люди самых разных профессий: врачи, гуманитарии, ученые-естественники, полярные исследователи и летчики, инженеры, военные, теоретики и практики дошкольного образования. Олег Николаевич рос в благоприятной для научной карьеры среде, но в детстве он мечтал стать художником-пейзажистом, его кумирами были И.И. Левитан и М.В. Нестеров. Параллельно с учебой в одной из лучших московских школ (Школа № 59 им. Н.В. Гоголя в Староконюшенном переулке), он учился в Московской городской художественной школе, которую и закончил вместе со средней школой в 1951 г.

По словам Олега Николаевича, ему казалось, что если он попадет в Московский архитектурный институт (МАРХИ), то он продолжит свое художественное образование. Он действительно там учился и участвовал в нескольких выставках живописных работ студентов Института. Заведовал кафедрой живописи и рисунка МАРХИ тогда выдающийся советский художник А.А. Дейнека. И все шло хорошо, однако печально знаменитое «Дело врачей-убийц» чуть было не поставило крест на профессиональной карьере молодого архитектора. Институтские власти публично предъявили ему обвинение в «потере политической бдительности» за давнюю дружбу с Л.Б. Коганом, сыном одного из репрессированных врачей. Все шло к аресту, и только смерть Сталина помешала этому, а врач Б.Б. Коган его жена А.И. Коган вернулись с Лубянки. Но институтские власти решили перестраховаться, и когда Яницкий окончил институт, они не разрешили ему поступить в аспирантуру, несмотря на рекомендации.

Однако помог случай. В Москву приехал выдающийся бразильский архитектор Оскар Нимейер. А студент Яницкий сделал доклад о его творчестве на ежегодной студенческой научной конференции в МАРХИ. Произошла его личная встреча с Нимейером в Союзе архитекторов СССР, которая закончилась более чем счастливо. В течение нескольких последующих лет Нимейер присылал двум студентам литературу по бразильской архитектуре и посылал им фотографии своих работ в новой столице страны, городе Бразилиа. В 1957 г., когда в Москве проходил Международный фестиваль молодежи и студентов, Яницкий работал на нем гидом-переводчиком с группой молодых бразильских архитекторов и инженеров. И параллельно, изучая португальский язык, продолжал работу над книгой о творчестве Нимейера. Этот фестиваль был для многих его участников и гостей прорывом «железного занавеса», можно было разговаривать и встречаться с кем угодно. Никогда еще Москва не была столь открытой и гостеприимной. Казалось, мир пришел в Москву. После знакомства с

творчеством Нимейера и историей Бразилии это был второе «включение» будущего архитектора и ученого в глобальный мир.

Учеба в МАРХИ и работа над книгой о Нимейере привели к тому, что живопись перешла в разряд занятий в свободное время, а интерес к градостроительному процессу возрастал. Дело в том, что большой город является наиболее сложным социальным организмом, требующим междисциплинарного подхода для его понимания. Сегодня, наверное, трудно представить, что писать о зарубежном градостроительстве и, тем более, о творчестве выдающихся зарубежных мастеров было разрешено исключительно «проверенным специалистам» и только с разрешения руководства. Семь лет книга о Нимейере, написанная двумя вчерашними студентами, валялась в издательствах. И опять помог счастливый случай: в 1963 г. Оскар Нимейер получил Международную ленинскую премию за укрепление мира между народами, и книга двух студентов вышла буквально через месяц и была тут же распродана.

Следующие 10 лет Яницкий проработал в одном из НИИ Академии архитектуры СССР. Видимо, семейный климат все же сработал, и молодой архитектор все более погружался в дебри градостроительной науки. Термин «дебри» применительно к ней здесь вполне уместен, так в те годы в стране происходил поворот к массовому индустриальному строительству. А для его понимания надо было очень многое знать и, главное, уметь соединять эти знания в процессе градостроительного проектирования. Архитектор перестал быть изготовителем «штучных» (так называемых, «фасадных») проектов – он должен был знать все стороны сложного градостроительного процесса. Как рассказывал Олег Николаевич, он на собственном опыте убедился, что только для проектирования сетей торгово-бытового обслуживания города, которыми он тогда занимался, надо был владеть, как минимум, 10–12 специальностями. И еще не менее существенный момент: он должен был уметь проектировать эти «сети», теории которых тогда еще не было! А чтобы их проектировать пришлось полазать по неприглядным закоулкам и подвалам магазинов, столовых и комбинатов бытового обслуживания. Это знание изнанки городской жизни потом ему пригодилось на многие годы вперед. Но личный опыт должен был соединяться со знанием. И вот работая в Ленинской библиотеке над литературой по зарубежным торговым сетям, Яницкий наткнулся на работы отцов-основателей Чикагской школы городской экологии, книги которых оказались в открытом доступе. Таким образом, социология города и его социальная экология соединились в одном предмете. Это оказалось настолько интересным, что будущая докторская диссертация Яницкого была целиком посвящена истории американской социологии города. Что позже определило его переход к занятиям социальной экологией уже в теоретическом плане.

В те же 1960-е гг. он снова столкнулся противоречиями времени. Тогда в среде некоторых социологизирующих архитекторов идея обобществления быта советских людей по образцу проектов домов нового быта 1920-х гг. и позже китайских коммун времен «культурной революции» снова стала активно обсуждаться. Второй раз за короткий период Олег Николаевич столкнулся со своими политическими противниками, которые грозили ему увольнением с «волчьим билетом». Тут уже уповать на счастливый случай не приходилось. Яницкий был вынужден уйти из Академии архитектуры, но продолжал публично отстаивать свою позицию. Уже работая в Институте международного рабочего движения Академии наук СССР (ИМРД АН СССР), кандидат архитектуры Яницкий с коллегами написали первую в СССР монографию по истории и теории социологии города. Но директор института, где Яницкий работал ранее, написал отрицательную рецензию на книгу. Пришлось авторам идти в суд, гонорар им выплатили, но книга так и не вышла. Зато авторы получили хороший урок политграмоты. Но, отрицательный опыт, это тоже опыт, который потом не раз им пригодился.

По словам Яницкого, 1970–1980-е гг. были для него одновременно самыми интересными и плодотворными. Во-первых, в те годы ИМРД АН СССР переживал свой расцвет, в нем была чрезвычайно высокая концентрация интеллектуалов самого разного плана. Е. Амбарцумов, Э. Араб-Оглы, О. Величко, П. Гайденко, А. Галкин, М. Заборов, Ю. Замошкин, Б. Коваль, Н. Новиков, М. Мамардашвили, всех не перечислить. Со второй половины 1960-х гг. начала работать Советская социологическая ассоциация, в которой Яницкий с коллегами основал Исследовательский комитет социальных проблем градостроительства. В 1970 г. на VII Конгрессе международной социологической ассоциации (МСА) автор сделал доклад «Социально-информационная концепция урбанизации». И там же, вместе с М. Кастельсом, И. Мусилом, Р. Палом, Э. Претесеем и рядом других молодых социологов Европы и США основал Исследовательский комитет по городскому и региональному планированию МСА, который работает до сих пор. Но самым важным вкладом Яницкого в развитие отечественной социологии была серия статей по социальным проблемам урбанизации в условиях научно-технической революции. Тем самым, процесс урбанизации стал одним из важнейших «исследовательских полей» российской социологии, заменив ортодоксальную дихотомию «города-деревни».

Еще до защиты докторской диссертации в 1987 г. Яницкий стал членом «клуба» известных российских ученых, уже много лет занимавшихся проблемой устойчивости биосферы. Членами этого научного сообщества были академики А.П. Виноградов (ученик В.И. Вернадского), Б.Н. Ласкорин, В.Е. Соколов, Н.П. Федоренко, И.Т. Фролов, А.Л. Яншин, член-корреспонденты АН СССР А.В. Яблоков и М.И. Будыко, профессора Г.М. Лаппо, Н.Т. Нечаева, Н.Ф. Реймерс, Ф.Р. Штильмарк и многие другие выдающиеся российские ученые. В 1978 г. Яницкий стал руководителем проекта «Города Европы: участие населения в охране городской среды», который разрабатывался им и его зарубежными коллегами в течение последующих 10 лет под эгидой межправительственной программы ЮНЕСКО «Человек и биосфера». Так, по словам проф. Яницкого, совершилось его возвращение в академическую среду. Видимо, социальная или, по крайней мере, интеллектуальная генетика все же существует. В течение последующих 15 лет работа по этой программе позволила ему не только «догнать» мировую науку в данной области, но и затем внести свой собственный вклад в ее развитие.

Следующий этап был не менее важен: началась «перестройка», и надо было быть в «гуще жизни», по выражению В.И. Вернадского. Пришлось на ходу обучаться методам интервьюирования, причем с самыми разными гражданскими активистами: учеными, политиками, административными работниками и, главное, с жителями городов всех возрастов и профессий. Это была очень важная школа, научившая проф. Яницкого диалогу с его многочисленными и очень разыми респондентами. За 40 лет своей профессиональной деятельности он взял более 400 интервью, причем некоторые интервью он брал у своих респондентов по несколько раз в течение 15 лет. Это были не краткие вопросы, а глубинные полу-структурированные интервью, длившиеся иногда по два и более часа. Как подчеркивал потом сам автор монографии, эта работа научила его не только задавать вопросы, но и слушать респондента, соотнося его ответы с его личностными качествами и тем контекстом, в котором происходило данное интервью. Начиная с книги «Социальные движения: сто интервью с лидерами» (М.: Московский Рабочий, 1991) и до капитальной итоговой монографии «Социальные движения: теория, практика, перспектива» (М.: Новый Хронограф, 2012) Яницким было опубликовано более 200 работ по данной проблематике. И это не считая его участия в работе Российского общества социологов, Исследовательской сети по социальным движениям Европейской социологической ассоциации, многочисленных выступлений

и докладов. Причем, фокус его исследовательского интереса все более смещался в область глобальных проблем и эко-социального активизма.

Кроме того, в 1991–1994 гг. Яницкий принял участие в международном исследовательском проекте «Новые социальные движения в России» под руководством проф. А. Турэна (Франция). Именно тогда впервые на российской почве была тестирована методика «Социологической интервенции», разработанная французскими социологами А. Туреном, М. Вивьерка, Ф. Дюбэ, Ж. Хегедюш и Л. Махью. По свидетельству участников проекта, эта методика дала неожиданные результаты, отличные от тех, которые были получены этой же группой в ходе ее исследований в Западной Европе. Для Яницкого работа по этому проекту была еще одним подтверждением его убежденности, что и социологическое исследование эффективнее, если оно междисциплинарное и ситуативное, то есть методика исследования, и его результаты всегда должны соотноситься с той конкретно-исторической ситуацией, в которой оно проводится. Позже этот вывод подтвердился двухлетней работой Яницкого в Европейском банке реконструкции и развития в качестве консультанта в Лондоне.

Работа в ЮНЕСКО дала еще один неоценимый урок автору настоящей монографии: мир полон человеческих трагедий и страданий, вызванных бедностью, бесправием, войнами и бесконечной чередой ресурсных, социальных, этно-конфессиональных и других конфликтов. В 1994 г. в «Социологическом журнале» была опубликована программная статья Яницкого «Альтернативная социология», которая положила начало его исследованиям в области теории риска. Этот переход был также связан с нарастанием в мире числе войн и конфликтов с большими природными и социальными потерями. К тому же, уроки Чернобыльской трагедии социологически и экологически не были до конца осмыслены. Тогда же Яницкий публикует статью «Двенадцать гипотез об альтернативной эко-политике», в которой он попытался оценить ресурсы российского экологического движения и возможности его влияния на формирование российской экологической политики. Работа в сфере рискологии сблизила Олега Николаевича с У. Беком, выдающимся теоретиком общества риска, с которым впоследствии он периодически встречался и переписывался.

Наконец, в последнее десятилетие научные интересы автора данной монографии концентрировались вокруг таких взаимосвязанных проблем, как Новая технологическая революция и формирование сложных социобиотехнических систем, анализ процессов глобализации и их сетевых «носителей», техногенные аварии и экологические катастрофы. Параллельно, Яницкий уже много лет занимается биографическими исследованиями, как в отношении истории своей собственной «большой семьи» в четырех поколениях, так и биографий выдающихся российских и зарубежных ученых.

Вряд ли есть необходимость перечислять все научные и общественные заслуги проф. Яницкого. Он – автор более 20 монографий и около 500 статей на русском, английском и других языках, инициатор и участник многих российских и международных исследовательских проектов. Его работы хорошо известны в России и цитируются за рубежом. Он человек большой воли, с широким научным и общественно-политическим интересом, смелостью и исключительным трудолюбием. Я желаю ему здоровья и дальнейших творческих успехов.

Профессор Л.М. Дробижева
08.11.2017, Москва

От автора

В данной книге отражены результаты работ, которые выполнялись мною в последние два-три года. В основном они касаются разных сторон истории и теории исследования модернизации и глобализации в России и в мире. Моя первая исходная позиция состояла в том, что эти процессы связаны между собой на все уровнях, глобальном, региональном, конкретной страны, групповом и индивидуальном. Вторая позиция заключалась в том, что социальные процессы, которые являются предметом социологической науки, все больше зависят от структур и процессов иного характера: геополитических, экономических, природных и технологических. Инновации самого разного рода и масштаба занимают первые стоки новостей в глобальных и национальных СМИ. При этом упускается из виду, что все эти инновации являются *социально-сконструированными*. В каком-то смысле можно утверждать, что мы все живем в социально-сконструированном мире. Еще недавно «социальный конструктивизм» был всего лишь одним из множества направлений социологической мысли и социальной практики. Сегодня же практически нет сферы деятельности, к регулированию которой не прикасалась бы рука человека.

И природа, точнее, социобиотехносфера, здесь не исключение. Постепенно не только социология, но и многие другие науки, естественные и технические, приходят к пониманию, что наша планета быстро превращается в сложную систему, которая живет по разным законам, и порождаемые ими закономерности приходят в противоречие друг с другом. Поэтому, хотя технократическое мышление, особенно в политике, продолжает преобладать, современные теоретики глобализации все чаще приходят к мысли, что предметом их анализа должна быть сложная, противоречивая и труднопредсказуемая система, которую можно назвать глобальной социобиотехнической системой (СБТ-системой). Впрочем, дело не в названии, а в осознании того, что современная наука имеет дело с «гибридным» предметом высокой сложности и нелинейного динамизма, сопровождающегося неожиданными поворотами и непредсказуемыми рисками.

Отсюда следует несколько выводов теоретико-методологического характера. Первый заключается в том, что теоретический аппарат, к которому привыкла не только социология, но и другие гуманитарные науки, нуждается в существенном обновлении, если не в поэтапном пересмотре. С момента зарождения социологии как новой дисциплины в системе гуманитарных наук, ее лидеры делали все возможное, чтобы институционально и в массовом сознании закрепить ее статус именно как специфической отрасли знания, не сводимого к другим отраслям обществознания. Сегодня, как выясняется, многие теоретические изыскания и практические рекомендации социологов невозможны, если они не опираются на знания других

дисциплин. Это было уже очевидно вчера в таких комплексных отраслях знания как социология урбанизации и городских систем, социология медицины, социология общественных движений и ряде других. Сегодня назревает качественный поворот: познание СБТ-систем и других сложных образований требует разработки теории и инструментария междисциплинарного анализа.

Отсюда – второй вывод. Моно-дисциплинарный интерактивный подход (его простейшая схема «стимул—реакция») как методология анализа и как практика управления уже не может быть основным инструментом для изучения сложных и нелинейно развивающихся систем. Более того, методом опроса общественного мнения социологи выявляют, прежде всего, таксономии, то есть родственные или одинаковые группы мнений. Но таксономический (типологический) подход малопригоден для изучения сложных систем, как стационарных, так и, в особенности, мобильных. Приходится думать о способах взаимопонимания и взаимодействия разных наук и, прежде всего, о способах перевода знаний, добытых одной дисциплиной, на язык другой.

Третий вывод заключается в том, что социолог или другой специалист, погружаясь в изучение сложной системы, сразу же сталкивается с неким совокупным (то есть гибридным) результатом ее действия или трансформации, который нельзя разложить на моно-дисциплинарные «кусочки». Это означает, что теоретически и методологически в этих системах мы имеем дело с практически неизвестной социологам проблемой *метаболизма*, то есть взаимодействием качественно различных процессов, например, социальных и технических, социальных и биохимических и т.д. Причем с метаболизмом с самыми разными результатами: взаимного поглощения или, напротив, слияния, усиления, подавления, разрушения и т.д.

Четвертый важный момент современности заключается в том, что глобальная СБТ-система «эволюционирует» разнонаправленно. Одни ее подсистемы, скажем, транснациональные корпорации, быстро развиваются, тогда как другие, например, некоторые национальные государства и местные сообщества, деградируют или распадаются совсем, выделяя гигантскую массу энергии социального распада (убитые и увечные, беженцы, вынужденные переселенцы, деградирующие земли или человеческие поселения). Для познания такого разнонаправленного социального метаболизма нужны новые методы исследования.

Отсюда вытекает пятый вывод: некогда созданные принципы *глобального социального порядка* сегодня размываются и разрушаются. Или же их применение должно каждый раз согласовываться с конкретной ситуацией. На их место приходят временные договоренности или, напротив, длительные, но безрезультатные переговоры, дорожные карты и иные «ситуативные» формы социального порядка. Более того, у систем, движущихся в разных направлениях, разные темпо-ритмы этого движения. Таким образом, задача еще более усложняется.

Я не политолог, но следующий, шестой вывод напрашивается сам собой. Если современный мир представляет собой сложносоставную систему, движущуюся в разных направлениях и с разной скоростью, то всякая «политика» неизбежно превращается в геополитику, а приставка «гео» означает необходимость учета в политической теории и практике взаимовлияния собственно «политики» и других, неполитических подсистем. Что сегодня нам отчетливо показывает растущая амплитуда колебания погодных условий и, вероятно, глобальное изменение климата.

Седьмой вывод состоит в том, что единой исторической «стрелы времени», как предполагали ранее, сегодня не существует: элементы глобальной СБТ-системы изменяются в разных направлениях и с разной скоростью. Поэтому сегодня исследователь имеет дело с «хаосом» времен. При этом исследователь этой системы должен учитывать то обстоятельство, что каждая ее подсистема имеет определенную

несущую способность среды своего обитания, которая тоже является сложносоставной. Пока она сохраняется, можно говорить о некотором общем темпо-ритме развития этой среды. Но как только предел ее несущей способности превышен, сама эта среда превращается в агента действия.

Восьмой вывод говорит, что предстоит пересмотр моно-дисциплинарной организации всей науки. Что уже происходит явочным порядком в ряде сфер. Я имею в виду не только формирование множества билатеральных дисциплин, как, например, биофизика или биохимия, но и возрастание значимости геополитики именно как комплексной дисциплины, вбирающей в себя результаты многих отраслей знания и практики. Уже очевидно, что такая «перестройка» затронет всю существующую систему глобального миропорядка. Ведь большинство управленческих структур, причем вплоть до самого высокого уровня, также построено на принципе «одно знание—одно решение».

Девятый вывод заключается в том, что существующая система воспитания и образования также начинает претерпевать существенные изменения. Но тут пока больше вопросов, чем ответов. Как, например, примирить классно-урочную систему обучения в средней школе, построенную на принципе разделения дисциплин, с нелинейным и неопределенным процессом развития глобальной СБТ-системы? А потом учить молодежь совершенно другому, комплексному восприятию, как самой действительности, так и знаний о ней?

Десятый тезис заключается в том, что названные выше перемены в динамике глобализации и системы знаний о ней пока не замечены системой массовых коммуникаций, которая сегодня является одним из важнейших инструментов управления массовым сознанием и массовым поведением. Эта система продолжает акцентировать внимание населения на двух вещах: на неожиданных, скандальных или катастрофических событиях и на сконструированных ею же «новостях» или «мнениях», посредством которых глобальные игроки сегодня все активнее управляют миром.

Тезис одиннадцатый гласит, что сегодня одним из основных драйверов глобальной СБТ-системы является борьба мировых и региональных игроков за ресурсы и геополитическое доминирование, глобальное или региональное. Это, в свою очередь, означает две вещи. Первая – это противоречие между глобальными сетевыми и территориально-организованными системами. Вторая, что эта борьба может перейти некоторый порог (например, ядерная война или столкновение с другим небесным телом), за которым может наступить полное разрушение глобальной СБТ-системы.

Наконец, последний двенадцатый вывод состоит в том, что все выводы, которые могут быть сделаны одной или комплексом дисциплин не могут считаться «конечными». Планета и все ее население переходит в состояние относительной стабильности или, точнее, в фазу всевозрастающей нестабильности. После окончания Второй мировой войны уже произошло или все еще длится еще более 250 локальных войн. А также наша планета уже не раз подвергалась риску тотального уничтожения. Во всяком случае, все технологические возможности и политические предпосылки для этого были созданы.

Эти выводы и тезисы не означают, что все они были детально проанализированы в текстах, ниже предлагаемых читателю. Я хотел лишь очертить некоторые рамки заявленной выше темы и обозначить возможные направления дальнейших исследований.

Москва, январь 2018 г.

Часть I
Теория и методы

Глава 1. Модернизация гуманитарного знания: метод, теория, практика

Здесь я постараюсь обосновать необходимость такой модернизации и рассмотреть некоторые пути реализации этой задачи. Опираясь на изучение истории и теории вопроса, собственный опыт в выполнении междисциплинарных проектов в сферах городской социологии, изучения природных бедствий и техногенных катастроф, социальной экологии и общественных движений, я пришел к следующим выводам.

Прежде всего, это необходимость междисциплинарного подхода (далее МДС-подход) в гуманитарных науках диктуется сложным характером социальных явлений. По сути, все гуманитарные дисциплины уже давно были в той или иной степени комплексными. МДС-подход был присущ гуманитарным наукам со времен Ренессанса. Усложнение общества и интенсивное использование им достижений естественных и технических наук требовали развития именно такого подхода. Далее, современная глобализация – не линейный процесс, одни общества развивают унифицирующую англо-саксонскую модель модернизации, другие стремятся сохранить специфику своей культуры и образа жизни. Сегодня социальное конструирование как метод, теория и практика становится ведущим звеном глобальной динамики и социальной практики. Однако гуманитарное осмысление последствий этой динамики все более отстает от скорости перемен. Поэтому, с моей точки зрения, концепция глобального социума как СБТ-системы, сетевой характер ее структурно-функциональной организации, ее ускоряющиеся и нелинейные изменения являются теоретическими основами МДС-анализа.

Затем, глобальный мир существует в двух ипостасях, материальной и виртуальной, их взаимосвязь требует тщательного изучения. Драйвером этой динамики является производство научного знания, которое сегодня осуществляется во многих точках социального пространства. Поэтому логика МДС-исследования должна следовать логике развития этого сложного объекта. Соответственно, темпо-ритмы развития гуманитарного знания должны соответствовать динамике СБТ-системы. Наконец, ориентация современных научно-исследовательских коллективов на МДС-подход, опыт выполнения подобных исследований в прошлом и наличие ядра единомышленников, равно как и стремление создать что-то новое, терпение и коммуникабельность – суть важные предпосылки модернизации гуманитарного знания.

По моему глубокому убеждению, жизненный опыт и работа над сложными проблемами, играют в МДС-исследовании не меньшую роль, чем «книжное» знание или проведение очередного массового опроса. Моя профессиональная жизнь сложилась таким образом, что с детства и до последнего времени я был включен в среду людей, непосредственно участвовавших в реализации сверхсложных заданий и проектов национального и глобального масштаба (освоение Северного морского пути, геохимические исследования, геополитика и др.). Затем была многолетняя научная и практическая работа в таких сферах как градостроительство и городская инфраструктура, экологические исследования, изучение аварий и катастроф, взаимодействия государства и гражданского общества и т.д. Чем более я углублялся в изучение комплексных проблем и вникал в практическую реализацию «одномерных» градостроительных, экологических и других решений, тем более росло ощущение, что организация и динамика социологии и других гуманитарных наук все менее соответствует сложному нелинейному характеру процесса нараставшей глобализации. Преобладало познание отдельных социальных феноменов в их «статике», а не изучение их системной динамики. Создавалось стойкое ощущение, что одномоментные ее «срезы» не позволяют понять ее механизмы и поэтому не являются единственным инструментом для познания настоящего и будущего. Параллельно шел процесс

институционального закрепления дисциплинарных размежеваний. Наконец, бюрократические формы и процедуры научно-технической отчетности являются сегодня серьезным препятствием для свободы научного творчества, которую великие русские ученые Д.И. Менделеев, В.И. Вернадский, П.Л. Капица считали необходимой предпосылкой развития процесса познания.

На мой взгляд, растет критически важный, но еще плохо осознанный разрыв между комплексными (системными) формами жизни общества и инструментами их познания. Междисциплинарные размежевания растут, в то время как динамичная действительность рождает все новые «гибридные» формы мироздания. Сегодня природа и общество, природа и технические системы уже не существуют отдельно. В процессе современной глобализации возникло множество «гибридных» форм сосуществования человека и природы. Соответственно, привычный уху социолога дихотомический инструментарий типа «природа–общество», «город–деревня», «мы – они», «здесь – там» и т. д., уже не соответствует интегративному характеру изучаемых явлений и процессов действительности. Это, тем более, удивительно, что сама история науки полна примеров комплексного (интегративного) подхода к предметам ее изучения. Так было во времена Леонардо да Винчи, так было и в истории и практике российской науки конца XIX–начала XX вв., я имею в виду работы В.И. Вернадского, А.Л. Чижевского, К.Э. Циолковского и многих других [Вернадский, 1980; Чижевский, 1926, 1964].

Импульс к междисциплинарному исследованию возникает всякий раз, когда появляется новая жизненно-важная проблема, а времени и ресурсов на ее решение катастрофически не хватает. Как это было, например, необходимо для сохранения ядерного паритета СССР–США в 1940–1960-х гг. Еще несколько принципиальных сдвигов требуют осмысления. Первый, это – нелинейный характер динамики сложных систем самого разного масштаба, от локальных до глобальных. Те понятия и квалификации, которыми до сих пор пользовалась мировая социология (например, «турбулентность» или «неустойчивость»), недостаточно отражают сложность динамики глобальной реальности. Это также ее развитие в двух взаимосвязанных пространствах: материальном и виртуальном. Причем, отдельные события и даже индивидуумы могут «мигрировать» из одного пространство в другое. И чем дальше, тем больше ни политики, ни отдельные люди не могут отличить социальные факты от социально-сконструированных и направленно вброшенных в глобальное информационное пространство инсценированных фактов. В результате степень неопределенности состояния и динамика мир-системы повышается.

Далее, мы часто говорим о «последствиях», но очень редко анализируем их характер, собственную динамику и их обратное воздействие на систему, их породившую. Изучение отходов – да, это сегодня очень важно, но не менее важно понять и оценить *степень их обратного влияния* на их производителей, природу, жителей городов и сел и природу в целом. Сегодня ученые и практики бьют тревогу: околоземное космическое пространство уже настолько замусорено, что угрожает гибелью не только межпланетных станций, но и «отключением» глобальных информационных систем. А ведь именно на них держится вся глобальная жизнь, начиная от доставки грузов и товаров и до разрушения (или остановки) систем жизнеобеспечения, которые должны функционировать беспрерывно. Я имею в виду не только больницы, учебные заведения, но и всю систему государственного и муниципального управления. Риск ядерной войны, спровоцированный поломкой одной из спутниковых систем наблюдения в результате «мусорной атаки», возрастает.

Уже не раз отмечалось, что сегодня такие понятия как «малое» и «большое», *локальное и глобальное стали относительными*. Поначалу Чернобыль или Фукусима-1 казались событиями локального или, максимум, национального масштаба. Сегодня уже

никто не сомневается в их глобальном характере. То же можно сказать и об эпидемиях или глобальных эффектах изменения климата, неважно будет это потепление, похолодание, или просто амплитуда атмосферного давления, температурных или геомагнитных колебаний резко возрастет. Ни рядовой человек, ни социальные науки пока не приняли во внимание тот факт, что человечество может существовать в весьма узких рамках температурно-влажностного режима.

Не менее важно, что весь теоретико-методологический аппарат современной социологии, созданный западными теоретиками, является в значительной мере прогрессистски ориентированным. То есть считается, что весь мир как следовал, так и будет следовать его линейной динамике, как полагали создатели Просвещения. И по сей день существует чрезвычайно мало социологических и других гуманитарных исследований, анализирующих жестокие глобальные ситуации, как например, Первая и Вторая мировые войны. Не парадокс ли, вот уже более столетия мир живет в напряженном ожидании и страхе «гибридной» войны, а социологи не создали ни одного капитального труда, анализирующего и обобщающего эти глобальные угрозы. Знаменательный факт: тема мировой войны и ее последствий глубоко разрабатывалась и продолжает исследоваться в художественной литературе и публицистике. Но большинство этих работ обернуто в прошлое. Нет и серьезных политологических работ по данной теме (я здесь не рассматриваю политически-ангажированные работы типа «Великая шахматная доска» З. Бжезинского), нацеленные не столько на объективный анализ, сколько на разрушение, трансформацию или «приручение» неугодных Богатому Северу режимов.

Отсюда чрезвычайная скудость работ, посвященных локальным, в том числе «городским войнам» и состоянию социальных сил и людей в них вовлеченных. Между тем, именно они не только сами по себе являются важным объектом МДС-исследования, но могут использоваться как модельные объекты для изучения глобальной динамики. Принцип релятивизма «микро» и «макро» здесь вполне уместен. Еще меньше работ, посвященных отдаленным последствиям не только двух мировых войн, но и таких событий как Холокост или война во Вьетнаме. То же можно сказать и об изучении отдаленных последствий лесных пожаров, ураганов, наводнений или локальных техногенных катастроф. Соответственно, как в РФ, так и во всем мире, система «наука—практика» построена на жестком разделении действий служб МЧС по ликвидации источника некоторой катастрофы и связанных с нею спасательных мероприятиях. Действия по адаптации пострадавших к новым условиям жизни и/или к своему нынешнему состоянию (больные, инвалиды, люди, потерявшие своих родных и близких) передаются в руки обычных гражданских социальных служб. Однако они далеко не всегда способны оказать нужную помощь глубоко травмированному человеку и, тем более, целому сообществу (например, населению сгоревшей или полностью разрушенной наводнением деревни). То есть в результате критических состояний возникает большой контингент маргиналов поневоле.

Есть и не менее показательный обратный пример: стремление к ускоренному объединению стран и народов с целью создания мощной политической и социально-экономической силы, способной играть роль одного из глобальных игроков. Речь, понятно, идет о создании Европейского союза. В результате «ускоренного объединения» не только Великобритания уже начала процесс выхода из его состава, но возникла доктрина «разных скоростей развития» отдельных стран ЕС, в результате которой этот Союз будет фактически поделен на страны первого, второго и третьего сорта. Что может вызвать новый каскад социально политических конфликтов, новые миграционные потоки, как извне, так и внутри ЕС и т. д.

Развитие МДС-исследований в гуманитарных науках

История МДС-исследований – это отдельная задача. Поэтому здесь лишь намечу важные для данной работы точки и тренды. Историческая наука, включая археологию и другие отрасли исторического знания, всегда были МДС-ориентированными. Другое дело, что роль естественных и технических наук в их динамике трактовались по-разному. Экономическая наука, на мой взгляд, развивалась «волнообразно». Классические работы в этой области знания, начав с комплексности (К. Маркс, М. Вебер, К. Бюхер), затем становились все более «монетарными», а сегодня вновь развивают МДС-подход, все более сближаясь с социологией и публичной политикой. Предмет политических наук, на мой взгляд, является, по сути, междисциплинарным, так как политическая жизнь общества слагается из множества процессов и обстоятельств. Вначале XX в. В.И. Ленин дал прекрасные образцы ситуативного политического мышления. Сегодня политическая наука все более интегрируется с публичной политикой, а та, в свою очередь, с медиа-политикой. Конструирование глобальных политико-экономических доктрин и отдельных политических фактов наиболее отчетливо проявляется именно в публичной политике.

В истории социологии мы видим противоречивую картину. В период своего становления социология, заимствовав многие методы и подходы у естественных наук (Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, Р. Парк), затем постепенно вырабатывала свой специфически-социологический взгляд на общественную жизнь. К сожалению, дихотомический подход к ее изучению, включая противопоставление общества и природы, продолжал господствовать вплоть до начала 1960-х гг. Тот же подход превалировал и в изучении техники. Социология предпочитала изучать социальные последствия технологических проектов и решений, а не структуру, функции и динамику интегрированных социотехнических систем. То же можно сказать и об исследованиях в области этики ученого. До сих пор законодателем моды в данной области считается Р. Мертон, но созданный им «этос ученого» выражает лишь англо-саксонскую точку зрения.

Однако русские ученые Н.П. Анциферов, В.И. Вернадский, Д.С. Лихачев, Д.И. Менделеев, И.П. Павлов, В.С. Соловьев не мыслили научной деятельности в отрыве от своей гражданской активности [об этом см., например, Яницкий, 2007]. Современная западная теоретическая социология [Bauman, 2001, 2004; Beck, 1992, 1999; Castells, 1999; Giddens, 1992; Urry, 2008] представила глобальный мир как непредсказуемый, обремененный рисками и неожиданными событиями. Анализ какой-то одной проблемы (неравенства, бедности, развития гражданского общества или др.) производится «в контексте глобализации», однако какова его концептуализация не оговаривается. Иными словами, сама проблема комплексного МДС-анализа глобализации остается на периферии современной гуманитарии. Или исследовательская задача «переворачивается»: предлагается, например, сетевая модель процесса глобализации [см. The Global Risk Report, 2016], но ни характер взаимодействия между ее агентами, ни их совокупный результат, не эксплицируются.

Напротив, в теориях среднего уровня (в теориях урбанизации, социологии медицины, эко-социологии, социологии города и села, миграционных процессов и в военной социологии) МДС-подход практикуется достаточно широко, с привлечением данных естественных и технических наук, как в России, так и в остальном мире. Но тогда возникает вопрос: а где же граница собственно гуманитарного знания? Однако теоретически этот вопрос также остается неизученным именно потому, что тогда пришлось бы пересматривать всю институциональную организацию сферы научного производства.

Концепция СБТ-системы

Прежде всего, замечу, что сегодня биологические социальные и технологические системы в своих пространственных и функциональных параметрах интегрированы настолько тесно, что их следует рассматривать именно как единое целое. Противоречивое, развивающееся нелинейно, но целое. Пришедшее к нам с Запада и широко распространенное в социологической литературе понятие «взаимодействие» (interaction) не отражает всего разнообразия его форм (и временны***х*** параметров), прямых и обратных связей, социальных и иных последствий и т.д. Потом, и это самое главное, всякое «взаимодействие» скрывает множество форм односторонних изменений, взаимных трансформаций, поглощений и разрушений, что в научной литературе получило название *метаболизма*, биосоциального, социотехнического, собственно социального и т.д. То есть любая СБТ-система существует, развивается или, напротив, деградирует под воздействием метаболических процессов. К сожалению, если по отраслевым проблемам глобализации существует большая научная литература, то синтезирующих работ практически нет.

Далее, хотя структурно-функциональный анализ распространен повсеместно, отечественные и зарубежные социологи и политологи акцентируют свои исследования на изучении «устойчивых» структур: городов, регионов, государств и их альянсов. Недаром с середины 1980-х гг. во всей мировой литературе идея «устойчивого развития» получила столь широкое распространение. Показательно, что уже сегодня, когда сделаны первые шаги к реальному сближению естественных и социальных наук, оно происходит опять в рамках идеи «устойчивого развития». Это явное противоречие между глобальными интеграционными трендами и стремлением обрести пресловутую «устойчивость» я могу объяснить только одним обстоятельством: сохранить институциональные размежевания между науками, во что бы то ни стало. Но как тогда изучать нелинейную динамику СБТ-систем? Все они, от глобальных до локальных, имеют динамику, отличную от динамики их отдельных частей.

Другие причины междисциплинарного размежевания

Глобальная СБТ-система построена на сетевом принципе организации ее ведущих игроков. Поэтому сегодня главный конфликт современности – геополитический. Речь идет о противостоянии между унифицирующим воздействием транснациональных систем (ТНК) и территориально-организованными общностями (государствами и их союзами), стремящимися сохранить свою экономическую независимость и культурную идентичность. Результатом этого противостояния может быть, как сохранение и усиление территориальных общностей посредством временных объединений, так и их тотальная хаотизация с выделением энергии распада в виде беженцев, вынужденных переселенцев, уничтожения материальных и культурных ценностей. Другим результатом этой конкурентной борьбы между ТНК и территориально-организованными социальными структурами является повышение неустойчивости и, следовательно, рискогенности глобальной СБТ-системы. Как уже неоднократно отмечалось, в мире уже не осталось абсолютно безопасных мест (территорий), есть только более или менее безопасные, и соотношение между ними все время меняется. Приведу лишь несколько примеров.

Так, повышение температуры океана у берегов Португалии привело к болезням прибрежного планктона, которыми питаются мидии, а их едят люди. Так возникла смертельная опасность для аборигенов и туристов, которую никто не предвидел. Другие, но не меньшие проблемы, есть и в РФ. Еще недавно для работы в стране привлекались сотни тысяч гастарбайтеров из Средней Азии и стран Ближнего Востока. Но этот приток породил двойную проблему. С одной стороны, гастарбайтеры вытесняют местное население с рынка труда, а с другой – дети гастарбайтеров не хотят

адаптироваться к русской культуре и укладу жизни. Вот, по крайней мере, пять вариантов их не-адаптации в РФ, от вполне мирных и до радикальных: (1) заработать денег и вернуться домой; (2) жить здесь, чтобы кормить семью там; (3) РФ рассматривается как транзитный пункт, чтобы двигаться дальше, в страны Евросоюза; (3) жить на два дома, здесь и там; (4) сформировать свой этно-конфессиональный анклав, чтобы жить здесь и пропагандировать его правила и нормы среди «неверных»; и (5) рекрутировать молодежь в радикальные и экстремистские организации.

У этой проблемы есть другая сторона, развернутая во времени. Это – проблема совместного обучения детей мигрантов и аборигенов в школах. С одной стороны, такая возможность гарантируется Конституцией РФ. С другой стороны, такая совместность замедляет процесс получения знаний российскими школьниками, вызывает многочисленные размежевания и конфликты. Некоторые школьные работники полагают, что эти размежевания снимаются присутствием тех и других в социальных сетях, но, на мой взгляд, в них никакой этнокультурной интеграции не происходит. Раздельное обучение тех и других не предусмотрено, поэтому школа и учителя ведут с детьми мигрантов дополнительные занятия на свой страх и риск. Но если взглянуть на перечисленные выше пункты, то возникает законный вопрос: а кому нужно такое совместное обучение? В целом правы были У. Бек, Э. Гидденс, Д. Урри и другие западные социологи, которые квалифицировали современный мир как небезопасный, непредсказуемый и «нелинейный». Но до комплексного и динамического анализа подобных перемен дело пока и не дошло.

Наконец, совокупность названных процессов порождает в разных местах планеты «критические» точки, которые я назвал *критическими зонами и процессами* [Яницкий, 2014; Yanitsky, 2014, 2016]. Эти понятия не равнозначны таким понятиям общественной динамики, как экономический кризис или «турбулентность» социально-экономической обстановки. Кризисы периодически возникают и чаще всего, преодолеваются, а критические зоны и процессы могут существовать бесконечно долго и заканчиваться распадом государств и других социальных общностей, так как в них процессы производства рисков перманентно довлеют над процессами развития и накопления общественного богатства. Критические зоны являются одновременно «питательной средой» для крупного бизнеса, медиа и криминальных структур и бедствием для проживающего в них населения. Эти зоны, чаще всего, являются результатом вмешательства международного капитала с целью доступа к источникам ресурсов, еще находящихся под юрисдикцией национальных государств. В результате такого глобального противоречия большой бизнес и медиа-магнаты богатеют, а местное население страдает.

О структуре и динамике СБТ-систем

Они пока не стали предметом анализа гуманитарных наук. Существующий исследовательский инструментарий не «схватывает» разнообразие векторов нелинейной и разно-скоростной СБТ-динамики. Максимум чего удалось достичь, так это начать изучение глобальных сетевых систем и возникающих на их пересечении «конфликтных» узлов [The Global Risk Report, 2016]. Но это опять же был их «статичный», то есть одномоментный срез. Принципиально важным достижением была серия исследований в области структуры и динамики метаболических процессов [Яницкий, 2013; Society-Nature Relations across Time and Space, 2016]. И, наконец, необходимость в МДС-подходе отразилась в факте слияния двух авторитетных международных организаций ЮНЕСКО, ее Советов по естественным и социальным наукам, что ранее представлялось просто немыслимым.

Попытаемся понять причины долговременного отсутствия интереса к глобальному МДС-анализу. Отсутствие необходимых интеллектуальных и

материальных ресурсов несомненно сыграло роль. Но если вспомнить, что такие попытки периодически встречаются в истории естественных и гуманитарных наук (работы В. Вернадского, А. Чижевского, П. Дракера, А. Тоффлера, З. Бжезинского и др.), то непонятно, почему они не получили продолжения. На мой взгляд, главной причиной здесь все же является *«линейная» концепция исторического процесса*, основы которой были заложены основателями Просвещения, и которая как нельзя лучше отвечает идее мирового господства «развитого Севера» над «недоразвитым Югом» (в частности, идее Pax Americana). Хотя очевидно, что идея и принцип однополярного мира сегодня уже не соответствуют глобальной реальности. И ранее выполненные и современные работы по глобальной динамике отвечают принципу «глобальной линейности», то есть идее распространения англо-саксонской модели развития по всему миру. Представляется, что именно принцип ее линейного развития определил концентрацию западных (и частично российских) исследователей на структурно-функциональных трансформациях только одной, вестернизированной модели, а не на сложной динамике глобального СБТ-целого. Вот некоторые примеры типологизации статичных социальных структур.

Рассмотрим знаменитый квадрант отношений государства и гражданского общества, предложенный У. Гэмсоном [Gamson, 1990] и широко используемый по сей день, который легко экстраполируется на сферу международных отношений. Гэмсон выделяет два их основных типа, внутри которых они затем удваиваются: принятие вызова некоторой группы граждан (ее полная легитимация или кооптация) и ее непринятие (включая перехват выдвинутой инициативы или ее подавление). Очевидно, что речь не идет о динамике отношений этих двух социальных субъектов. Или же – об их изменении в ходе их борьбы. Во всех случаях речь идет лишь о субъектах взаимодействия *с их фиксированными свойствами* и пространственными границами. То есть о статичной системе взаимодействия с четырьмя типами их взаимоотношений. А как тогда быть, если меняется все: и сами агенты, и их масштаб и политический вес, и их воздействие на глобальное соотношение сил? К тому же, как было отмечено выше, все они еще и изменяются под воздействием метаболических процессов!

Сегодня в исследованиях используется множество других дихотомических схем и подходов, например, богатые и бедные, развитые и развивающиеся страны, более и менее ресурсно-обеспеченные, более и менее зависимые от транснационального бизнеса, внутренне и внешне-ориентированные, относительно политически независимые и политически ангажированные и т.д. Археологи и историки справедливо возразят, что их науки изучают историю человечества, продвигаясь все дальше назад по стреле исторического времени. Но в доисторические времена и позже такого влияния человеческой деятельности на состояние планеты не было. Долгое время человеческие сообщества были «встроены» в глобальную космическую динамику и всецело ей подчинялись. Однако прошла еще не одна тысяча лет, пока народонаселение планеты, его потребности и совокупная технологическая мощь человечества стали оказывать растущее влияние на состояние и динамику глобальной СБТ-системы. Изучение этой динамики – чрезвычайно сложная задача, так как каждая из ее подсистем имеет свой ресурс и предел несущей способности. А каков предел устойчивости всей глобальной СБТ-системы, сейчас никто сказать не может. Наконец, если мы обратимся к концепциям глобальной социальной динамики, то, фактически, большинством западных исследователей на вооружение была принята концепция «осевого времени», хотя ее автор Ш. Эйзенштадт не раз подчеркивал, что модернизация порождает протест и дезинтеграцию [Эйзенштадт, 1999]. Тем не менее в работах этого автора упор сделан на внутренние структурно-функциональные *изменения именно в системе «центр–периферия»*, а не на динамике глобального целого.

Гуманитарное знание развивается нелинейно?

Это – тема отдельного исследования, поэтому приведу лишь несколько фактов из истории науки. Изначально ее развитие было интегративным, отражавшим интегрированный взгляд человека на окружающий его мир. Не случайно, одной из первых наук была философия, которая в те далекие времена и была таким интегрирующим и объясняющим инструментом познания. Закономерно также, что в течение многих веков и вплоть до настоящего времени объяснительные модели религии и философии, а позже – многих наук и религиозных систем, то сближались, то резко расходились, то сосуществовали как бы независимо. Эта экзистенциальная двойственность сохраняется и сегодня. Тем не менее у религии и науки есть общее: одно дело – это вера и получение научного знания, а другое – это институты, их сохраняющие и воспроизводящие. Другая их общая черта – это надежда на лучшее будущее. Развивалась еще одна линия того же процесса, опережая потребности своего времени. Я имею в виду социотехническое конструирование в самом широком смысле этого слова.

Начиная с эпохи Возрождения, все городские утопии, как, например, «Город солнца», Т. Кампанеллы, «Утопия» Т. Мора, «Города будущего» Э. Говарда, город Чандигарх (Индия) Ле Корбюзье или «зеленый город» советских урбанистов М. Барща и М. Гинзбурга, были социальными конструкциями. В XVIII-XIX вв., писатели и публицисты изучали «физиологию» Парижа, Петербурга и других городов, естественно комплексно. Советские историки на основании анализа историко-литературных источников смог реконструировать ключевые характеристики средневековой культуры как исторической целостности. А в результате многолетних экспедиций член-корр. АН СССР А.В. Арциховского и акад. В.Л. Янина были реконструированы быт и обычаи Новгородской культуры.

В результате элементы комплексного гуманитарного знания создавались как на основе анализа исторических источников и археологических исследований, так и посредством социально-инженерного конструирования. То есть, фактически, ставились социальные эксперименты (или они моделировались на бумаге), результаты которых изучаются до сих пор. Новые археологические изыскания оказывают влияние на концепции российской истории, и в этом смысле ничего не изменилось. Кроме того, «устные истории», изучение архивных документов, особенно мемуаров и дневников, всегда были ценным материалом для исторического, историко-экономического или историко-культурного исследования. Дневники Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.И. Куприна ценятся сегодня как источник философского и социально-психологического знания о прошлом России. Совсем не случайно, что именно город рассматривался гуманитариями как основной источник знаний об обществе. Начиная с 12-томного труда «Картины Парижа» с детальным анализом всех сторон городской жизни, созданного французом Л.-С. Мерсье еще в XYIII в., и до «Петербургских трущоб» В.В. Крестовского, городская жизнь фактически была интегративной моделью жизни всего общества.

Представляется, что период XVIII–XX вв. был временем неослабевающего общественного интереса к внутренней механике (тогда ее называли физиологией) жизни общества и институционализации сложных сфер деятельности. Достаточно заглянуть в 30-томное издание сочинений Ч. Диккенса, эту энциклопедию городской жизни Англии XIX в. Были еще ряд причин, позволяющих утверждать, что этот исторический период был важным для становления междисциплинарного знания об обществе. Сама наука, включая ее естественнонаучные отрасли, видела много общего между функционированием социальных и природных организмов, именно тогда возник термин «экология» (Э. Геккель), а позже, уже в начале XX в. Р. Парк предложил понятие «человеческой экологии» (human ecology). Далее, большинство русских

ученых, естественников и гуманитариев, конца XIX–начала XX вв. включилось в борьбу за гражданские права, как самих ученых, так и населения России в целом. Именно тогда В. Вернадский со своими коллегами создали свое «братство», неформальную общественную ячейку, просуществовавшую не один десяток лет.

Затем, развитие индустриального общества привело к четкому разделению времени основной массы трудящихся на труд и досуг. Что, в свою очередь, повлекло за собой создание ячеек гражданского общества в трудовой (профсоюзы) и во внетрудовой сфере (клубы, благотворительные организации, научные общества). Потом, быстрый рост больших городов и рабочих поселков дал мощный импульс к развитию института социальной медицины (лечение алкоголизма, наркомании психических расстройств и других форм асоциального поведения). Кроме того, развитие со второй половины XIX в. таких наук как социальная антропология и этнография также были комплексными дисциплинами, изучать аборигенов и их анклавы в городах методами массовых опросов было просто невозможно. Недалеко от них ушли локальные исследования, служившие развитию местной жизни и методов самоуправления. Напомню о феномене российского земства, где разделить экономику, медицину и социальную помощь населению было просто невозможно. Мой дед, Ф.Ф. Яницкий, проработав земским врачом четыре года в Полтавской губернии, говорил, что этот опыт был для него бесценен как для врача, так и члена Пироговского общества. Наконец, началось развитие краеведения. Нет более интегрированной области гуманитарных, биосоциальных и технологических исследований и общественной деятельности, чем краеведение. Именно в ней органически соединяются ремесла и реставрация, музейное дело, природная экология и экология культуры (Д.С. Лихачев).

На этом фоне современная западная и российская социология выглядит не лучшим образом, хотя этому есть исторические причины. Ведь социология – молодая наука. Появившись на свет в XIX в., она еще долгое время не была самостоятельной отраслью знания, поскольку использовала эпистемологию и концепции истории, антропологии, географии, медицины и других смежных дисциплин. И параллельно должна была бороться за свою институционализацию. То, что в российском публичном пространстве принято называть «социологией» (соцопросы), постепенно сформировалось сначала в США в 1940-1960-х гг., а в СССР появилось в 1960-х гг. и позже.

Еще о динамике глобальной СБТ-системы

Речь пойдет не столько о сценариях ее динамики, сколько об уже обозначившихся трендах. В принципе нужно рассматривать три сценария: инерционный, критический и разрушительный («самоубийственный»). Из них наиболее вероятным мне представляется второй, то есть критический. Попробую обосновать этот тезис, исходя из уже обозначившихся трендов этой динамики. Напомню еще раз, что их совокупность может дать синергетический эффект, который существующими методами пока просчитать невозможно.

Прежде всего, *народонаселение планеты* продолжает расти, причем, если в «развитых» странах этот рост нулевой или минимальный, то население «развивающихся» стран быстро увеличивается, несмотря на приятые там меры по его сдерживанию. Притом, что их население не только быстро растет, но и перенимает потребительские стандарты богатого Севера. То есть рост народонаселения надо рассматривать в связке с ресурсами для их удовлетворения, которые на каждый момент времени всегда ограничены. С другой стороны, в «развитых» странах значительная часть энергетических и материальных ресурсов затрачивается на создание систем вооружений и, тем самым, омертвляется. Кроме того, локальные войны, ведущиеся этим оружием, приводят к омертвлению не только самих отходов этого производства,

но и обширных территорий, которые надолго становятся непригодными для жизни. Или эти территории превращаются в зоны «замороженных конфликтов», на которых осуществляется лишь простое воспроизводство малограмотного населения. А длительное отсутствие развития приводит к социальной деградации людей, живущих в подобных зонах. Именно в них формируются радикальные и экстремистские настроения, которые позже превращаются в реальные действия, будь то формирование радикальных социальных общностей или движений или массовый наплыв мигрантов в страны богатого Севера. Далеко не все мигранты там адаптируются – часть из них стремится перестроить европейские порядки в соответствии с правилами и нормами жизни беднейших стран Ближнего Востока, Африки и Азии.

Их оружие «массового воздействия» – не столько вооруженные действия, сколько продвижение в страны богатого Севера своих этно-конфессиональных порядков. Причем такой миграционный поток может быть вызван как естественными побуждениями (желание жить лучше, дать образование детям и т.д.), так и быть социально-сконструированным в долговременных политических и этно-конфессиональных целях. Что, естественно, провоцирует политическую и социальную напряженность в ЕС. Все вышесказанное – лишь наиболее простой и наглядный пример критической глобальной динамики. Значит, нельзя сегодня анализировать только одну проблему, даже такую важную как рост населения планеты. Нет сегодня изолированных проблем – есть их очень длинные цепи, связь между которыми может носить самый разный характер: последовательная, совокупная, каскадная и т.д. Кроме того, я не знаю примеров, когда синергетический эффект приводил бы к неким позитивным переменам (сохранению природы, улучшению качества жизни или др.). Обычно такой эффект приводит просто к исключению некоторой территории вместе с ее населением из экономической и социальной жизни планеты. То есть, гуманитарии не создали такого методического инструментария, который позволял бы в реальном пространстве-времени выявлять и фиксировать комплексные перемены.

Как отмечалось, *время протекания метаболических процессов* есть критический фактор динамики СБТ-системы любого масштаба. Какова же их пространственно-временная динамика? Каким образом современные информационные технологии изменяют эти их критические параметры? Уже давно многие теоретики, например, П. Дракер, утверждали, что произошел «перерыв постепенности» в пространственно-временн*о*й связи исторических событий. «Завтра» уже не является простым продолжением «сегодня» и, тем более, «вчера». То, что информационные технологии позволили преодолеть пространственные барьеры, всем известно (так называемый феномен «инверсии пространства»). Современный, глобальный мир не столько интегрировался, сколько разделился на множество качественно-различных пространственно-временн*ы*х систем. Дело не в том, что глобальный мир стал миром «разных скоростей», то есть еще одним подтверждением идеологии нелинейной глобальной динамики. Дело в том, что одни страны развиваются в ускоренном ритме, тогда как другие «стоят на месте» или двигаются назад по оси исторического времени. Причем двигаются отнюдь не в неизменном виде, а постоянно трансформируются, а иногда и просто разрушаются и исчезают.

Наконец, ведь «ускорение» англо-саксонской цивилизации было достигнуто благодаря не только инновациям, но, прежде всего, за счет захвата, разграбления и уничтожения других цивилизаций. Почему-то западные адепты «линейного» развития забывают, что оно было достигнуто отнюдь не в ходе мирного соревнования, а за счет грабительских войн, подкупа и насилия по всему земному шару. Зайдите в Британский музей и попытайтесь понять, каким образом его несметные сокровища оказались именно там, а не в тех странах, откуда они были вывезены, во многих случаях тайком. Значит, сама концепция оси исторического времени должна быть подвергнута

сомнению. Далее, никакой «линейности» в современной глобальной динамике нет, одни двигаются вперед, другие «стоят», третьи деградируют и распадаются. Для гуманитарных наук это означает, что нельзя отождествлять течение социального времени с ходом астрономического времени, к тому же метаболические процессы в глобальной системе пока изучены недостаточно. Наконец, линейное развитие подвержено самоторможению, как в силу исчерпания внутренних ресурсов, так и по причине растущего сопротивления как социальных, так и иных сил.

Как быть дальше?

Попытаюсь оценить усилия мирового сообщества по улучшению его состояния. Я не рассматриваю здесь любые попытки передела мира в интересах «развитого» Севера под флагом установления демократии западного образца. С другой стороны, если бы таких усилий не было бы предпринято, наверное, ситуация в мире была бы еще более серьезной. Начнем с уже известной темы «глобального ускорения», которое привело к критическому отставанию существующих социальных институтов от скорости геополитических и других перемен. Установленные более полувека назад нормы международного права сыграли важную роль после Второй мировой войны. Но сегодня эти нормы постоянно нарушаются временными договоренностями и соглашениями, что обусловлено возникновением проблем, которые нужно решать «здесь и сейчас». На международной арене появились такие игроки, как международные и национальные НКО, которых ранее на этой арене просто не было. Далее, эти международные нормы размываются действиями Четвертой власти, когда социальные факты приравниваются к политически-сконструированным фактам. Поэтому ряд международных соглашений, принятых ООН, не выполняется или выполняется частично. «Зеленая революция» дала положительный эффект, но эффект весьма краткосрочный. А вот зависимость многих стран от монополистов, производящих семенной материал, растет изо дня в день. Следовательно, динамика «развивающихся» стран зависит от интересов тех же ТНК. Идея «устойчивого развития», также продвигавшаяся ООН [Brundtland and Khalid, 1987], мало что дала. Сегодня любая «устойчивость» – это индивидуальный феномен, всецело зависящий от геополитической ситуации и динамики локально-глобального контекста. И вообще, давно известно, что *любая устойчивость* (как при наличии благоприятных, так и неблагоприятных условий) *достигается только через постоянные изменения*.

Есть еще ряд не просчитанных последствий информационной революции. Во-первых, это удвоение жизненного пространства (материальное и виртуальное) любого социального агента, и, в первую очередь, человека. Тем самым любой социальный агент может ходить туда-сюда. Однако длительное пребывание в социальных сетях изменяют поведение человека, отрывая его от социокультурных корней (семьи, круга близких друзей, «Малой Родины» и т.д.). Социальная сеть – довольно зыбкая среда обитания, в которой легко можно потерять собственную идентичность, не приобретя никакой другой. Эти сети – действительно сети для ловли человеческих душ, недаром вовлечение в экстремистские организации осуществляется именно через социальные сети. Включаясь в глобальную сеть, человек добровольно ставит себя в зависимость от множества анонимных пользователей, которые могут иметь ему неизвестные цели. Все чаще эти рядовые агенты социальных сетей используются «втемную». Не станет ли в этих условиях индивид (учитывая растущие возможности его пространственной мобильности), в конце концов, человеком без роду и племени, эдаким «перекати-поле», то есть вечным маргиналом? Не случайно западные социологи говорят о необходимости пересмотра концепции «приватности», этого одного из краеугольных камней западной демократии. Наконец, К. Шваб и другие интерпретаторы Четвертой промышленной революции открыто предупреждают о грядущих изменениях на рынке

труда, о дальнейшем размежевании общества на элиту ее идеологов и изобретателей и трудящуюся массу. Не есть ли это на новом витке возврат к первой стадии промышленной революции с ее изнурительным монотонным трудом?

Наконец, что же произошло с европейской демократией за последние 15–20 лет? Вплоть до конца 1990-х гг. гражданские инициативы и движения интенсивно изучались всеми ведущими европейскими социологами: М. Диани, М. Кастельсом, Б. Кландермансом, Х. Кризи, Д. Делла Порта и десятками других. Эти исследователи полагали, что гражданские инициативы и движения и есть один из драйверов западной демократии. Но вот в середине 2000-х гг. Евросоюз полностью встал на ноги, а исследователи вернулись к изучению деятельности политических партий, их роли в функционировании его бюрократического аппарата и т.п., как бы забыв о своих недавних интересах. И это при том, что левые нестроения и националистические организации в Евросоюзе только растут. Не парадокс ли: сегодня Ирландия является одной из немногих в Европе стран, интенсивно развивающих исследования социальных движений. Это означает, на мой взгляд, что усилия мирового сообщества по улучшению его состояния не привели к желаемым результатам. Далее, благотворительности в мировом масштабе не бывает. Она всегда хорошо оплачена. Экономическая выгода от продвижения идеи «устойчивого развития» по англо-саксонскому образцу победила выводы фундаментальной науки. Информационная революция – двуликий Янус, так как соотношение ее будущих благ и бедствий не было просчитано. Свобода научной мысли и творчества остаются непреложными условиями модернизации научного знания.

Выводы

«Окончательных» выводов в столь динамичной глобальной ситуации просто не может быть, поэтому ограничусь некоторыми общими соображениями. Первое, гуманитарные науки, взаимодействуя с естественными и техническими науками, тем не менее должны сохранять некоторую дистанцию от них. Однако эта их дистанцированность не предполагает их дальнейшего обособления. Напротив, она предполагает уменье переводить данные естественных и технических наук на язык гуманитарных наук. Подобную дистанцию нужно сохранять и по отношению к масс-медиа. Понятно, что в информационный век без них не обойтись, но эта дистанция необходима, потому что, чем дальше, тем больше медиа рассматривают данные социологии и других гуманитарных наук как инструмент для подтверждения собственных сиюминутных позиций. Это, в свою очередь, означает, что научные факты должны быть отделены и институционально конституированы от политически сконструированных фактов. Чтобы этого достичь, гуманитарии должны стать вровень со скоростью медиа-реакции на глобальные перемены. Этого можно, в частности, достичь посредством развития методов непрерывного наблюдения и обработки их результатов. Это требует дополнительных средств, но далеко не всегда. Наконец, наиболее сложная задача – это понять динамику России в контексте взаимодействия нескольких цивилизационных моделей. В ней Россия тоже не стоит на месте, а движется по сложной, скорее всего, разно-векторной траектории, определяемой ее историей, культурой и географическим положением.

Глава 2. Динамические процессы: суть и методы изучения

Как уже отмечалось, вплоть до начала XXI в. общественные науки концентрировались на изучении стационарных состояний, или же – на их смене в ходе промышленных и социальных революций и государственных переворотов. Затем, выражаясь фигурально, начинался период реализации некоторой «идеальной модели»,

либеральной или авторитарной. Сегодня ситуация качественно изменилась: весь мир, более и менее развитый, стал подвижен. Причем эта «подвижность» может быть направлена вперед или назад, к архаическому обществу. Так или иначе, закономерности изучения динамики глобо-локальных процессов выходят на первый план.

В целях лучшего понимания новизны предмета исследования, я повторю ключевые исходные предпосылки этой динамики.

Первое, информационно-коммуникационная революция (ИК-революция) есть инструмент ускоренного изменения любого способа общественного производства. Второе, в процессе этой перестройки формируется динамичная глобальная сетевая система, в которой различия агента и среды его обитания относительны. Третье, СБТ-система любого масштаба интегрируется множеством метаболических процессов, социального, технологического и биохимического свойства. Четвертое, ведущим фактором развития нового способа производства является производство и распространение информации. Скорость и всеохватывающий характер информационных процессов порождает феномен инверсии пространства, то есть его посредством времени.

Пятое, метаболические процессы формирования СБТ-систем требуют междисциплинарного анализа во времени и пространстве. В условиях рыночной экономики всякое время-пространство является предметом торга и других манипуляций, поэтому структуры и формы СБТ-динамики можно технологически конструировать. Шестое, ИК-технологии позволяют перманентно модифицировать как глобальное, так и местное время-пространство вне зависимости от эволюционно сложившихся СБТ-систем. Седьмое, борьба интересов порождают критические ситуации, *возникает феномен «критического времени»* (времени выживания) природных и социальных экосистем. Их слом порождает выброс энергии социального или технологического распада. При этом динамика всякого агента изменений во времени-пространстве не линейна, чаще всего она приобретает *каскадный характер,* что увеличивает сложность спасательных и восстановительных операций и расходы время и ресурсов. Восьмое, любые социально-политические воздействия на СБТ-системы имеют двойственный характер. Одни хотят максимизировать производство благ при минимуме рисков, тогда как другие стремятся к максимизации прибыли (выгоды) при минимальной ответственности. Девятое, чем дальше, тем больше производство академического знания замещается производством экономически или политически инсценированных «фактов». Десятое, информация (а не научные знания), производимая медиа-индустрией, становится все более востребованной. Автор выдвигает версию современной СБТ-динамики как «неопознанного субъекта», поскольку сложность и нелинейность ее динамики в пространстве-времени не имеет пока адекватного теоретического описания.

Что является объектом исследования?

Речь идет о динамических процессах, порождаемых изменением способа общественного производства. В мире происходит новая индустриальная революция. Однако ее современный этап, как и все предшествующие, носит переходный характер. Новый, способ производства взаимодействует с уже существующими способами производства, и это взаимодействие, чаще всего, носит конфликтный характер. Всякое производство одновременно порождает блага и риски. Сегодня под воздействием новой ИК-революции риски становятся всеохватывающими и всепроникающими [The Global Risk…, 2015, 2016; Яницкий, 2003; Beck, 1992, 1999; Yanitsky, 2000]. Речь также идет о становлении нового (комплексного, «гибридного») агента социального действия. Иными словами, вся глобальная СБТ-система понимается мною как совокупность

динамических систем разного масштаба, где различия между «агентом» изменения и средой его обитания относительны. Соответственно, подлежат исследованию процессы взаимодействия и взаимного изменения качественно различных структур и процессов. Их агентом (проводником) являются метаболические процессы, как между социальными, биологическими и техническими агентами, так и собственно социально-метаболические процессы. То есть сети (цепи) взаимодействия агентов разного масштаба и качественно различных, а также процессы взаимодействия сетевых и средовых структур [Yanitsky, 2016, 2016a].

Основным структурно-функциональным изменением, инициированным ИК-революцией, является: растущий разрыв между мобильностью одних структур и неподвижностью других. Этот разрыв одинаково присущ сфере социальных институтов, человеческим сообществам и отдельным индивидам [Bauman, 2000, 2004; 2011, 2011a]. Такой разрыв нарастает в производстве, распространении и использовании научного знания при одновременном переходе от Второй к Третьей и Четвертой технологическим революциям. Другой важный структурно-функциональный сдвиг: научное производство все более подчиняется целям глобального бизнеса и его политики. В российской и мировой гуманитарных науках в изучении глобальной динамики есть два теоретических полюса. Один – это абсолютная толерантность, когда разные авторы, пишущие на тему глобализации и ИК-революции, только упоминаются, но их методы и концепции социально и политически не рефлексируются. Это, на мой взгляд, извращенное понимание свободы слова в научном сообществе. Другой подход, который я называю «традиционным», состоит в том, что новые формы общественного производства анализируются методами, разработанными применительно к предшествующему этапу развития общественного производства. В этих «традиционных» подходах господствует идея постепенных изменений, то есть плавного перехода прошлого способа производства в новые их формы, а также их территориальной фиксированности.

Поэтому сам по себе термин «новая технологическая революция» еще ничего не объясняет. Нужна концепция ИК-способа производства, возникающего на ее основе. А, следовательно, и иные методы его изучения. Отсутствие необходимой *связки «идея–теория–метод»* приводит к тому, что в исследованиях по проблемам современной глобализации вопросы адекватности применимости существующих сегодня методов к этому качественно новому социальному феномену не анализируются. Пока что большинство уже существующих методов применяется как к нынешней, так и к качественно новой ситуации.

Информация, время и пространство – ключевые переменные?

Движущей силой формирования глобального ИК-способа производства (его также называют постмодерном, постиндустриальным, информационным и т.д.) является производство и распространение информации о самых разных процессах, происходящих в глобальной системе. За информационными процессами, как правило, следуют потоки природных, финансовых и людских ресурсов, перемещение силовых структур, возникают новые направления миграционных потоков и т.д. Это не значит, что ИК-производство является единственной формой производства на планете. Но сегодня от процессов сбора, осмысления и распространения информации зависят многие другие способы производства (природных систем, технических решений и собственно социального воспроизводства и политических решений).

Условно мною выделяются три типа времени-пространства всякого способа производства: «природное», социальное (естественно сформировавшееся или технологически сконструированное) и «гибридное», то есть сформировавшееся в результате прямых и обратных метаболических связей между ними. В глобальной СБТ-

системе эти три типа времени-пространства взаимодействуют столь тесно, что они практически неразделимы. Именно этот, «гибридный» тип представляет наибольшую сложность для исследователя глобализации и одновременно ключевой интерес для него. Но всякое усложнение изучаемого объекта повышает его рискогенность, а это означает, что одновременно возрастает роль тех отраслей науки и практики, которые снижают эту рискогенность, повышая жизнеспособность и безопасность изучаемой ими сложной системы.

Исходя из сказанного, «природное» время-пространство существует лишь теоретически, поскольку все природные структуры и системы подвержены всевозрастающему воздействию человека (например, через перенос загрязнений или последствий природных или техногенных катастроф). То есть они связаны метаболическими процессами. Глобальное изменение климата есть наиболее наглядный результат взаимодействия трех названных выше типов пространственно-временн***ы***х трансформаций. Поэтому на первый план выходит изучение СБТ-систем «гибридного типа». На мой взгляд, ни естественные, ни социальные науки к эмпирическому изучению этого «гибрида» пока не готовы, поскольку нет еще соответствующей теоретико-методологической базы и, соответственно, исследовательского инструментария.

Разные элементы СБТ-систем имеют различные формы и параметры пространственно-временн*о*й динамики. Поэтому более корректно говорить не просто о пространственной или временн*о*й динамике тех или иных процессов, а о *темпо-ритмах* этой динамики. Темп это степень ее ускорения, а ритм – это характер ее развития во времени: линейный, скачкообразный, каскадный и т.д.

Современные ИК-средства позволяют человеку действовать «поверх» реальных природных и социально-экономических ландшафтов. Однако это справедливо лишь для собственно информационных процессов, финансовых трансакций и некоторых видов политического воздействия или силового воздействия (например, выдвижение ультиматума или объявление войны). Во всех остальных случаях с факторами изменения физического ландшафта (ураганы, наводнения, лесные пожары) или с позицией местных социальных агентов (массовых движений, частных вооруженных формирований и т.п.) приходится считаться. Приходится также принимать во внимание гуманитарные катастрофы, возникающие как в результате стихийных бедствий, так и вследствие военных действий, конфессиональных или этнических конфликтов.

Фактор времени может одновременно играть разную роль в отношении СБТ-систем. Она может быть положительной, когда, например, объявляется временное перемирие между враждующими сторонами для проведения переговоров и доставки гуманитарной помощи пострадавшим. И отрицательной, когда, например, политические переговоры являются ширмой для перегруппировки сил враждующих сторон и затягивания конфликта, если он выгоден одной из этих сторон и ее сторонних «патронов». Пространственно-временн***ы***е характеристики «замороженных» конфликтов требуют специального изучения.

Теоретически говоря, в условиях рыночной экономики всякое время-пространство является предметом купли-продажи. То есть, при наличии ресурсов многие структуры и формы СБТ-динамики можно технологически сконструировать. Это означает, что время-пространство может как «растягиваться», так и «сжиматься» посредством человеческой активности, вооруженной современными технологиями. При этом, каждый раз необходимо учитывать «эффект бумеранга» [Beck, 1992], то есть обратное воздействие СБТ-систем разного масштаба на их отдельные структуры и процессы. Пока нет инструментов, позволяющих определить, на каком этапе динамики СБТ-структур и процессов это обратное воздействие их настигнет и каким будет конечный результат.

Далее, разные интересы порождают разные критические ситуации, включая военные действия [Yanitsky, 2015], в результате у ее участников время течет по-разному. Если для «высоких договаривающихся сторон» длительные переговоры и подготовка к ним суть «нормальное» время их повседневной работы, то для массы людей, оказавшихся в критической ситуации (в разрушенном ураганом или осажденном городе) время их выживания измеряется часами и минутами. Я называю такое время *«критическим временем»* или *временем выживания*. Собственно говоря, здесь нет ничего нового, потому что у спасателей, врачей скорой помощи и других экстренных служб всегда есть критический лимит времени, зависящий от конкретной ситуации или состояния пострадавших. Напротив, для искателей легкой наживы и мародеров критическая ситуация всегда выгодна. То есть подтверждается старая истина: у каждого из участников любого «нормального» или конфликтного процесса есть свое понимание ценности времени и наиболее желательных для него темпо-ритмов.

Далее, согласно второму закону термодинамики, природные процессы, если они не имеют энергетической подпитки извне, постепенно угасают. Напротив, созданные человеком СБТ-системы, заимствуя вещество и энергию у других природных или социальных систем, могут усиливаться, расширяясь во времени и пространстве, или, по крайней мере, длительно существовать в неизменном состоянии. Иными словами, влияние некоторого агента ИК-производства на окружающий его мир также носит вероятностный характер. И «вычисление» этой вероятности в каждом конкретном случае – еще одна теоретическая и инструментальная проблема.

Дело осложняется тем обстоятельством, что динамика всякого агента во времени-пространстве не линейна, а чаще всего имеет *каскадный характер* [Kelly, 2015]. Этот фактор имеет две стороны. Одна ее заключается в том, что любой каскад (действий, событий, аварий и т.д.) тоже не линеен, он расширяется во времени и пространстве «деревообразно», порождая цепи метаболических процессов на местном или региональном уровнях. Вторая сторона состоит в том, что «ответ» среды обитания, которую затронули те или иные каскадные процессы, тоже не является линейным. Социальные агенты, не только «реагируют» на риск или его угрозу, но перемещаются в пространстве, спешно создавая альянсы, мобилизуют ресурсы, создавая линии обороны или очаги сопротивления. Или, напротив, эти агенты «меняют политическую окраску», растворяясь в мирном населении, которое эти агенты еще вчера притесняли.

Общая закономерность состоит в том, что всякая природная или комплексная система имеет некоторый *предел несущей способности*. Если этот предел не перейден, то такая система борется с внешними воздействиями. Она или поглощает их, или смягчает их воздействие, «отводит их в сторону» и т.д. Если же эта ее несущая способность превышена, то природная или социальная система или постепенно деградирует, или же она распадается, извергая в среду поток энергии распада.

Для конкретизации понятия «нелинейности» СБТ-динамики, точнее для определения момента ее бифуркации, представляется целесообразным введение понятий *упущенного времени и безвозвратных потерь*. Они означают невозможность возврата к прежнему ее состоянию и, следовательно, некоторый качественный скачок в ее динамике. Мировой и мой собственный опыт изучения критических состояний городских систем (технологических аварий, природных катастроф, введения осадного положения) свидетельствует, что в лучшем случае процесс их восстановления потребует значительно больше материальных и других ресурсов, чем требовалось бы на поддержание подобных систем. Однако и в случае работ по восстановлению все равно это будет нечто качественно иное («новодел»). История свидетельствует, что человечество никогда не возвращалось к своему прежнему состоянию, а строило новую жизнь рядом или поверх руин прежних городов и других типов поселений. Или же их

существенно обновляло. Кроме того, «упущенное время», как правило, означает расширение зоны критического состояния и ускорение деструктивных процессов. Например, десять лет назад апологеты Европейского Союза прочили ему безоблачное будущее в последующие 50 лет [Fraser, 2007]. Но менее чем через 10 лет ЕС оказался в ситуации глубокого кризиса, а сегодня говорят о возможности его распада.

О методах изучения глобальной динамики

Формирование СБТ-систем и их динамики не схватывается большинством существующих методов социальной или иной статистики и, в частности, методами массовых опросов. Дело в том, что в условиях непрерывного ускорения темпа человеческой жизни и необходимости овладения все новыми техническими средствами жизнеобеспечения динамика разных таксонов (то есть группировок населения по полу, возрасту, материальному положению и т.д.) все более различается. В силу возраста и некоторых условий ранней социализации дети и подростки овладевают новыми технологиями гораздо быстрее, чем их родители и вообще чем люди старших поколений. Поэтому если исследователь СБТ-систем хочет понять ее динамику, то он должен, скорее, опрашивать детей и подростков, нежели их родителей, бабушек и дедушек. С другой стороны, метаболические цепи практически не осознаются массовым сознанием, или осознаются post factum.

Поэтому *таксономические методы* для изучения динамики современных развитых обществ весьма ограниченно применимы, поскольку в них все изменяется: индивиды, их связи, социальные нормы и институты, а также формы и характер обмена между ними. Структура социальных действий и регулирующих их институциональных систем также становится сетевой, что также не схватывается методами массовых опросов. В их «гайдах» вы не найдете вопроса о связях между отдельными агентами динамической системы и, тем более, об их сопряженной динамике. Наконец, глобальная динамика – тем более не линейный процесс. Модернизация сопровождается де-модернизацией и распадом местных сообществ. Более того, позитивная динамика требует постоянного саморазвития ее драйверов. Если этого не происходит, то, согласно второму закону термодинамики, данная система начинает деградировать, а потом распадается. Поэтому современная глобальная динамика – всегда многосторонний процесс, сочетающий развитие, самосохранение и деградацию.

Учитывая ограниченность возможностей данного метода для исследования проблем динамики СБТ-систем, я в течение нескольких десятков лет практиковал другие методы их изучения. К ним относятся: «изучение случаев» в их динамике при помощи построения хроник событий, изменения расстановки сил, изучения документов подобных конфликтов и индивидуальных полу-структурированных интервью. Совокупность этих методов дала возможность опираться не на мнения, а на факты успешных коллективных действий и биографий лидеров и участников социально-экологических конфликтов. Эти методы на деле доказали свою пригодность для проведения исследований в быстро изменяющемся обществе, в котором позитивная динамика периодически сменялась кризисами и критическими ситуациями. В частности, эти методы были хороши еще тем, что можно было изучать совместно (сопряженно) темпо-ритмы динамики самого общества и изменения его среды обитания. Например, посредством применения комплекса названных методов удалось выявить сопряженный темпо-ритм развития экологического движения в изменяющемся глобально-национальном контексте, его основные этапы и точки бифуркации. Более того, можно было даже предвидеть, когда это движение именно как природоохранное движение сойдет на-нет, уступив место партии «Яблоко» как наиболее экологически-ориентированной [Yanitsky, 2012]. Сегодня, начинается новая волна экологических

инициатив, причем, как и в конце 1980-х гг., с двух сторон одновременно: «сверху-вниз» и «снизу-вверх» и т.д.

Теперь – непосредственно о теоретических подходах к проблеме. Начну с того, что работы по теории динамики социально-экологических систем интенсивно развивались в 1960–1980-е гг. [Meier, 1965; Forrester, 1969, 1971], но позже интерес к ним сократился. Любые природные, социальные и технические агенты изменяются не самостоятельно, а сопряженно со средой своего обитания. Поэтому теория динамики СБТ-систем, составляющих их структур и процессов, равно как и метод ее изучения, должны развиваться *одновременно,* поскольку разделение этой динамики на ее агентов и ее среду всегда условно. Отсюда следует, что метод не есть нечто данное априори, его нельзя просто взять из учебника или книжки – он должен формироваться (уточняться, трансформироваться) в процессе самого исследования. Другая методологически важная позиция состоит в том, что СБТ-системы должны также изучаться «сверху-вниз» и «снизу-вверх» одновременно, потому что понимание некоторой проблемы властными структурами и массой рядовых граждан всегда различно. Но этот – только первый шаг. Затем придется строить сложную и модель расстановки и динамики глобальных сил.

Комплексный структурно-функциональный анализ этих систем делается с акцентом на их позитивную и негативную динамику одновременно. Почти 100 лет назад П. Сорокин выдвинул понятие *отрицательной социальной сукцессии*. Речь идет о том, что процессы естественного формирования городов и других социальных организмов, а такие их деградация и угасание имеют собственные закономерности и также должны изучаться совместно. Отсюда – следующий шаг: жизнь нашей планеты трактуется мною не как взаимодействие человека и природы или как естественных или сконструированных человеком экосистем, а как некое сложное, противоречивое и изменяющееся целое, то есть именно как глобальной СБТ-системы. Далее, динамика СБТ-системы любого масштаба – нелинейная, вероятностная, с неожиданными поворотами бифуркациями и возвратными ходами. Эта динамика определяется взаимодействием множества сил, как внешних сил, так и внутренних, а также потенциалом устойчивости (резистентности) самой СБТ-системы к этим воздействиям. Соответственно, среда СБТ-системы любого масштаба – не «пустое пространство», а совокупность относительно стабильных и относительно динамичных элементов. Поэтому различия между агентом и средой его действия всегда носят вероятностный характер.

В первом приближении характер взаимодействия различных СБТ-систем можно разделить на три типа: «нормальный», «конфликтный» и «критический». Под «нормальным» понимается некоторый динамический баланс сил созидания и разрушения, с преобладанием первых. Под «конфликтным» типом понимается негативный баланс этих сил, то есть преобладание процессов стагнации и разрушения. Наконец, под «критическим» имеется в виду ситуация выживания посредством мобилизации внутренних резервов и возвращения к простым (традиционным) средствам самосохранения (экономия всех видов ресурсов, ограниченная мобильность, минимизация контактов и т.д.). В каждом из этих состояний происходит *выделение энергии распада* в форме усиленной эксплуатации ресурсов природы, загрязнения среды обитания, роста потоков беженцев и вынужденных переселенцев и т.д. При движении от первого типа к третьему выделение энергии распада нарастает. Сама энергия распада, по существу, является социальным агентом, поскольку воздействует (ограничивает, трансформирует или разрушает) и других агентов, и среду обитания [Яницкий, 2003].

Каждая конкретная среда обитания имеет некоторую степень устойчивости, сопротивляемости по отношениям к внешним воздействиям. Но сегодня уже понятие

несущей способности данной среды обитания уже недостаточно. Это способность не задана априори, а опять же определяется *соотношением* силы внешнего воздействия (экономического политического, военного, экологического) и способностью данной среды обитания к сопротивлению этому воздействию. Вместе с тем, любая сила внешнего воздействия может расти, накапливаться или же, напротив, затухать. Как показали события «арабской весны» 2011 г., в частности, в Египте и Тунисе, разрушительная сила *может незаметно накапливаться внутри* некоторой СБТ-системы и затем обнаруживать себя в форме массовых волнений и протестных акций. В других случаях, как это было с Байкалом, Аральским морем или с социально-экологическими последствиями строительства Ассуанской ГЭС в Египте, негативные изменения среды обитания и ее обитателей накапливались исподволь, незаметно. Поэтому я предложил бы ввести понятие *степени* рискогенности самой СБТ-системы. Наконец, степень этой рискогенности – теоретически сложная проблема, поскольку в одних случаях она может быть «вычислена» посредством существующих методов наблюдения. Однако в других случаях воздействие феномена «силы слабости» [Yanitsky, 2016a] означает, что разрушение практически любой СБТ-системы может быть произведено дистанционно и всего одним человеком.

Какое знание нужно и как оно организовано?

Современная наука как социальный институт – консервативное образование, разделенное множеством дисциплинарных перегородок. Работы ряда западных исследователей, показавших качественные трансформации института науки [Misunderstanding Science?.., 1996; Gregory and Miller, 1998; Irwin, 2001; Latour, 1987, 1998] почти не имели практического выхода. Поэтому сегодня этот институт не соответствует ускорению темпо-ритма глобальной динамики. Развитие методов системного анализа наталкивается на эти барьеры, отягощенные борьбой интересов глобальных и национальных сил. К сожалению, в блестящих работах Д. Урри о феномене мобильности в современном мире [Urry, 2003, 2008] не нашлось места анализу сопряженной динамики глобальных систем и института науки. Существующая сегодня система производства знаний просто не может угнаться за скоростью глобальных перемен.

Далее, разным агентам социального действия нужны разные знания. Так, бизнесу нужны знания о потребностях производства и населения, о способах удешевления производства и необходимых для него технологиях и ресурсах. Власти – политически «обработанное» и целевое знание. Публичным политиками гражданским активистам – ситуативное знание. Медиа – знание о горячих точках и «жареных» фактах для воздействия на политические структуры и массовое сознание. Относительно обеспеченным гражданам – знание о наиболее доступных и эффективных инструментах для роста своего социального капитала и престижа на «ярмарке тщеславия». Бедным и безработным – знание о средствах самосохранения и выживания. Хакерам и другим асоциальным агентам – нужно знание о слабых местах в обороне вероятного противника. Экологам – о состоянии природы и способах поддержания экологического баланса и т.д. Но как было показано [Weiner, 1989], даже внутри этой последней группы есть, по крайней мере, три понимания самого процесса охраны природы. То есть сегодня производство фундаментального не-политизированного знания занимает весьма малое место среди множества политически и рыночно-ориентированных форм научного производства.

В этих условиях максима «знание–сила» приобретает совсем иной смысл. Оно обретает организационные формы и получает ресурсное обеспечение, только если оно подчинено чьим-то интересам. Однако, как оказывается, и этого недостаточно, поскольку даже хорошо технологически оснащенное и политически мотивированное

научное производство не успевает за темпо-ритмами происходящих в мире перемен. И тогда приобретает смысл *новая максима: «полезное знание есть социально-сконструированное знание»*. Сегодня производство как «высокой науки», так и политически ангажированного знания имеет две цели: удовлетворение интересов конкретного заказчика и самосохранение посредством повышения своей политической значимости. Эта двуединая задача становится все более актуальной с развитием глобальных ИК-сетей.

В результате в последние полвека сформировался качественно новый институт производства заказного знания: масс-медиа. Это уже не случайные группы политтехнологов, формирующиеся по конкретную выборную кампанию или другой политический заказ. Речь идет о мощном институте политического менеджмента с самыми разными средствами пропаганды и «промывки мозгов»: заказными статьями в прессе, радиопередачами, роликами и клипами на ТВ и в социальных сетях, конструированием ложной информации в СМИ, политически ангажированными «говорящими головами» и т.д.

Чем больше в мире возникает *быстро эволюционирующих* конфликтов и критических зон, тем более производство и распространение знаний о них перемещается в масс-медиа. В подобной нестабильной ситуации важно, не кем и какими средствами это знание было произведено, а кем и как быстро оно было распространено. Сегодня наука уже не «высший арбитр», как когда-то предполагалось, а один из ресурсов политического механизма. Полагаю, что в ближайшем будущем связка «капитал-медиа» станет основным драйвером глобальной динамики. Возникает замкнутый круг: масс-медиа не только сами конструируют и распространяют знания, но и приучают граждан к тому, что именно они производят истину «в последней инстанции». Естественно, что этот сдвиг в производстве и распространении научного знания отражается на борьбе идей и школ внутри самого института науки.

О социологическом анализе динамических систем

В нем до сих пор общество рассматривается как отдельный от среды его обитания организм. Ключевой тезис К. Маркса о том, что «человек живет природой», то есть только и посредством обмена с нею, отвергнут теоретически и забыт практически. Поэтому факты существования постоянных сетей обмена с природой и производств, перерабатывающих природные ресурсы в социальные блага и технические системы, также учитываются недостаточно. Тем более не принимается во внимание факт существования глобальной и локальных СБТ-систем как качественно новых агентов глобальной динамики.

Методы массовых опросов предполагают, что совокупность отдельных мнений граждан дают адекватную картину динамики любой СБТ-системы. Иными словами, «совокупное мнение» общества, его элиты или конкретной социальной группы и есть социальная реальность. Соответственно предполагается, что «динамика» этих мнений, отраженная в массовых опросах, и есть динамика этих социальных агентов. До некоторой степени это сегодня действительно так, потому что мнение, транслируемое ведущими СМИ и социальных сетях, все более отождествляется населением с реальностью. Однако при этом не учитывается тот принципиальный факт, что в СБТ-системах происходят метаболические трансформации, которые не схватываются массовым сознанием. Более того, порочный круг все более замыкается: массовые опросы выражают «мнение», сформированное именно в этих СМИ и социальных сетях.

Массовый опрос или их серия с интервалом в несколько месяцев или лет сегодня уже не дает адекватной картины по нескольким причинам. Такой опрос *не выявляет социально-политического веса* отдельных групп (по полу, возрасту, уровню образования, степени их политического влияния и т.д.). Более того, наиболее

политически весомыми оказываются смешанные сетевые группы. Их вес во многом определяет динамику сложных систем. Рядовые граждане оценивают некоторое явление с одних позиций, тогда как бизнес и власть – с совсем других позиций. Эти опросы также не учитывают динамической связи между респондентами и средой их обитания. Одно дело, когда речь идет о *всеобщей среде обитания*, например, о повышении налогового бремени на все население, и совсем другое, когда речь идет о *рисках для отдельных* индивидов или групп граждан. Поэтому важны не процентные соотношения ответов типа «да», «нет» или «затрудняюсь ответить», а *социальный или политический вес* отдельных групп и социальных движений, их роль при принятии решений. Эти «веса» редко совпадают с суммарным мнением отдельных таксонов: «больше» или «меньше» не значит более или менее важно для динамики СБТ-системы.

Выводы

Исследование ИК и других метаболических сетей становится сегодня важнейшим инструментом анализа любых СБТ-систем. Метаболические процессы развиваются нелинейно. В одних случаях они затухают или теряют свою силу, тогда как в других, соединяясь с иными силами или физическими или биохимическими процессами, приобретают более опасный для человека и природы характер. Причем, под воздействием динамики названных выше социальных и технологических сил сам процесс жизнедеятельности человека тоже изменяется. *Шаг этапов этой эволюции все время укорачивается:* сначала он измерялся несколькими поколениями, потом временем одного поколения, теперь он быстро сокращается от десятка лет до двух-трех лет. На этот ускоряющийся бег времени накладывается стремление человека беспрерывно изменять окружающий мир, чтобы его потребности, а с ними его благосостояние, непрерывно росли. Образно говоря, этот бег имеет три исторических этапа. Сначала типологически неизменный человек живет в неизменяемом отрезке времени-пространства. Это – этап сопряженности динамики человека и среды его обитания. Затем, начинается этап «режиссуры», когда режиссер (государство или глобальный рынок) приучает и заставляет человека непрерывно ускоряться и изменяться. Для этого формируется институт социальной инженерии и СМИ. Наконец, наступает эра политических технологий, когда *человеческое поведение тотально конструируется и навязывается населению извне*. Одновременно, конструируются и навязываются ему темпо-ритмы его жизни. Проблема в том, что «нормальное» и «критическое» время всегда сосуществуют в едином потоке глобальной динамики и, соответственно, глобального времени. И как их изучать – методически нерешенный вопрос.

В отличие от методов, пригодных для изучения относительно стабильных структурно-функциональных систем, сегодня нужны методы для изучения систем на порядок более сложных и непрерывно изменяющихся. Мир из разобщенных ландшафтов и территориально фиксированных социально-экономических образований (государств, городов, сельских поселений) превращается в интегрированную территориально-сетевую систему, в которой информационные, ресурсные и политические связи имеют первостепенное значение. Теория и методы изучения этих систем должны соответствовать их степени сложности и динамизма. Появление космических систем наблюдения, способных отслеживать пространственно-временную динамику происходящих на планете событий в режиме реального времени, соответствует темпо-ритму этой динамики. Способность к фиксации пространственно-временной динамики этих систем должна быть дополнена качественным анализом их структурно-функциональных трансформаций. Особое значение имеет выявление качественных изменений, возникающих в ходе этих трансформаций. Следовательно, ускорение и усложнение названных выше трансформаций означают все большее

подчинение производства знаний текущим интересам экономических и политических агентов глобальных процессов.

Поскольку любой динамический процесс или управляющее воздействие могут быть использованы как во благо, так и во вред конкретному человеку или СБТ-системе, структура социальных институтов также должна быть гибкой, мобильной. Способствуя развитию творческого потенциала людей и организаций, она одновременно должна блокировать их негативные последствия. Это сложная задача, поскольку каналом воздействия креативных и разрушительных импульсов служат одни и те же информационные системы. С гуманистической точки зрения, это *задача на «минимакс»*: максимизировать креативную коммуникацию и минимизировать при этом вероятность разрушительных воздействий. Однако борьба глобальных игроков за ресурсы и геополитическое господство имеет противоположную цель: максимизация собственных полномочий при минимизации ответственности за негативные природные и социальные последствия. Подконтрольные глобальным игрокам медиа, оправдывают их любые действия и списывают все их негативные последствия на вероятного противника. Массу населения приучают воспринимать историю как непрерывную смену медиа-картинок. Чем дальше, тем больше связка «капитал–медиа–массовое действие» становится основным драйвером глобальной динамики.

Существующие методы научного анализа глобальных трансформаций не соответствуют сложности и скорости их изменений. Сегодня расследование причин и виновников социальных катастроф тянется годами и постепенно затухает, часто так и не дав определенного результата. А глобальный политический процесс все время требует оценок: кто виноват, и что делать? Отсутствие научных фактов замещаются мнениями, сконструированными медиа. Это уже не просто «инсценирование» отдельных событий глобальной динамики, а ее качественно иная, «виртуальная» версия. Все это резко усложняет задачи и методы исторической археологии и археографии [Foucault, 1969]. Более того, сегодня наука как институт теряет свои властные позиции, которые переходят к институту масс-медиа. Именно они обретают право задавать вопросы и требовать на них ответы, «право судить и осуждать» [Ионин, 2007: 407].

Опираясь на доступные источники и собственные исследования критических ситуаций, я выдвигаю версию «черного ящика» современной глобальной динамики. Во множестве ее «критических точек» одновременно взаимодействует столько сил, их концентрация настолько высока, а результирующие количественные и качественные трансформации столь стремительны, что любой внешний наблюдатель или инсайдер видят только разрозненные события этой динамики. Если эта версия верна, то рядовой участник названных процессов не может получить адекватную картину глобальной динамики и не способен ее воспринять именно в силу ее сложности и динамичности. Поэтому в своей повседневной деятельности он руководствуется «медиа-картинками» и собственным сиюминутным опытом. Соответственно, историческое знание о глобальной динамике, полученное историками много позже конкретных событий, воспринимается этим участником как не имеющее практического смысла, а лишь как форма интеллектуального отдыха и развлечения. Следовательно, для приятия решений необходим перманентный мониторинг глобальной динамики.

Глава 3. О соотношении стабильности и мобильности

Стабильность как устойчивость, сопротивляемость внешним и внутренним вызовам и мобильность как способность адаптироваться к постоянно изменяющемуся глобальному и местному контексту суть необходимые свойства современных субъектов действия любого масштаба. Стабильность и мобильность, приспособляемость – это две

стороны диалектической пары «устойчивость–развитие». Эта пара внутренне противоречива, поскольку современная глобализация есть двуединый процесс формирования унифицирующих всепроникающих сетевых систем и национально-территориальных образований. Внутренней основой этого противоречия является борьба двух форм общественного производства: информационного (виртуального) и материально-вещественного, которые производят как «блага», так и «бедствия». Как отмечалось выше, сегодня социальные процессы глобализации носят нелинейный, вероятностный характер, изобилуя неожиданными поворотами. А среда, в которой они совершаются, также подвижна, поскольку состоит из совокупности динамичных и статичных сил действия и противодействия, причем формы их взаимодействия имеют разные темпо-ритмы.

Переход российского общества от социалистического к капиталистическому способу производства, естественно, вызвал различные формы противостояния между уходящими в историю и вновь становящимися формами этого производства. Возникли новые «гибридные» формы производства и новые технологические и социально-экологические общности и связи между ними. Естественно, что вся эта становящаяся система капиталистических отношений породила новые формы социального действия, которые пока остаются вне поля зрения общественных наук. Однако прошедшие два с половиной десятилетия показали, что гражданские организации и их сети сыграли важную роль в этой перестройке. Метаболические процессы играют важную роль в этом процессе социальной трансформации. Причем в ходе перехода к постиндустриальному обществу этим процессам будет принадлежать всевозрастающая роль. К сожалению, разрыв между темпо-ритмами этих трансформаций и их осмыслением общественными и другими науками пока лишь возрастает. Одна из причин этого разрыва заключена в высоких междисциплинарных барьерах, не позволяющих вести комплексные исследования. Другой причиной является «опережение» этого производства политическими процессами, подкрепляемыми действиями масс-медиа. Такая сиюминутная «стабильность» препятствует достижению глубокого понимания закономерностей постоянно изменяющейся глобальной системы.

Унификация и «партикуляризация»

Современная глобализация есть процесс унификации, идущей «поверх» любых социально-территориальных образований, и сохранения специфических национально-культурных систем, будь то национальные государства или местные сообщества. Хотя соотношение этих двух процессов меняется в пользу первой, она не может существовать без территориально-локализованных узлов и ячеек второй. Дело в том, что глобализация, порождающая унификацию, – не линейный процесс. С одной стороны, динамические процессы, расходуя свою энергию, постепенно затухают или «переключаются» на новые цели, но с другой стороны, именно в территориально-локализованных узлах и ячейках накапливаются ресурсы для ее дальнейшего развития. Полный переход глобального сообщества на «сетевую» форму существования невозможен по причине глубоких национально-культурных и природно-климатических различий территориально-локализованных узлов.

Глобализация есть также экономически и социально-обусловленный процесс. Для одних государств, территориальных сообществ и групп населения она производит блага, тогда как для других – только бедствия. Это ее диалектика справедлива как для природных, так и для социально-сконструированных систем. Например, рост народонаселения планеты обостряет проблему питьевой воды и производства продуктов питания. Перенос «грязной» индустрии, улучшая экологическую обстановку в индустриально развитых странах, ухудшает ее в странах «третьего мира». То есть глобализация – всегда «глобо-локальный» общественный процесс. Не только потому,

что глобальные игроки (ТНК и другие) кардинально изменяют местный природный ландшафт и разрушают локальные сообщества, но и потому, что асоциальные силы (террористические и радикальные международные сообщества и организации) способны сегодня нанести глобальный вред, который трудно предсказать.

В идеале тренды унификации и партикуляризации должны быть сбалансированы. Производство и распространение новых технологий по всему миру должно сопровождаться усилиями по сохранению социально-культурной специфики обществ и сохранению биологического разнообразия планеты, поскольку это разнообразие необходимо для охранения устойчивости нашей планеты как СБТ-системы. Односторонняя глобализация/унификация не только вызывает массовый протест «низов» и среднего класса, но приводит к возникновению антиглобалистских движений. Наконец, одностороннее ускорение процессов унификации обозначило еще одну фундаментальную проблему: отставание институциональных систем, начиная от международных организаций и до науки и образования, от темпо-ритмов происходящих перемен. Это – проблема не только запаздывания управленческих решений, но и растущего разрыва между многосторонним характером идущих перемен и их односторонней (моно-дисциплинарной) интерпретацией. И вот здесь множество вопросов к характеру развития института науки.

О динамике мировой и российской науки

Динамика мировой науки – предмет, выходящий далеко за пределы данной главы. Но на один факт из истории мировой науки я хотел бы обратить внимание читателя. В 1970 г., то есть почти полвека назад, известный специалист в области системной динамики Дж. Форрестер предложил Д.Л. Мидоузу, тридцатилетнему ассистенту Массачусетского технологического института в США, возглавить группу по разработке модели мирового развития. Модель должна была показать, что произойдет в мире, если существовавшие тогда тенденции развития мировой экономики и народонаселения Земли сохранятся. Замечу, что 50 лет назад никто из социологов глобализаций не занимался. В результате был сформирован междисциплинарный коллектив, который уже через два года представил мировой общественности свой коллективный труд «Пределы роста. Доклад Римскому клубу» [Медоуз и др., 1991]. Этот труд (уже как книга) был переведен на 35 языков, и за ним последовали еще семь Докладов Римскому клубу. Красной нитью через все эти работы проходила мысль, что материальное благосостояние не может расти до бесконечности, что человечеству грозит катастрофа, если не будут приняты меры по ограничению и регулированию производства и изменению критериев прогресса человечества. Однако воз и ныне там, что свидетельствует о том, что *капиталистическая экономика не способна к самоограничению*, она может развиваться лишь в условиях внешней и внутренней экспансии.

Но вернемся в Россию. Интерес к докладам Римскому клубу был, но в течение последующих десятилетий он постепенно угас в результате распада Советского Союза и перехода на рельсы капиталистической экономики. В течение последних 25 лет общественные науки России развивались по нескольким направлениям. Одно сосредоточилось на «транзите», то есть самом процессе перехода от социализма к капитализму. Эта группа ученых занималась проблемами именно этой «переходной» фазы. Они изучали фундаментальные трансформации российского общества по мере его включения в глобальную рыночную систему и одновременно были озабочены его стабилизацией и самосохранением. Другая группа ученых была сфокусирована на идеологии и теории этого перехода, то есть на проблеме борьбы между либерализмом западного толка и консервативной ориентацией, уходящей корнями в идеологию авторитаризма. Высказывались и более радикальные точки зрения. Так, Ю.Н. Давыдов,

опираясь на работы выдающегося русского экономиста Д.Н. Кондратьева, подчеркивал опасность трансформации циклически-волнового характера социальной динамики в регрессивно-необратимый процесс. Причем, по мнению Давыдова, этот регресс имеет рукотворную природу [Давыдов, 1999, с. 114–116]. Ранее академик Л.И. Абалкин выразился еще более категорично: происходит развал, который «не несет в себе импульсов возрождения и подъема в отличие от циклического кризиса» [Абалкин, 1995, с. 132]. Выражаясь современным языком, речь идет о внесении хаоса в процесс трансформации социального порядка. Прогноз Давыдова о том, что такая динамика вызовет не только недовольство беднейших слоев населения, но и «нравственное возмущение» [Давыдов, 1999, с. 126], сегодня все более оправдывается. Годом ранее в своей капитальной монографии по современной социологической теории Давыдов заключил, что в результате «рыночной революции» у нас возник капитализм архаического социокультурного типа с сокращающимся объемом научного производства [Давыдов, 1998, с. 475, 501]. Насчет его архаизации требуется отдельный разговор, но то, что моно-ресурсная экономика надолго вытеснила научное производство – это факт. И только недавно наметилась обратная тенденция.

Так, по мере стабилизации хозяйства и социального порядка, стал расти интерес социологов к проблеме модернизации российского общества. Например, в 2016 г. было завершено несколько фундаментальных исследований по состоянию и трендам российского общества [Атлас.., 2016; Горшков, 2016; Дробижева, 2016 и др.]. Но чем больше российское общество включалось в глобальные сети (ресурсные, информационные, политические, культурные и др.), тем меньше эти процессы обсуждались российской социологией. По моим подсчетам, в 2016 г. не было опубликовано ни одной монографии *непосредственно по социальным проблемам глобализации РФ*, а в 2015–2016 гг. в ведущих российских социологических и политологических журналах практически не было статей именно по проблематике российской глобализации. И это при том, что в мире существует несколько журналов и публичных площадок, специализирующихся на данной проблематике (см., например, Global Dialogue). Теоретически такая ситуация оправдана только в одном случае: если глобальный контекст уже был учтен российскими исследователями, но не артикулирован в силу его второстепенности. Для сравнения: в 1960–1970 гг. в СССР было опубликовано не менее десятка индивидуальных и коллективных монографий по проблемам глобализации, и ее многосторонним последствиям.

Более того, история общественной мысли России XIX века свидетельствует, что две ее базовые дисциплины – история и филология – всегда были междисциплинарными, что и было закреплено институционально. Однако позже, хотя дифференциация наук продолжилась, их взаимодействие затормозилось. Тем не менее ряд российских исследователей российского «транзита» (Ю.Н. Давыдов, Т.И. Заславская, И.С. Кон, Д.С. Лихачев, Б.М. Фирсов, О.И. Шкаратан, О.Н. Яницкий и другие) высказывались в пользу междисциплинарного подхода к его анализу [см., например, Фирсов, 1999]. Показательно, что именно эти исследователи ранее работали в нескольких областях обществознания (социальной антропологии, истории, урбан-социологии, социальной экологии). И.С. Кон в своей автобиографии уделил этому вопросу особое внимание, процитировав афоризм Г.К. Лихтенберга, «кто не понимает ничего, кроме химии, тот и ее понимает недостаточно». Кон замечал, что систематически работать в одной определенной отрасли знания легче, чем на стыке разных наук. И далее он выдвигает принципиальное положение: «междисциплинарность имеет и личностный аспект. Если твоя проблематика представляет широкий общественный интерес, это приносит популярность, но одновременно обрекает на одиночество. Хотя тебя вроде бы все знают, ты везде остаешься более или менее посторонним. В трудные моменты никто не будет тебя

защищать... С возрастом чувство посторонности генерализуется и усиливается. Даже если этот новый, незнакомый и быстро меняющийся мир тебя интересует, что совсем не обязательно, ты уже не можешь рассчитывать на взаимность. Максимально – на вежливую терпимость: говорят, что он когда-то что-то сделал…» [Кон, 2008: 392–393]. То есть междисциплинарные исследования суть, по существу, альтруистическая деятельность, не приносящая данному исследователю, ни славы, ни прибыли, что подтверждается деятельностью социальных экологов и антропологов, защитников природы, памятников истории и культуры и краеведов.

Почему для изучения глобализации необходим междисциплинарный подход? В этом процессе есть две актуальные задачи: понимание сетевого характера глобализации и их социальная и политическая интерпретация. Без такой интерпретации нельзя понять, какие задачи стоят перед социологами глобализации, строящими, например, прогноз социальных последствий глобального потепления. Как более 10 лет назад отмечали западные исследователи, идет «прогрессирующее размывание традиционных различий между экономической, политической, социальной и культурной сферами» [Хард, Негри, 2006: 140]. Эти же авторы отметили еще одну важную особенность формирующегося глобального общества, трактуя его как *множество,* но именно как единство разнообразия, которое не сводимо ни к «толпе», ни к «массе», ни к «народу». Если учесть при этом, невидимые для стороннего наблюдателя метаболические процессы как внутри, так и между разными агентами глобально-локальных трансформаций, необходимость разработки методического инструментария для междисциплинарного анализа становится еще более насущной. Структура и цели миграционного потока, хлынувшего из Африки и Ближнего Востока в Европу, эмпирически подтверждают это теоретическое положение.

На необходимость именно такого междисциплинарного подхода указывал Э. Гидденс: «история субстанционально прерывиста, ее работающей эволюционной модели не существует. Поведение людей всегда ситуативно, они действуют в конкретной среде, социальном и географическом контексте, который обуславливает их активность и на который они одновременно отвечают и реструктурируют его самым разным образом» [Sociology, Politics.., 2016]. То есть, чтобы адекватно анализировать закономерности «прерывистой» глобализации, надо уметь интерпретировать деятельность разных социальных агентов в качественно разных средах и их обратное воздействие на условия их существования. В этой связи замечу, что взрыв общественного интереса к экологическим проблемам в России можно лишь частично объяснить перестроечным процессом. Эта озабоченность возникла много раньше. Он объясняется субстанциональным характером природных условий, поддерживающих жизнь на планете.

Связь стабильности и мобильности сегодня

Позиция ведущих российских и зарубежных исследователей глобализации сходна в одном: наступил «век перерыва постепенности». Причем если одни полагают, что человечество все же движется вперед по оси исторического времени, то другие считают, что современный глобальный мир – это хаотическая совокупность разнонаправленных движений. Причем движения не только к ранним этапам развития капиталистического способа производства, но и к различным формам архаики и даже к полному распаду сложившегося ранее социального порядка. История человечества уже который раз свидетельствует, что ни капиталистическое, ни социалистическое общество не застраховано от возвратных движений, даже к худшим радикальным и тоталитарным формам стабильности. Значит, какой бы ни была форма социальной динамики, она сочетает в себе моменты стабильности и мобильности.

Далее, современные глобальные процессы имеют нелинейный и вероятностный характер. Эти их качества обусловлены как изменением внешних условий (меняющейся расстановкой политических сил на мировой арене, новыми альянсами или конфликтами), так и внутренними ресурсами данного социального процесса, силой его идеологии, возможностью мобилизации интеллектуальных и социальных ресурсов, способность к самоорганизации и т.д. Если вернуться к формулировке Гидденса, то очевидно, что каждый из упомянутых там факторов исторической динамики не является «самостоятельным», так как он взаимодействует со средой своего обитания. А эта среда – не инертна, она тоже состоит из множества агентов, каждый из которых или их совокупность является сложной системой, которая имеет свой предел стабильности и силу реакции на внешнее воздействие. То есть каждая из таких сложных систем имеет свою «несущую способность». Если она превышена, то среда обитания превращается в агента, который или дает «отпор» внешнему воздействию, или же сама, разрушаясь, превращается в источник риска.

Следующий момент, о котором уже шла речь, – это *изменяющийся темпо-ритм всякого социального процесса*. Здесь важно подчеркнуть, что развитие информационных технологий увеличивает его скорость. Но эти скорости различны. Если информация достигает любой точки земного шара практически мгновенно, то для добычи природных ресурсов или доставки товаров, услуг и др. требуется разное время. Если к этому присовокупить время на их потребление, переработку и утилизацию, то задача еще более усложняется. Но наиболее сложная для социальных наук междисциплинарная проблема – это процессы *социально-экологического метаболизма*, причем все дело в том, каков именно характер взаимодействия различных агентов этих динамических процессов. Отечественная и зарубежная социология только недавно начала осваивать эту проблематику, пока преимущественно с точки зрения структуры энергоресурсов с целью их экономии [Fisher-Kowalski, 1997; Fisher-Kowalski and Haberl, 2007]. С моей точки зрения, есть три типа метаболизма: «естественный», совершающийся в природных системах; «искусственный», то есть сконструированный человеком; и собственно социальный, когда взаимодействие индивидов, групп и социальных общностей изменяет их самих. К тому же, взаимоотношения между рекомендациями науки и практикой опосредуются политическими интересами, правоприменительной практикой и бюрократическими процедурами. Но и это еще не все. Еще недавно государственная мощь ассоциировалась в массовом сознании и политических решениях с развитой военной машиной, высококвалифицированным персоналом, наличием природных ресурсов, то сегодня вред, который может причинить единичный террорист, сопоставим с результатом крупной военной операции. Чем дальше, тем больше судьбу таких операций решают не фронтальные сражения, а действия мелких мобильных групп. Этот феномен получил название «силы слабости».

Затем, экологический фактор приобретает сегодня качественно иной смысл. Социальная активность человека, вооруженного современной техникой, столь интенсивна и всепроникающая, что «чистой» природы на планете практически уже не осталось. Подчеркнем еще раз: сформировались сложные системы (СБТ-системы) разного масштаба, глобальные, региональные, местные. Причем их активность и влияние не ограничивается никакими административными границами и лишь несколько сдерживается особенностями природного ландшафта и климата. Напомню, что все на планете живет за счет солнечной энергии и подвержено резким ее колебаниям (выбросам).

Наконец, проблема соотношения скоростей перемещения различных ресурсов и их трансформаций в рамках глобальной СБТ-системы остается неизученной. Очевидно, что любая информация движется «быстрее», чем нефть по трубопроводу или грузы по

морю или дорогам. Однако если на неделю остановятся глобальные ресурсные или товарные потоки, то ценность быстрой доставки информации резко снижается. А есть учесть при этом разные скорости метаболических процессов, то задача становится практически неразрешимой, и снова приходится полагаться на здравый смысл и субъективную оценку локальной ситуации. Получается, что формула «время – деньги» верна далеко не всегда. Логистика, то есть наука и навыки согласования движения и трансформаций отдельных агентов влияния (людей, информации, ресурсов, товаров), становится частью фундаментальной науки о процессах глобализации.

Драйверы модернизации и силы сопротивления ей

Это наиболее сложный вопрос. В мировой экономической и социологической литературе таким драйвером считается пара «технологическая революция и рыночные отношения» как совокупность двух взаимно стимулирующих сил. Информационные системы стимулируют глобализацию рынков сбыта и потребления, что, в свою очередь, дает новый импульс к развитию информационного производства, усилению геополитической мощи ТНК или группы государств и т.д. В течение долгого времени либерально-ориентированные исследователи полагали, что глобальной динамике этого тандема нет препятствий. Однако они не учли роста сил сопротивления.

Прежде всего, всякое технологическое новшество – обоюдоострый инструмент, который в руках «догоняющих обществ» может быть обращен против лидеров технологической модернизации. Что и случилось в ходе мощного миграционного удара по Европейскому Союзу со стороны стран Африки и Ближнего Востока. Либеральные теоретики не учли также фактора неравномерной демографической динамики. Они полагали, что, как и 30–40 лет назад, в мире всегда есть избыток дешевой и покорной рабочей силы, которую при необходимости можно привлечь и обучить. Однако оказалось, что эта «рабочая масса» может выдвигать свои требования. То, что европейцы создавали веками, эта «масса» захотела получить немедленно, хотя бы частично устранив веками создававшиеся неравенство и несправедливость.

К тому же в развивающихся странах сегодня накопился избыток квалифицированной рабочей силы, часть которой обучалась в странах «развитого мира» и потому знала свои возможности и имела высокие притязания в отношении жизненных стандартов. Европейцы, обеспокоенные старением своего населения, не захотели соотнести этот процесс с мировой социально-демографической ситуацией. В результате англо-саксонский мир ощутил на себе «эффект бумеранга», о котором предупреждал У. Бек, говоря о неэффективности существующей политической системы, унаследованной от прошлого этапа модернизации. Эта неэффективность имела две основных причины. Сверхконцентрация разных по уровню развития стран породил наднациональную бюрократию, независимую от стран-членов ЕС и жившую за их счет. Одновременно ускоренный перенос «грязной индустрии» в страны «третьего мира» создал эффект «ржавого пояса», то есть стагнации и деградации внутренних районов англо-саксонских стран, бывших драйверами модернизации в индустриальную эпоху. Наконец, политика глобального господства, проводимая администрацией США, вызывает растущее сопротивление со стороны России, так и в странах «третьего мира». Как уже неоднократно показал исторический опыт, внешняя политика как политика захвата и доминирования, не может быть единственным драйвером модернизации. Внешняя и внутренняя политика должны быть сбалансированы.

Что касается нового этапа модернизации России, то я могу высказать только некоторые гипотезы, которые требуют обсуждения и эмпирического тестирования. Во-первых, российские институты науки и образования в их нынешнем состоянии не могут быть драйверами нового этапа модернизации страны. Для того чтобы стать таковыми,

они сами нуждаются в модернизации, в мощном притоке финансовых и человеческих ресурсов и, главное, в идеологическом обеспечении этого процесса. На все это требуется время. Во-вторых, в нынешних условиях автаркия возможна лишь в весьма ограниченных пределах. Поэтому должна быть восстановлена, модернизирована и развита сетевая структура связей между различными отраслями общественного производства на всех уровнях, глобальном, национальном и местном. Особого внимания требуют межрегиональные и межотраслевые связи.

В-третьих, моно-ресурсный принцип восстановления и развития, сыгравший свою роль на предыдущем, «переходном», историческом этапе развития страны, сегодня должен служить современным формам ее модернизации: информационным, социальным, образовательным и многим другим. Фактически, перед каждым драйвером модернизации стоит двуединая задача: создавать инновации и закреплять их как институционально, так и в массовом сознании. В-четвертых, если в стране будет взят курс на всеобъемлющую модернизацию, то поначалу он вызовет сопротивление консервативных сил во всех слоях общества. Так уже сложилась наша история, что десятилетиями российское общество было, прежде всего, ориентировано на стабильность. Инновации на словах поддерживались, но на деле отторгались консервативной частью общества. Чтобы преодолеть или, хотя бы, нейтрализовать ее сопротивление потребуется мобилизация сил. Но каких именно, и в какой форме? – это вопрос открытый. Пока мы скорее имеем дело с мобилизационными усилиями, направленными на укрепление существующего социального порядка. Одно ясно: просто «рецидивирующей модернизации» (термин, введенный российским социологом Н.Ф. Наумовой) типа горбачевских «ускорения и перестройки», сегодня уже недостаточно. Проблема в том, что мы еще плохо понимаем, что такое российская модернизация и каким образом она «впишется» в глобальные процессы. То есть в общем виде – это все та же задача соотношения (баланса, взаимосвязи) глобальной динамики и территориально-фиксированных процессов.

Далее, в условиях нынешнего экономического кризиса и политики санкций, проводимых западными державами в отношении РФ, и недостатка наличных денег, предложения о мобилизации наличных денежных средств у населения, исходящие «сверху», представляется рискованными и даже чреватыми социальным взрывом. На мой взгляд, доверие населения к существующей власти и, следовательно, ее потенциал обновления российского общества будут расти параллельно с ее собственными усилиями по снижению существующего в нем неравенства и несправедливости. Уроки брюссельской супер-бюрократии должны быть учтены. Кроме того, в отличие от периода 1990-х гг., когда понятие *социальный конфликт* и сама конфликтная природа процесса российского обновления широко дискутировались, сегодня этот исследовательский подход и соответствующий инструментарий практически исчез из социальных наук. Как отмечал В.С. Семенов, «конфликты…на основе объективно возникающих противоречий при их разрешении продвигают общественный процесс вперед, способствуют наращиванию прогрессивных изменений» [Семенов, 1993: 73]. Другое дело, что предмет социальной конфликтологии чрезвычайно усложнился вследствие тесного взаимовлияния всех агентов социального действия посредством всепроникающих информационных сетей.

Наконец, в российской социологии уже более 20 лет имеют место негативные тренды. К ним относятся: общее падение престижа социологии как науки, ее сведение к политическому инструменту («социологи сказали…»); недостаточное развитие теоретической социологии, в том числе теорий «среднего уровня». Далее, сведение социологии до уровня «конкретной» эмпирической науки, изучение социальной структуры общества в статике, коммерциализация социологии, ее все большее подчинение СМИ [Руткевич, 1993]. Я бы к этому списку добавил бы еще три

проблемы: практически полное отсутствие социологической прогностики, ложное противопоставление производства «научного» и обыденного знания и дискурсивный метод анализа и разрешения конфликтов.

Изменение институциональной структуры общества

В общественных науках сложилось понимание социальных институтов как наиболее общих принципов и стабильных правил игры. Если они не стабильные, то тогда зачем они нужны? Однако, как уже отмечалось, между стабильностью и мобильностью (изменчивостью) есть диалектическая связь. Каждая смена способа производства приводила к изменению правил игры или, как минимум, к их корректировке. Даже смысл таких «вечных» понятий как вера, доверие и справедливость сегодня изменяется. Изменение института семьи, этого наиболее, фундаментального социального института, наиболее яркий тому пример. Еще более характерный пример – это эволюция института церкви, которая сегодня, независимо от конфессиональных различий, стремится давать свои ответы на животрепещущие вопросы жизни.

Сегодня есть несколько фундаментальных проблем институциональной динамики, требующих анализа и обсуждения. Первая из них – это глобальное сообщество как социальный институт. Эмпирически оно уже сложилось, хотя и в противоречивом единстве. Международные институты, созданные более полувека назад, уже не отвечают на вызовы глобализации. Поэтому подобные институты все более подвергаются критике как несоответствующие современным реалиям. Одновременно политическая практика стремится преодолеть этот недостаток путем длительных переговоров, в ходе которых и состав их участников, и их позиции могут меняться. А также посредством временных соглашений (о перемирии, временном прекращении огня, «гуманитарных паузах», работе над «дорожными картами» и т.д.). Очередная трансформация формата и содержания Минских соглашений – наглядный пример. Сегодня обсуждается вопрос о введении на Украину международного миротворческого контингента. Другая не менее важная проблема – каковы должны быть институты функционирования глобальной СБТ-системы как целого, качественно отличные от прошлой совокупности институтов, опиравшихся на дихотомию «общество—природа»? Это вопрос, поставленный самой жизнью, на который у науки пока нет ответа. Сегодня каждый из глобальных и региональных игроков формирует свою картину мира, исходя из собственных приоритетов и целей. Для России, например, сегодня необходимо развитие социальных институтов, не только поддерживающих, но и стимулирующих ее модернизацию. Тогда как для многих стран Африки и Ближнего Востока стоит задача восстановления их базовых социальных институтов, то есть преодоление политического и социального хаоса. Но учитывая растущую мощь средств массового поражения, которой сегодня уже обладают многие государства мира, их согласие относительно «управления» этим новым глобальным организмом, абсолютно необходимо.

Третья задача – это принципы организации и функционирования *сетевых институциональных систем*, включая вопрос об их взаимодействии с территориальными институтами. Пока что эти сети рассматривались только как структурный элемент функционирования государств, корпораций и других глобальных институциональных образований. Однако уже очевидно, что глобальные информационно-коммуникационные магнаты начинают диктовать свои правила игры отдельным участникам процессов глобализации? Начинается борьба хакеров, компроматов и вбросов ложных сообщений. У. Бек ввел понятие «космополитических сообществ» [Beck, 2010], которые могут существовать только как сетевые системы. Исследования, проведенные в рамках Мирового экономического форума (2007-2016),

подтвердили факт существования таких глобальных сетевых институтов [The Global Risks Report, 2015].

Остается также не проясненной масса других вопросов: каков характер связей, выявленных в данной серии глобальных исследований, они односторонние или многосторонние, равноправные или нет? Каково их содержание (контент), в одном случае это могут быть информационные связи, в другом – потоки природных ресурсов, в третьем – миграционные потоки и т.д. И что получается в результате функционирования каждого из них? Далее, ведь выявленные в данном исследовании связи могут со временем измениться, но как часто это происходит и каким образом? И, наконец, самый главный вопрос: кто те глобальные игроки, которые эти потоки переключают или перепрограммируют? Как показали исследования информационных потоков в медиа-пространстве, их главными регуляторами являются немногие игроки мирового масштаба [Arsenault and Castells, 2008].

Еще одна проблема касается путей изменения *территориальных институтов* и, в первую очередь, государств и принципов их административно-территориального деления. Ведь деление на институты федерального, регионального и местного значения тоже зависит от глобальной динамики, соотношения глобального и национального рынков. А также – от этапа модернизации, на котором данное государство находится. Как показал опыт СССР 1920–1930-х гг., тогда не только технические новинки, но и целые заводы пришлось импортировать, чтобы быстро догнать индустриально развитые страны. А восстановительный период после Великой отечественной войны был уже в основном выполнен своими силами. Кстати, в советский период межрегиональным производственным связям придавалось большое значение. Сегодня пока мы не преодолеем «ресурсную парадигму» развития, означающую превращение природных ресурсов в денежные потоки, надеяться на скорое развитие местной промышленности и восстановление межрегиональных производственных связей не приходится.

Вопрос о *темпо-ритмах институциональных систем* любого масштаба в период интенсивной модернизации. Структурно-функциональная динамика социальных институтов любого масштаба все более отстает от структурно-функциональной динамики глобальных перемен. Поэтому одна сторона этой проблемы заключается в том, что ускоряющийся темп этой динамики принуждает к быстрым (волевым) решениям, что исключает время на диалог и самоорганизацию. Значит ли это, что эта ускоряющаяся динамика подталкивает к авторитарной и даже тоталитарной форме правления? Другая сторона проблемы состоит в том, что стабильность властных структур, обладающих правом генерирования массы подзаконных актов, инструкций и временных правил, есть источник обогащения бюрократии и усиления ее властных полномочий. Каким образом совместить демократические процедуры выработки международных правил игры с непрерывно ускоряющейся глобальной динамикой – вопрос пока открытый. Наконец, нельзя забывать, что разрушение авторитарных порядков глобальными силами, как это произошло в Северной Африке и на Ближнем Востоке, привело к формированию устрашающих «гибридов», соединяющих варварские методы насилия и владение современными информационными технологиями [Sociology, Politics…, 2016].

От исследования к масс-медиа и публичной политике

Использование информационно-коммуникационных технологий и сетей резко расширило доступ масс к самым разным отраслям знания, но одновременно привело к обесцениванию самого процесса научного исследования и производства научных фактов. Соответственно, произошло и расслоение научных кадров. Старшее поколение предпочло оставаться в своей «башне из слоновой кости», тогда как молодое поколение

все больше сдвигалось в сферу публичной политики, маркетинга и пиара, что быстро приносило известность и материальный достаток.

Далее, в 1960–1980-х гг. в индустриально-развитых странах постепенно сформировался институт общественного участия, что одновременно расширило доступ молодежи к научным знаниям и позволило использовать метод привлечения широкой общественности к научному поиску (crowd-sourcing). Тем самым снижался барьер между «высокой наукой» и обыденным знанием. В этом сближении существенную роль сыграли такие междисциплинарные сферы науки-практики как экологическое движение и движение краеведов. Впоследствии, возник некий «гибрид», получивший название «общественно-научных исследований». Все более широкое признание получали такие качественные методы исследования как прямое наблюдение за действиями некоторого агента (follow the actor) и обучение практикой (learning by doing). Однако чем более распространялась идеология потребительского общества, тем более наука подчинялась масс-медиа, которые формировали и внедряли эту идеологию в массовое сознание. Для поддержания этой идеологии, необходимой для поступательной динамики капиталистического производства, потребовался корпус «конструкторов», умевших одновременно изучать потребительский спрос и направлять его в нужном для массового производства направлении.

Наконец, в ходе конструирования «гибридных систем» (СБТ-систем), произошел качественный перелом во взаимоотношениях этих двух институтов. Это могли быть «гибриды» типа человек-машина, «умный дом», «умный город» или др. Современная медицина, сельскохозяйственные науки, конструирование любых летательных аппаратов не обходится без учета «человеческого фактора». Но понятие «учет» здесь уже недостаточно. Качественный перелом состоит, прежде всего, в конструировании виртуальной реальности, в которой некоторое «мнение» (заявление, публикация в СМИ, репортаж, телепередача) начинает довлеть над фактами реальной жизни. Причина этого сдвига – это невозможность проникнуть в «кипящий котел» вооруженного конфликта, природной или техногенной катастрофы. Но другая причина еще более существенна: если некоторое «мнение» конструируется, а затем тиражируется респектабельными масс-медиа, то оно становится фактом социально-политической жизни.

Выводы

Все, сделанное российскими учеными в изучении динамики «стабильность-мобильность» за последние четверть века, отнюдь не устарело. Напротив, оно является необходимой базой для дальнейших исследований с акцентом на глобальном контексте предстоящих трансформаций. Необходимо сосредоточиться на исследовании связки «российская модернизация – глобальная динамика». Разработка методов социальной диагностики позволяет сделать следующий шаг, к многомерному социальному прогнозированию. Следующие аспекты динамики «стабильность-мобильность» представляются наиболее важными.

Сегодня единой картины мира, которая устраивала бы всех «игроков», не существует. Каждый сначала стремиться обозначить и утвердить свои интересы на глобальном поле, а потом их институционально узаконить. Тем самым подтверждается мой тезис о том, что глобализация есть многомерный и противоречивый процесс, обремененный борьбой за ресурсы, власть или влияние. Поэтому в современном мире мобильность и стабильность – два взаимозависимых состояния. Устойчивость государств и других социальных институтов и социально-территориальных формирований не есть некое «стационарное состояние». Их устойчивость в каждый момент времени зависит от быстроты реакции их институтов на вызовы извне и изнутри, а также от способности к мобилизации и маневрированию ресурсами. В мире

сегодня нет абсолютно «сильных» и «слабых», но в ходе непрерывной геополитической борьбы периодически возникают «сильные» и «слабые» игроки и их коалиции. Поэтому сегодня стабильность силы часто изображается посредством масс-медиа, нежели существует в реальности.

Возникновение на глобальной арене «гибридных» форм социального действия и порядка не случайно. Гибридные, в том числе сетевые, формы социального порядка и локально-глобальных субъектов действия получают все большее распространение именно вследствие их мобильности, способности к трансформации, смене политической окраски. Однако если эта борьба заканчивается полным распадом социального порядка некоторого государства или сообщества, то возникают «гибриды», сочетающие крайние формы насилия над инакомыслящими и владение информационными технологиями с целью установления глобального диктата. Наконец, «гибридность», понимаемая мною как метаболизм глобально-локальных связей, означает необходимость междисциплинарного подхода к их изучению, что, свою очередь, выдвигает на первый план задачу разработки методов социальной и экологической интерпретации «гибридных» процессов.

Глава 4. Дилемма центр – периферия в условиях глобализации

Формирование глобальных всепроникающих информационно-коммуникационных систем и растущая зависимость от них государств и других социально-территориальных образований выдвигает на первый план отношение «центр–периферия». Это соотношение перестает быть постоянным и, тем более, территориально фиксированным, оно становится функцией от периодически меняющегося веса глобальных и местных игроков на мировой арене. Соотношения типа «город–деревня», «община и общество» и т.д. не соответствуют интегрированному пространству жизни – сегодня всякая социальная общность имеет глокальный характер. Поэтому, в частности, соотношение «центр–периферия» а также такие территориальные общности как село или поселок городского типа как особый тип социальной общности приобретает «транзитный» смысл. Сегодня все социальные общности, прямо или опосредовано, реально или виртуально, включены в функционирование глобальной СБТ-системы. Комплексный и подвижный характер процессов территориальной структуры российской периферии требует коррекции исследовательского инструментария. В условиях монетарной экономики их главными конструкторами стали транснациональные корпорации (ТНК), региональные элиты, сетевые магазины и девелоперы. Их меркантилизм ухудшает социально-экологическую ситуацию, как в центре, так и на периферии. Исторически присущая русскому крестьянству трудовая этика замещается потребительской и все более «космополитической» этикой. Антиподом этой этого «вахтового» архетипа личности являются индивиды состоявшиеся, интенсивно и плодотворно работающие в бизнесе, управленческих структурах и некоммерческих организациях. В итоге существующие концепции урбанизации, мобильности и «маргинального человека» должны быть постепенно переосмыслены в ключе «центр–периферия».

Истоки проблемы

Как отмечалось выше, формирование системы материальных, информационных, ресурсных и людских потоков как всеохватывающей системы – качественно новый этап в структурно-функциональной организации мирового сообщества. Складывается новый уровень его сложности: глобальная СБТ-система. Ее внутреннее пространство неоднородно и все время меняется: одни ее зоны становятся драйверами глобальной динамики, другие превращаются в «критические зоны», третьи – просто в природную

или социальную «пустыню». В совокупности эти процессы оказывают тормозящее воздействие на глобальную динамику. Более того, глобальная информационная сеть работает как механизм социальной селекции: меньшинство населения планеты концентрируется в транснациональных бизнес-центрах и управленческих структурах, а большинство отбрасывается в периферийные анклавы социальных и этнических гетто. Такое переформатирование глобального социального пространства – перманентный процесс.

Это означает, что *физическое расстояние* между отдельными его структурными агентами (городами, предприятиями, человеческими общностями) агентами теряет свое социальное значение, а значение скорости их взаимодействия возрастает. Таким образом, мир становится глобально-локальным (глокальным). Соответственно, меняется и смысл дихотомии «центр–периферия». Социальный и политический смысл некоторой территории теряет свое значение, в то время как значение ее социального и политического веса в расстановке и динамике сил на планете, напротив, возрастает. Соотношение «центр—периферия» перестает быть территориально фиксированным. Другая сторона динамики глобального мира, о которой уже говорилось, это «удвоение» реальности человеческого бытия: теперь человек одновременно живет и действует в материальном и виртуальном мирах. Вследствие развития глобальной информационной системы, территориальный «масштаб» такого агента имеет все меньшее значение. Дистанционное информационное давление может быть не менее значимым, нежели непосредственное воздействие. Названные выше перемены не могут не оказать влияния на теоретико-методологический аппарат социологии и других общественных наук. Ниже эти трансформации будут рассмотрены на примере дихотомии «город–деревня», широко распространенной в западном и российском обществознании.

Теоретико-методологический аппарат

Идеальные модели общности (Gemeinschaft) и общества (Gesellschaft) были предложены Ф. Тённисом [Tönnies, 1940]. Но в реальности город и деревня всегда находились в постоянном взаимодействии. «Деревня всегда была тесно связана с городом и никогда не являлась его противоположностью»; «окрестьянивание горожан означало реанимацию в среде городского населения стандартов и стереотипов крестьянского сознания» [Миронов, 1999: 349]. В дореволюционной России эти связь и взаимовлияние осуществлялись самым разным образом – через производственные и торговые отношения, миграционные процессы, формирование посадов вокруг городов, отходничество, матримониальные связи и др. [см. подробнее: Вернадский, 1995; Дружинин, 1905; Дубровский, 1963; Миронов, 1999; Чаянов, 1925; Яницкий, 1915; Яцунский, 1961; Шанин, 1999]. В феврале 1917 г. В.И. Вернадский писал, что государственная политика в аграрном вопросе должна определяться идеей социальной справедливости, государственной устойчивости и экономии, разумного и экономного использования естественных производительных сил и связи российского хозяйства с мировым [Вернадский, 1975: 240].

В данной работе я опирался на экологический подход, разработанный Чикагской школой городской экологии и концепцию «маргинального человека», созданную Р. Парком [Park, 1928, 1952]. Его ключевыми моментами были «экологичность», то есть целостность среды обитания человека, и принцип одновременного пребывания человека в двух и более культурах. Затем, была разработана социально-информационная концепция города и урбанизации [Meier, 1962; Yanitsky, 1970]. Наконец, уже на качественно новом уровне информационный подход был генерализован как теория «информационного общества» [Castells, 1996]. Я опирался также на исследования в области сложных сетевых структур [Keen, 2008; Policy Networks, 1991; Яницкий, 2016], а также на собственные эмпирические исследования и

теоретические разработки по социальным движениям в РФ и за рубежом. В ходе разработки международных и национальных исследовательских проектов особое внимание было уделено сетевым структурам общественной мобилизации [Cities of Europe…, 2012]. В ходе этих исследований эвриститчески плодотворным оказалось социологическое переосмысление таких естественнонаучных понятий, как «окружающая среда», ее «несущая способность», «метаболизм» и др. [Яницкий, 2013].

Наконец, огромный социологический материал заключен в художественной литературе и публицистике XIX–XX вв., которые давали образцы междисциплинарного подхода. В произведениях Н.В. Гоголя, А.И. Герцена, Н.С. Лескова, Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского была культурно и психологически артикулирована проблема «центр-периферия» и их множественные связи. Не случайно в работах по социальной истории государства российского встречаются ссылки на произведения М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.С. Лескова, Н.Г. Чернышевского, Г. Успенского. В 1960–х гг. не меньшее влияние на культурную жизнь советского общества оказали произведения В. Астафьева, Ф. Абрамова, В. Белова, В. Распутина, и других российских «деревенщиков». В 1960–1980 гг. даже возникла такая отрасль обществознания как социология художественной литературы. И это естественно, так как «исповедальный жанр» художественной литературы близок к методам глубинных интервью и устных историй [см. Thompson, 1978]. Вся публицистика В.А. Гиляровского построена на методе «включенного наблюдения», человеческих документах и устных историях [Гиляровский, 2008]. С другой стороны, наиболее близкой к методам современной социологии была социальная история, отдававшая предпочтение анализу и интерпретации исторических фактов [Блок, 1989]. Повести В. Распутина и В. Астафьева являются образцом социально-психологического анализа проблемы «город–деревня». Неисчерпаемый материал дают также дневники и мемуары самих гуманитариев. Например, интерпретацию отношения «центр–периферия» советского периода можно изучать по мемуарам историка А.Я. Гуревича [Гуревич, 2004] и социолога И.С. Кона [Кон, 2008].

Новый смысл отношения «центр–периферия»

В условиях глобального информационного пространства сельского сообщества как специфического социального института более не существует. Есть большие города (мегаполисы), малые города и тяготеющая к ним близкая и дальняя периферия. Ее называют по-разному: «глубинкой», «человеческими общностями сельского типа» и т.д., но село именно как особый тип социальной общности постепенно исчезает. Этот факт новейшей истории отражен в научной литературе и институциональных системах: исследовательские подразделения с таким названием и тематикой практически исчезли, курсов по социологии села осталось очень мало, исследовательских комитетов по «социологии села» в РОСе и СоПСо нет, как практически нет и публикаций по социологии села в ведущих международных социологических журналах. «Страна подключается к глобальной экономике через систему городских центров, урбанизм превращается в образ жизни человечества в эпоху глобализации» [Глазычев, 2003]. Хотя глобализация оставляет территорию нации-государства практически неприкосновенной, она оказывает глубокое воздействие на его институциональную «упаковку». А глобальные города выступают стратегическими центрами управления глобальной экономикой, под воздействием которой идет постепенный процесс денационализации национального суверенитета. Локализация глобальных процессов требует пересмотра многих методов и концепций социальных наук [Sassen, 2000: 372–373, 385]. Я бы добавил: управления не только экономикой, но и поведением масс.

На первый взгляд, главная причина здесь одна: огромный поток людей, товаров, информации грозит разрушением сложившегося социального порядка, что и

происходит на наших глазах в Европе. В действительности причин значительно больше.

Первая – все социальные образования сегодня включены в функционирование сверхсложной СБТ-системы, которая простирается от космоса до недр земли. *СБТ-система интегрирована всеобъемлющей информационной сетью*, ставшей к настоящему времени самостоятельным социальным институтом, поэтому ее другое название – киберпространство. Всякое национальное государство или местное сообщество включено в функционирование этого пространства и вынуждено подчиняться его правилам.

Вторая – это *всеобщая монетизация экономики*. Соответственно, рынок теперь все менее разделен на городской и сельский. Натуральное хозяйство сохраняется только для собственных нужд (или на случай критической ситуации), или же является формой перемены труда, все остальное продается и покупается. Современный труд, как в центре, так и на периферии – это промышленный и информационный труд, конечные продукты которого поступают на рынок или в виде отходов выбрасываются в одну из сред земли, которая также работает как планетарный метаболический механизм. Да, между трудом городским и сельскохозяйственным есть разница, но она обусловлена только специфическими природными или технологическими условиями труда.

Третья – современные наука и технологии, обслуживающие сельское хозяйство, также формируются или конструируются в глобальных и региональных центрах, независимо от их локации. Четвертая – само сельскохозяйственное производство, как, например, птицефабрика, ориентировано на создание какого-то отдельного продукта, и этим оно принципиально отличается от многопрофильного хозяйства прошлого века. Фактически мир поделен между глобальными монополиями производства молока, мяса, зерновых, овощей, фруктов и т.д.

Пятая – воспроизводство сельского населения сегодня происходит в городах, их колледжах, вузах и других учебных заведениях. Дистанционное обучение и переподготовка также производится в специализированных центрах, расположенных в городах или их пригородах. Шестая – население периферии, работая или обучаясь в городах, осваивает и переносит в сельские поселения черты городского уклада жизни. Сегодня собственно «традиционно-сельского» уклада практически не осталось нигде, за исключением труднодоступных по природно-климатическим условиям мест. Седьмая – поэтому возникла целая отрасль научных исследований и практики, сохраняющих для истории специфические черты и формы традиционного сельского уклада. Эта отрасль знания сегодня интегрирована в более общую дисциплину, называемую краеведением или прикладной этнографией. Акад. Д.С. Лихачев говорил, что краеведение – воспитывающая наука. Любовь к родному краю, к своей Малой Родине, знание их истории – это основа, на которой держится духовная культура всего общества.

Социальное планирование территорий

В советское время существовала такая наука как районная планировка. Ее предметом была сеть производственных, торговых, обслуживающих, социально-культурных и иных связей. Она была ориентирована на создание и поддержание *территориальной организации* общественной жизни. Это одновременно была теория и практика современного градостроительства, с одной стороны связанная с принципами государственного планирования и финансирования, а с другой, с целым комплексом общественных, естественных и технических наук. Существовал и свод обязательных правил и норм, именуемый «Строительными нормами и правилами» (СНиП). Соответственно, существовала связь: государственный план — градостроительное планирование — строительство — обустройство территорий [Опыт районной.., 1934;

Меерович, 2014]. Снова напомню Лихачева: «Градостроителям, как никому, нужны знания в области экологии культуры» [Лихачев, 1982: 23, 24]. Процесс социального планирования территорий, хотя часто и ограничивался ведомственными интересами и существовавшей тогда политикой минимизации потерь от возможного ядерного удара (моногорода), все же развивался.

Теперь же, в условиях монетарной ресурсно-ориентированной экономики, государство централизованно изымает налоговые поступления и затем перераспределяет их по областям и краям по своему усмотрению. В результате растет разрыв между информированностью населения через национальные и глобальные сети, с одной стороны, и недостаточностью регионального рынка труда и межрегиональных транспортных связей, с другой. Развитие крупных производственных мощностей и обеспечивающих их инфраструктур остается приоритетным. Теперь главными организаторами нашей жизни стали крупные корпорации, сетевые магазины и девелоперы. Они руководствуются не интересами территориальных общностей, а, прежде всего, запросами заказчика и собственной выгодой.

Долгое время развитие технологий и форм социальной жизни непосредственно зависело от их все углубляющейся специализации. Однако сегодня возник противоположный тренд, обусловленный появлением «гибридных» отраслей знания. С другой стороны, рост народонаселения планеты и общий процесс «уплотнения» общественной жизни вследствие формирования глобального информационного пространства снова возродил интерес к проблемам территориальной организации жизни, возросла потребность в многопрофильных специалистах. Но глубокая специализация вкупе с воздействием монетарной экономики практически элиминировала целый слой людей, который в течение многих столетий воспроизводился именно в селе как форме общественного устройства. Я имею в виду такие важнейшие качества жителя «села» как универсальность трудовых навыков, инициативность, неприхотливость, терпение, способность адаптироваться к критическим обстоятельствам. Как это уже было не раз в российской истории, эти качества были присущи, прежде всего, трудящемуся классу. Сегодня же экономика ориентирована, прежде всего, на производство потребителей. В результате те, кто еще сохранил навыки «бывалых людей», теряют их, работая в частных охранных предприятиях или перебиваясь случайными заработками.

Продолжающийся распад *сельского социального порядка* (но не крупных агрокомплексов!) приобретает сегодня самые разные формы. Как пригородные, так и отдаленные сельские поселения стали прибежищем асоциальных элементов и преступных группировок, которые чаще всего активны вдоль государственных дорог, по которым движется непрерывный поток грузов. Идет уничтожение природы вокруг заброшенных сельских поселений «теневым бизнесом» или своими же сельскими маргиналами, выживающими за счет браконьерства. Или же природа уничтожается местными жителями, поджигающими прошлогоднюю траву для последующего выпаса скота. Происходит процесс архаизации сельской жизни, причем он идет параллельно с информатизацией жизни массового человека, освобождающей его от необходимости принимать решения.

Центр и периферия в российской социологии и масс-медиа

Начиная с середины 1920-х гг., социология села и крестьянского уклада жизни была одной из центральных тем в обществознании России. Две проблемы были для него ключевыми: взаимодействие города и деревни и формирование колхозно-кооперативной собственности и нового жизненного уклада села. Подавляющее большинство работ по экономике и социологии села в СССР было написано в период 1925–1999 гг. [см., например, Рывкина, 1979].

Сегодня масс-медиа создают ложный эффект легкой доступности любых благ и, тем самым, навязывают его потребительские стандарты бедным слоям и, прежде всего, сельской молодежи. Медиа создают у них иллюзию жизни в едином – глобальном – потоке жизни, тем самым, вырывая их из привычной местной среды и ритма жизни. Этот виртуальный феномен стимулирует миграционные потоки из глубинки в мегаполисы, население которых стареет и не стремится заниматься неквалифицированным трудом. В административном делении РФ есть понятие «сельское поселение», однако оно базируется на принципе *общей территории,* что является административно-правовым, а не социологическим системообразующим признаком. Кроме того, в муниципальном праве РФ [Пешин, 2008] факт существования человека в двух мирах – материальном и виртуальном – еще не нашел отражения.

Причиной названных выше негативных процессов в сельской периферии является фактическое исключение реальной картины ее жизни из политической повестки и масс-медиа, что, в свою очередь, отражает интересы российского рынка. В структуре политической власти РФ сегодня уже нет крестьянских партий и, тем более, общественных движений за права сельского населения, парламентские и публичные слушания по этому вопросу проводятся редко. В сетке федерального ТВ и радиовещания нет передач, специально ориентированных на село (типа «Сельский час», «Вести с полей» и др.). Некогда популярные журналы типа «Крестьянка», «Сельская молодежь» и «Сельская новь» давно прекратили свое существование. Скрининг ведущих газет «Коммерсант», «Ведомости» показал, что крестьянский вопрос в них обсуждается редко, напротив, вопросы о цене тех или иных земельных участков или рейтинги российских миллиардеров постоянно. Это положение отражает ситуацию на современно «рынке идей» и, в частности, на рынке потребительских товаров, который на 70–80% занят импортом, а в продовольственном сегменте этот процент еще выше. В публичных дискуссиях по поводу импортозамещения в сфере лекарственных препаратов специфика их назначения, доставки и цены в сельской местности также не акцентирована. А прошедшая централизация ее медицинского обслуживания лишь обострила эти проблемы.

Сегодня федеральные масс-медиа РФ сосредоточены в руках нескольких мощных государственных или частных компаний. В этом случае поток информации, поступающей на экраны ТВ-каналов, как и во всем мире, управляется при помощи всего двух «ключей»: перепрограммирования этого потока или его перенаправления [Arsenault and Castells, 2008]. Медиа концентрируют внимание потребителя только на «горячих новостях», но не на освещении повседневной жизни российской глубинки, если там ничего экстраординарного не происходит. И тем более – не на анализе долговременных экономических и социальных трендов. Жаркие публичные дискуссии, которые развернулись в 2016–2017 гг. на нескольких ТВ-каналах, в основном были посвящены вопросам внешней политики и почти никогда не касались вопросов социальной политики в отношении проблем сельской периферии. Все, что их жители узнавали на личном опыте – это сокращение числа образовательных учреждений, поликлиник больниц и т.д. под флагом «оптимизации». Сходы жителей и, тем более, решения, принимаемые по их результатам местной администрацией, – чрезвычайно редкое в российской глубинке явление.

У отмеченных выше негативных фактов есть и оборотная сторона: избыточная централизация управленческих структур и процессов. Если муниципальная власть фактически отвечает только перед губернским начальством, то у нее нет мотивации, чтобы заботиться о жизни в поселениях данного типа. А само местное сообщество часто существует только формально: в форме сельского схода для одобрения какого-то решения, спущенного сверху. Власть крупнейших мегаполисов РФ вдохновлена возможностями сплошной информатизации, когда «умный город», «умные дома» и т.д.

освободят горожанина от необходимости принимать решения в ситуации постоянно меняющихся условий жизни. Но, как и всякое техническое начинание, оно имеет свою отрицательную сторону. Например, жители некоторых городов Голландии, страны весьма обеспеченной и благополучной, выступили против этого всестороннего технологического отчуждения, предпочтя возвратиться к активности самих жителей в решении текущих и перспективных проблем их городов [Kaika, 2017]. У меня есть два объяснения этой реакции. Первое – в этой стране есть давняя традиция самоорганизации местного населения. Второе – существует разумный предел «освобождения» человека от обязанности принимать самостоятельные решения.

Изменение смысла социального конструирования

Все городские утопии, от Т. Мора и Т. Кампанеллы и до Ш. Фурье и «Зеленого города» советских урбанистов М. Барща и М. Гинзбурга 1929–1931 гг., фактически были образами желаемого будущего. Градостроительные принципы «Зеленого города» были частично реализованы, но это были именно лишь принципы планировки, а не социального обустройства жизни. Тем не менее роль советских архитекторов и градостроителей в разработке социальных норм повседневной жизни города и их практической реализации была чрезвычайно высока, особенно в восстановительный период после окончания Великой отечественной войны 1941–1945 гг. Знание зарубежного опыта восстановления городов и накопленный ранее практический опыт позволили советским архитекторам быть конструкторами социальной жизни.

В конце 1950–начале 1960-х гг. начался новый этап социального конструирования, уже в масштабе огромных территорий страны. Этот период был связан с задачей создания материально-технической базы коммунизма в СССР. Речь идет о «великих стройках коммунизма», то есть, о создании мощных гидроэлектростанций, сети химических предприятий, оросительных каналов, об осушении болот и т.д. Совокупность этих инженерно-строительных мер серьезно изменила весь социальный облик страны, а природному ландшафту был нанесен значительный урон. В этот период роль социальных конструкторов принадлежала уже крупнейшим отраслям индустрии и военно-промышленному комплексу, то есть ведомствам. В городах назревал конфликт государственных и ведомственных интересов. Пожалуй, впервые, в стране возникла сеть «закрытых» городов, быт которых вполне соответствовал нормам «первой фазы коммунизма» («от каждого по способностям, каждому по его труду»). Однако это были города, практически выключенные из жизни остальной части страны. Другим мощным «планировщиком» социальной жизни общества было военное ведомство, требовавшее рассредоточения производств и их работников с целью уменьшения последствий от возможного ядерного удара. Так возникли многие современные моногорода.

Реальной утопией того времени были несколько социально-градостроительных идей, из которых наибольшую известность имел «Новый элемент расселения». Фактически, снова повторялся замысел 1920-х гг. о создании «образца» социалистического города. Наконец, апофеозом социального конструктивизма советской эпохи была идея создания «образцового коммунистического города», но дальше нескольких проектных предложений дело не двинулось. Несмотря на явную утопичность подавляющего большинства подобных проектов, они имели несколько положительных результатов. Первый – это была сфера творческого соревнования и борьбы идей. Второй – это публичные дискуссии, в которые была вовлечена российская интеллигенция, государственные деятели и молодежь. Наиболее известной из них была «Дискуссия о социалистическом городе» 1929–1931 гг. Третий – это стимулирование мысли о будущем, столь необходимой в быстро развивающемся обществе.

В постперестроечное время, то есть с начала 1990-х гг., практическим организатором всей территориальной жизни стал рынок. Вместо планирования и прогнозирования началась борьба крупных игроков за владение наиболее социально и экологически-привлекательными территориями. Академия строительства и архитектуры была упразднена, как и крупнейшие государственные проектные организации. Недавняя идея «Большой Москвы» как новой ступени в развитии столичного мегаполиса также не состоялась. Архитекторы и градостроители как представители общегосударственных интересов были вытеснены массой частнопрактикующих девелоперов с этого важнейшего поля конструирования социально-пространственной жизни общества. Соответственно, социология города и урбанизации как научно-прикладные отрасли междисциплинарного знания оказались не нужными. В результате рынок так «спроектировал» социальное пространство нашего общества, что 70-80% его населения (временно или постоянно) сегодня сосредоточено в нескольких крупнейших мегаполисах страны. Это нетерпимо ни с социально-экономической, ни с оборонной точек зрения. Фактически, никакой более или менее последовательной градостроительной политики в РФ сейчас нет.

Политика масс-медиа сегодня оказывает все большее воздействие на отношения «центра» и «периферии» и, соответственно, на социально-градостроительные процессы. Голос социологов города и профессиональных градостроителей слышен только тогда, когда они получают доступ к масс-медиа. Сегодня общественное мнение в отношении градостроительной политики формируется не названными выше профессионалами, а политиками, журналистами, медиа-комментаторами и блогерами. Процесс формирования общественного мнения коммерциализируется, и, значит, подвержен манипуляциям со стороны заинтересованных игроков.

Новый социальный тип маргинального человека

Концепцию маргинального человека предложил американский социолог Р. Парк. Однако он создал эту концепцию на материалах изучения переселенцев из Европы в США в период 1920–1950-х гг. Парк учитывал также, что это была миграция в один конец, которая существовала с момента начала колониальных войн, которые вели разные страны Европы. Позже термин «маргинал» стал приобретать отчетливо отрицательный политический смысл. Сегодня в мире, в том числе и в РФ, мы имеем дело с качественно иным типом маргинальной личности, несравнимым ни с американскими типами тех лет (так называемый пригородный образ жизни, «мобильный», то есть жизнь в трейлерах и др.), ни с российским типом эпохи сталинской индустриализации (1920–1960 гг.).

Скорее, типологически речь идет о *вахтовом типе личности*, или же том ее типе, который О. Шпенглер назвал в свое время кочевым (дословно, «перекати-поле»). Суть этого типа маргинала в том, что *его нет ни здесь, ни там*. Он отрабатывает свою смену в Москве или в Санкт-Петербурге, затем возвращается домой (в какой-то губернский город или в областные малые города и поселки), срочно что-то делает там (чинит дом, пасет скот, общается с соседями) и снова возвращается в крупный город или мегаполис, где опять выполняет рутинную вахтовую работу. То есть, этот индивид все время «нигде». По моим приблизительным подсчетам, таких вахтовиков только в Москве более 1 млн. человек. *Социальная и культурная отчужденность от среды их временного обитания и друг от друга – их общая черта*. К этой категории российских граждан термин «смысл жизни», так, как его трактует Ж.Т. Тощенко [Тощенко, 2016], вряд ли применим, хотя сам подход представляется мне чрезвычайно плодотворным. У этих людей есть только один смысл жизни: выжить!

У агентов «клеточной» глобализации и практиков альтернативного образа жизни [Покровский, 2012] действительно есть смысл жизни, причем достаточно цельный. В

экономически развитых странах Запада этот уклад называется пригородным образом жизни. Но российские маргиналы – это «парии» современного общества. Если учесть, что российская глубинка постепенно заполняется мигрантами с Украины или из республик Средней Азии, то, с моей точки зрения, – это угроза национальной безопасности.

Современные вахтовики нигде не укоренены. Большой город это для них лишь «питательная среда», место, где можно «срубить бабки». Они видят лишь «витрину» большого города, его образовательный потенциал и культурные ценности для них недоступны, а часто просто неинтересны. Весь их прошлый профессиональный и культурный багаж, накопленный в прошлой жизни, здесь им не нужен. Мои интервью с десятком таких вахтовиков показали, что в недавнем прошлом это были люди состоявшиеся, видевшие смысл своей жизни в своем «многознании», во владении несколькими специальностями и жизненными навыками. Нынешний вахтовик общается только в среде себе подобных. *И это его раздражает и напрягает* не меньше, чем тех, кто бежит из Северной Африки или Ближнего Востока в Европу. А дома в глубинке он лишь успевает отоспаться и сделать что-то неотложное. Пойдите на Московский автовокзал и посмотрите на лица только что прибывших вахтовиков, и вы все поймете. А временн*а*я дистанция между домом и работой для них все увеличивается. Я в прошлом году взял несколько интервью у безработных из Ставропольского края и с Украины. Мотив один: им плохо и там, и здесь. И если молодые (25–30 лет) шарят по социальным сетям, надеясь как-то устроить свою судьбу, то те, кому уже за 40, ни на что не надеются. Потому что на овладение компьютерной грамотностью у них не ни времени, ни средств.

Антиподом этого архетипа являются люди состоявшиеся (в бизнесе, управленческих структурах, некоммерческих организациях). Для них ситуация переворачивается. Не он ищет, где бы ему найти кров и средства существования, а он сам, благодаря своему научному потенциалу и гражданской активности привлекает людей и средства к своему проекту. Условием их карьерного роста и общественного успеха явились их ранняя социализация, получение высшего образования и их «многорукость», то есть умение сочетать несколько видов профессиональной деятельности и гражданской активности. И чем серьезнее и масштабнее стоящая перед ними проблема, как, например, технологические или социальные инновации, защита природы, помощь престарелым, пострадавшим или нуждающимся, тем большее удовлетворение они получают. Это не значит, что у них не бывает трудностей или неудач, но они преодолеваются посредством личной настойчивости и поддержки единомышленников. Быть «человеком сети» сегодня мало, надо быть настойчивым в достижении личных и общественно-значимых целей.

Заключение

С каждым днем глобализация посредством информационных сетей, политического давления и финансовых и миграционных потоков оказывает все большее влияние на мировую «периферию». Это не означает, что она целиком подчиняется воздействию этих сил. Городская и сельская периферия не только сопротивляется этому унифицирующему давлению, но изменяясь, продолжает существовать по специфическим законам. Однако если глобальная информационная сеть становится все более разнообразной, то социально-территориальные связи внутри глобальной периферии – все более однообразными. То же противоречие обнаруживается при переходе на нижележащие уровни государство-нация, регион – город и малый город – село. Идущие сегодня в РФ процессы «оптимизации» сетей обслуживания, укрупнения большого и вымывания малого бизнеса, и практическое

исчезновение местного самоуправления (как конституционная норма оно существует), особенно в сельской местности, лишь усиливают названный дисбаланс.

Сами понятия центр и периферия изменяют свое содержание. Сегодня «центр» это нечто подобное информационному облаку, принуждающему следовать его жителей стандартам поведения, созданным глобальными экономическими и медиа силами. Тем самым их роль в социальном конструировании, в организации и функционировании СБТ-систем возрастает. И ТНК, и масс-медиа суть часть мирового механизма капиталистического накопления, которое может поддерживаться только ростом производственного и личного потребления. Стандарты потребительского общества воспроизводятся во всевозрастающих масштабах, вытесняя нормы «минималистской» трудовой этики. Поэтому существующее сегодня ранжирование человеческих сообществ по социально-территориальному критерию (большой, средний, малый город, сельское поселение) теряет свое эвристическое значение. В ценностном аспекте жизнь современного города и села ничем не отличаются, ориентация на социальное продвижение (карьеру) и потребительские ценности преобладают.

Подчеркнем еще раз: масс-медиа усиливают иллюзорный эффект доступности благ, навязывая потребительские стандарты сельской молодежи. Они создают у них иллюзию жизни в едином – глобальном – потоке жизни, тем самым, вырывая их из привычной местной среды и ритма жизни. Возникают миграционные потоки из бедных стран богатые, с Юга на Север. Его население стареет и не стремится заниматься неквалифицированным трудом в сферах производства и сервиса. Обманутая в своих ожиданиях молодежь, оседает поначалу в этнических анклавах. Однако позже, осмотревшись, это «село» прорастает в среду больших городов, стремясь не только утвердиться в них, но и получить доступ не только к социальным благам, но и к рычагам политического управления.

Применительно к РФ наиболее адекватным термином для обозначения вновь возникающей «периферии» является «глубинная Россия» (термин, предложенный В.Л. Глазычевым). Естественно, что при громадности территории РФ и разнообразии ее социальных, культурных и природных регионов, а также при различии их места в геополитической структуре современного мира, их социальный вес будет неодинаковым. Поэтому существующие методы исследования, предполагающие разделение его объекта на малый и большой город, поселок городского типа и село являются сегодня уже недостаточными. Изучение отношения «центр – периферия» нужно одновременно вести с двух сторон, «сверху» и «снизу». Соответственно, унаследованные нами от прошлой эпохи такие теоретические концепции как «урбанизация», «мобильность» и «маргинальный человек» должны быть пересмотрены. Включенное постоянное наблюдение (фактически, мониторинг) есть наиболее надежный метод исследования данного отношения, несравнимый ни с какими «опросами».

«Удвоение» реальности человеческого бытия, его растущая зависимость от глобального информационного пространства имеет неоднозначные социальные последствия. Потенциально житель поселения любого типа и размера получает доступ ко всему богатству социальных, технологических, культурных достижений человечества. Но реально три четверти человечества лишены такого доступа по причине их бедности, необразованности и замкнутости местной жизни. В глобальном мире привычные категории «неравенство» и «несправедливость» также имеют всеобщий характер. Тезис З. Баумана, что современный мир разделен на «мобильную» и «неподвижную» части его населения, подтверждается. Более того, неотъемлемой стороной современной глобализации является превращение все новых социально-территориальных сообществ в «хаотизированные» пространства, лишенные какого-либо устойчивого социального порядка.

Глава 5. Модернизация или информационная архаизация?

Сегодня в мировой и российской обществоведческой литературе широко обсуждаются два ключевых вопроса: модернизация российского общества и его информатизация. Однако о какой именно модернизации идет речь? И что в первую очередь необходимо модернизировать? – эти вопросы чаще всего остаются без ответа. Тот же вопрос касается и второй части проблемы. Какая именно технологическая революция происходит сегодня в мире? Насколько она затрагивает российское общество и если – да, то в какой степени и форме? О «цифровой революции» говорит сегодня почти каждый, но какова она? И в как именно форме она осуществляется сегодня в России? Эти фундаментальные проблемы невозможно разрешить в одной статье или главе, их сегодня решает весь мир. Поэтому ниже будет рассмотрен только один аспект этого качественного перехода: о соотношении между концептами органической модернизации и информационной архаизацией российского общества. Под первой понимается диалектически достижимый баланс между двумя мировыми трендами: сетевой глобализацией способа производства и сопротивлением национальных государств как территориально-организованных систем.

Международный опыт свидетельствует, что переход к органической модернизации уже обременен социальными конфликтами, гибридными войнами и взаимопроникновением обозначенных выше трендов. Эти сдвиги ставят такие теоретические вопросы, как исследование движущих сил этих перемен и источников их ресурсов. Для отечественной науки и практики вопрос о преодолении сопротивления сторонников ресурсно-ориентированной и политически-консервативной модели развития части российского населения является критически важным. Как отмечалось выше, органическая модель модернизации предполагает осознание ее разработчиками того непреложного факта, что наша планета превратилась в СБТ-систему, то есть в гибридного социального агента со своими закономерностями развития и рисками. В свою очередь это означает, что для создания «органической модели» развития нашего общества необходим переход к проблемно-ориентированной и междисциплинарной структуре всего института науки. Российская социология должна, наконец, преодолеть «методологический гегемонизм» англо-саксонских теорий глобальной социальной динамики. Вместе с тем, очевидно, что переход к органической модели модернизации будет обременен социальными и политическими рисками.

Основные тренды в науке

Сегодня в российском обществознании дискутируется вопрос о соотношении органической модернизации и информационной архаизации [см., например, Абдрахманов, Бурчанин, Демичев, 2016]. Как понимать органическую модернизацию отдельной страны в мире, находящемся в ходе очередной перестройки под одновременным воздействием Третьей и Четвертой научно-технической революций? Другой, принципиальный вопрос: сохраняется ли в названных переходных условиях архетип капиталистического производства, в основе которого лежат прибыль, борьба за дефицитные ресурсы и мировое господство? И третий вопрос: каковы формы и ресурсы перехода от современного состояния российского общества к фазе органической модернизации?

До сих пор большинство исследователей экономических и социальных последствий технологических революций следовали «эволюционной» парадигме глобальной истории. Согласно этой парадигме, человечество постепенно (иногда частями, «ареалами», иногда плавно или скачками, в одних случаях действительно постепенно, тогда как в других – под сильным давлением внешних сил) переходило от архаического способа производства к индустриальному его архетипу, затем – к постиндустриальному, потом – к информационному типу и т. д. Показательно, что

архетип социалистического способа производства трактовался этими учеными, скорее, как исключение из этого эволюционного ряда, чем закономерный его этап. Однако, с моей точки зрения, если считать нещадную эксплуатацию, как человека, так и природы, главным признаком социалистического типа производства, то он вполне укладывается в эту схему.

К. Маркс, М. Вебер и их современники не зря внимательно изучали учение Ч. Дарвина. Потому что, при явном отрицании любых форм «организмизма» или «физикализма» (О. Конт, Г. Спенсер) в их учениях явно просматривается биологическое начало: «Борьба всех против всех». Или, говоря современным языком, человек и вчера, и сегодня продолжает жить и действовать как биологический вид. Маркс выразил этот принцип достаточно лаконично, «Человек живет природой», то есть *за ее счет*, за счет других живых существ, растений и животных, и их экосистем. И масштабы этой эксплуатации возрастают ежегодно и ежечасно, настолько быстро, что лидеры капиталистического способа производства сегодня обеспокоены проблемой глобального дефицита ресурсов для поддержания темпов капиталистического накопления. И никакие предупреждения в адрес «сильных мира сего», идущие как от рефлексирующих западных интеллектуалов (например, от авторов серии докладов Римскому Клубу в 1970–1980-х гг.), или же от лидеров глобального экологического движения (Р. Дюбо, Ф. Капра, Б. Уорд, Ю. Одум, А. Яблоков), этими глобальными игроками не принимались во внимание.

Уверенность этих «сильных мира сего» основывалась на том, что капитализм, какие бы кризисы с ним ни случались, стратегически его эволюционная динамика будет продолжаться. И хотя критики этой уверенности, как, например, И. Валлерстайн, М. Буравой и другие западные социологи, предупреждали, что «эра спокойного солнца» этой системы заканчивается (о том же, по сути, говорил великий русский ученый Н. Кондратьев), эти «сильные мира» игнорировали эти предупреждения. Отсюда политически не случайно широкое распространение доктрины «устойчивого развития» (sustainable development), ставшей на много лет «путеводной звездой» и западной, и российской социальной науки. Лишь пять-шесть лет назад в западном экономико-политическом дискурсе появился термин «турбулентное развитие», но опять же оно трактовалось лишь как преходящий этап эволюции мировой капиталистической системы. Только в 2016 г. представители социальных наук собрались в Вене на форум, предполагавший обсуждение темы «какие будущие нас ожидают?» (множественное число в этой постановке вопроса было не случайным). Но в результате дискуссии никаких альтернативных вариантов моделей этого будущего выявить не удалось. Замечу, что более 20 лет назад тренд к «архаизации» (в форме феодализации российского общества) уже анализировался в российской литературе [Покровский, 1995].

Не менее удивительно, что никто не подсчитывал общей цены, которую заплатило человечество, скажем, с XV в., то есть с начала той эпохи, которая очень интеллигентно была названа «веком великих географических открытий». Хотя этот период принес народам Америки, Африки, Азии и других регионов неисчислимые потери и бедствия как плату за движение по пути капиталистического развития. Не зря этих «географов-открывателей» назвали конкистадорами, то есть завоевателями. А они были не только завоеватели, но и безжалостными губителями древних цивилизаций и их населения. Причем, покорители Северной и Центральной Америки не только грабили, убивали или забирали в рабство аборигенов, но и изменяли коренным образом экосистемы целых континентов. Однако на Западе до сих пор это уничтожение и завоевание именуют «цивилизующим влиянием европейской культуры». Возможно, только Китай смог переработать это влияние в свою пользу, но и он понес серьезные потери в ходе истории. К сожалению, приходится признать, что за редким

исключением «социалистическая цивилизация» тоже стоила миллионов человеческих жертв и разрушенных природных экосистем. Не зря П. Сорокин еще вначале 1920-х гг. ввел понятие отрицательной социальной селекции.

Англо-саксонские обществоведы, теоретики смены способов общественного производства избегают понятия война, предпочитая ему гораздо белее мягкое и нейтральное понятие «социальный конфликт». И это при том, что их военные теоретики и спецслужбы разрабатывают концепцию «неотразимого» ядерного удара. Получается, что подобные конфликты и «неотразимые» удары по вероятному противнику являются необходимой платой за прогресс европейской цивилизации. Но разве сама война не является самой худшей и наиболее разрушительной формой эволюции этой цивилизации? Причем, войны сначала велись в отношении «нецивилизованных» стран, но с начала XX в. они превратились в мировые войны. Вторая мировая война принесла неисчислимые потери и страдания одними и гигантские прибыли другим. Американские банкиры вложили в послевоенное восстановление Европы (по плану Маршалла) десятки млн. долларов, а получили прибыль во многие сотни млрд. долларов. Значит, война есть важный механизм увеличения прибыли.

Наконец, есть мнение, что Вторая мировая война сделала прививку народам Европы от фашизма. Да, на какое-то время сделала, но опять же, какая цена за это была заплачена?! А сегодня фашизм и экстремизм в столь благополучной Европе снова возрождаются. Невольно закрадывается мысль, что вирус фашизма неистребим, а под каким соусом он каждый раз возрождается – это вопрос второстепенный, ситуативный. Вирус фашизма, как палочка Коха, может очень долго жить в человеческом теле, а потом «вдруг» активизироваться. Напрашивается аналогия с человеческим организмом, необходимостью его периодического осмотра, профилактики, лечения и т.д. Напомню, что наиболее успешные западные социологи (Т. Парсонс, Э. Фромм, И. Гоффман) вышли из врачебной среды.

Предпосылки органической модернизации

Поскольку Россия находится под совокупным воздействием Третьей и Четвертой НТР, а, значит, и под воздействием глобальных ресурсных и информационных сетей и других внешних сил, проблема такой модернизации должна рассматриваться в локально-глобальном контексте. Иногда его называют геополитическим. Этот контекст не един, напротив, он конфликтен, поскольку в нем действует множество разнонаправленных сил. Поэтому всякий процесс территориально-локализованной модернизации страны или региона неизбежно будет «встроен» в постоянно изменяющуюся диспозицию конкурирующих сил на международной, региональной и местной геополитических аренах. Очевидно, что структурной основой этой диспозиции является сеть глобальных и региональных информационных, ресурсных и иных сетей и связей. Сочетание сетевой и территориальной организации глобального сообщества есть сегодня необходимая предпосылка моделирования как органической модернизации, так и информационной архаизации.

Историческая практика свидетельствует, что любая форма современной модернизации осуществляется в результате борьбы конкурирующих интересов. Приходится признать, что сегодня обмен информацией и ресурсами, многосторонняя коммуникация и соблюдение национальных интересов достигается как мирными, так и силовыми, в том числе, военными средствами. Право на насилие и военные действия суть важнейшие инструменты поддержания глобального социального порядка. В современном мире конкурируют три модели социального порядка: «естественная», «охранительная» (консервативная) и «разрушительная». Первая основана на принципе самоорганизации, вторая – на принципе приоритета сохранения национально-

территориальных сообществ и третья – на принципе «порядок из хаоса» [Пригожин и Стенгерс, 1984]. То есть третья основана на разрушении глобальными и потому более сильными субъектами сложившихся национальных укладов жизни и на их месте укоренения элементов транснациональных политико-экономических структур. Однако с развитием информационных технологий принцип «мягкой силы» получает все большее распространение, скажем, в форме «цветных революций» [Offe, 1994]. Национальные, то есть относительно более консервативные социальные институты, как правило, отстают от динамично изменяющихся глобальных регулятивных систем (ООН и ее многочисленные ответвления, Мировой Банк, Международный валютный фонд и др.), что является объективной основой противоречий между ними.

Как было показано нами ранее, наша планета представляет собой сверхсложную социобиотехническую систему (СБТ-систему), которая также может выступать в роли коллективного социального агента. Поэтому разделение на «природу» и «общество» методологически и теоретически устарело. А закономерности динамики этой глобальной системы пока недостаточно изучены. Тем не менее эта система оказывает всевозрастающее воздействие на жизнь любого общества и среду его обитания. Пока человечество только начало осознавать только опасность глобального потепления климата. Далее, глобальные перемены в структуре и организации общества столь стремительны, что существующие социальные институты все более отстают от них, возникает критический разрыв между СБТ-динамикой и институциональной статикой глобального сообщества. Продолжается рост народонаселения планеты и, соответственно, дефицит ресурсов для удовлетворения его растущих потребностей. СМИ создают иллюзию легкой доступности благ развитого мира для молодых людей из развивающихся и, тем более, из деградирующих стран и регионов. В совокупности названные факторы стимулируют глобальную напряженность в мире. Одним из существенных факторов ее роста является растущее отчуждение не только между бедными и богатыми, но и между когортами старшего (и быстро стареющего) и молодого поколения. «Кнопочные дети» – это новая субкультура, выросшая на социальных сетях и компьютерных играх. Фактически, сегодня молодежь и взрослые – это два разные культуры. Основная масса населения планеты сегодня настолько поглощена проблемами настоящего, что сохранением собственного прошлого (памятников письменности и материальной культуры) и, тем более, размышлениями о будущем страны, семьи, или собственных детей оно не озабочено. Эти факторы в совокупности с бедностью, поисками временного заработка, конфликтами и войнами, разрушительно действуют на такие традиционные культурные «скрепы» как Малая родина или национальная культура.

Наконец, в высоко интегрированном и мобильном обществе работа по созданию модели органической модернизации невозможна без перестройки институтов науки и образования. Предстоит переход от предметного и моно-дисциплинарного подхода к проблемно ориентированным междисциплинарным методам исследования и обучения. Состоявшееся в конце 2016 г. слияние двух международных организаций ЮНЕСКО, Международного совета социальных наук и Международного совета по естественным наукам, дают импульс к подобной работе на национальном и региональном уровне. То есть предстоит работа в процессе обучения практикой такого объединения.

Ограничения перехода к органической модернизации

Как осуществить переход на путь органической модернизации в условиях преобладания ресурсно-консервативной модели развития РФ и ограничений, накладываемых на этот переход глобальной конкуренцией за природные и интеллектуальные ресурсы и режима санкций, ограничивающих наш доступ к иностранным инвестициям и новейшим технологиям?

Начнем с временны*х* ограничений перехода. В 1920–1930-х гг. этот же вопрос стоял перед идеологами социалистической индустриализации, однако сегодня индустриальные модели модернизации прошлого уже не годятся. Результат дискуссий по данной теме в российском обществознании начала 2000-х гг. дал противоречивый результат. Одни, подобно Д. Фурману, утверждали, что Россия – это уже состоявшееся общество со своей логикой развития, причем «сфера безальтернативности расширяется» [Фурман, 2003]. Другие, вслед за Ю. Левадой, полагали, что речь скорее идет об имитации устойчивости на всех социальных уровнях [Левада, 2003]. Вопрос о соотношении способа поддержания стабильности и направлений изменений – это всегда две стороны одной медали.

В условиях перманентно изменяющегося мира вопрос этого перехода для России стоит по-иному: *как перейти от ресурсно-консервативной модели к динамической?* Причем данный переход не имеет четких временны*х* рамок, поскольку он должен совершаться *постоянно*. Но что или кто именно тогда должно оставаться стабильным? Этот вопрос влечет за собой другие, не менее важные: не прошло ли наше общество некоторую «точку бифуркации»? Иными словами, есть ли для такого поворота у нас в наличии необходимые для этого идеология (план, программа, модель перехода) и ресурсы? Или же для доступа к ним придется поступиться частью национального суверенитета? Затем, каковы возможные силы и их ресурсы сопротивления такому повороту? Ведь ресурсно-консервативной модели модернизации соответствуют определенная структура социальных сил и ключевые социальные институты. А консервативные силы и архаические общности по определению не стремятся к кардинальным переменам. Но какие именно силы способны начать и осуществить поворот к органической модернизации? Все история России свидетельствует, что такие повороты инициировались сверху, что имеет место и сейчас. Затем, а не приведет ли такая реформа к дезинтеграции российского общества, как это случилось с Советским Союзом? Замечу еще раз, что консервативные силы, опирающиеся на связку «власть–собственность» – это одно дело, а идущая в некоторых регионах страны архаизация производства и социальных отношений – совсем другое.

Ресурсы для органической модернизации

Речь идет о проблеме соединения достижений Третьей и Четвертой научно-технических революций и социокультурной специфики национальных государств и их регионов. Как достижения НТР должны быть использованы в целях органической модернизации и что такого в нашем обществе «органичного», что должно быть сохранено и соединено с достижениями этих двух НТР? Российские и западные исследователи, считающие сохранение социокультурного разнообразия страны и планеты в целом необходимым, акцентируют внимание на качественном различии оснований этих двух архетипов. Если первый всецело основывается на научном знании, которое по своей природе является универсальным, то второй базируется на том, что является сутью местной культуры. То есть на верованиях, традициях, обычаях, семейно-соседских связях и т.п. Причем второй архетип не обязательно противоречит первому, потому что оба могут содержать полезную информацию о флоре, фауне, специфике климата, местных обычаях и т.д. Вопрос в том, кем и как эти ресурсы будут использованы.

Следующий вопрос имеет уже политический характер. Независимо от того, учатся ли местные студенты и аспиранты в РФ или едут учиться в США или Европу, используют англо-саксонские методы и технологии здесь или приглашают зарубежных специалистов в качестве исследователей или преподавателей, в мире идет распространение и воспроизводство англо-саксонского взгляда на характер модернизации. Социологи из развивающихся стран называют это методологическим

гегемонизмом [Sundar, 2014; Van Holdt, 2014]. Работая много лет по международной программе ЮНЕСКО «Человек и биосфера», затем участвуя в сравнительных международных исследованиях, в том числе под руководством А. Турэна, я постоянно испытывал это давление на себе.

Данный факт подтверждается международным исследованием публикаций в области социальных наук. Так, более 50% публикаций вышло в Северной Америке; за ней идут Европа – около одной трети работ в данной области. В сумме эти два региона составляют около 90% подобных публикаций, цитируемых в Индексе цитированных публикаций (Social Science Citation Index). Другие регионы мира отстают на порядок, только азиатский регион имеет чуть более 5% цитированных работ, Океания примерно столько же, и три других региона производят менее 2%. [Mosbah-Natanson and Gingras, 2014, с. 630]. Можно заключить, что ключевыми регионами производства и распространения знаний и практик, необходимых для продвижения и освоения достижений двух НТР, являются *наиболее развитые англо-саксонские страны и регионы*. Поэтому я считаю продвижение работ российских социологов по всему миру одной из первоочередных задач.

Однако производство социальных знаний прямо не подчиняется развитию технологий. Сам институт производства и освоения этих знаний имеет специфические закономерности (и секреты), о которых, как показало исследование западных коллег, социологи предпочитают умалчивать [Misunderstanding Science?.., 1996; Irwin, 2001]. В принципе в данном виде производства присутствуют все черты конкретного типа общественного производства: конкурентная борьба, отторжение «инакомыслящих», отходы (в форме живых людей, их идей или текстов), которые уже никуда и никогда не пойдут и т.д. Сегодня наметилась тревожная тенденция, которая также частично перешла к нам из западной социологии. Наши социологи все больше «вещают» и все меньше рефлексируют. Ученых, углубленно занимающихся какой-то конкретной проблемой, презрительно называют чудаками. Уже не интеллект ученого, не накопленные им знания, а его известность, публичность, причастность к государственным или корпоративным экспертным сообществам являются главными критериями для его общественной оценки и продвижения по служебной лестнице.

Другой и, с моей точки зрения, наиболее разрушительный тренд, заключается в утере современными научными работниками самой *способности к критическому осмыслению* действительности, в том числе работ своих коллег по социологическому сообществу. Эта социальная болезнь поразила сегодня множество моих западных коллег. Судите сами, вот типичный пример недавней статьи в престижном международном журнале. Ее автор упоминает, но не цитирует и не подвергает собственной оценке (!) работы других авторов по теме. Он просто «отметился». Если бы это автор попытался всесторонне критически оценить работу своих коллег по сходной теме, ему потребовалось бы не менее 3-х лет! Что трудно себе представить, зная занятость этих людей и ограниченность финансовых ресурсов. Иными словами, возникает некая «параллельная наука»: *масса ссылок на работы других авторов становится формой «символического», демонстрационного поведения*. Поэтому прежде чем решать вопросы органической модернизации, желательно критически оценить собственный теоретический и методический инструментарий, который в данном отношении архаическим иначе не назовешь. Приведу пример из собственного опыта. Работая в 1993–1994 гг. консультантом в Европейском банке реконструкции и развития, я был привлечен к проекту «Информационная составляющая общественного участия» (the Public Participation Information Initiative), задачей которого было продвижение самой идеи общественного участия в восточные регионы России. Я предупреждал авторов этой «инициативы», что не только на Урале, но и за ним они столкнутся с трудностями полного непонимания англо-саксонских терминов

«общественное участие» и «низовые инициативы». Эти авторы даже не поняли, о чем я говорю, и проект потерпел полный провал.

«Интернет вещей» как субъект социального действия?

Глобальный мир и, в том числе, регионы и национальные государства, должны все время искать баланс между двумя противоположными трендами: транснационализацией и сохранением территориальной целостности и ее идентичности. Развитие социального потенциала населения невозможно без его социально-территориальной мобильности, но одновременно надо сберегать уникальный природный и социально-культурный фонд данной территориальной общности, то есть сохранять его природу и исторические «скрепы». Как совместить эти два вектора пока никто не знает. Во всяком случае, десятилетняя дискуссия российских ученых на тему «Куда идет Россия?» не дала ощутимого результата. Скорее, эта дискуссия обозначила названное выше размежевание (см. серию сборников «Куда идет Россия?» и «Куда пришла Россия?», вышедшую по материалам международных конференций конца 1990-х – начала 2000-х гг.).

Многолетняя ориентация на ресурсную модель модернизации в РФ привела к дефициту квалифицированной рабочей силы на рынке труда. Эта модель развития страны практически уничтожила существовавшую в СССР развитую систему подготовки и переподготовки трудовых ресурсов. Мало кто сегодня знает, сколь мощной социально-профессиональной силой тогда был специальный институт подготовки «трудовых резервов». А ведь трудовые ресурсы – это вопрос не только внутренней социальной политики, но и международных отношений. Сегодня РФ находится в «переходной» фазе, когда рынок труда испытывает двойной дефицит: в высококвалифицированной и «подсобной» рабочей силе. У этой проблемы есть своя оборотная сторона: беженцы, вынужденные переселенцы, безработные, загрязнение среды промышленными и бытовыми отходами, то есть все то, что я квалифицирую как выделение «энергии распада» территориальных сообществ и депрессивных регионов.

В индустриально развитых странах ситуация не менее напряженная. Все большее число работоспособных граждан переводится на разные формы временного труда (частично занятых, фрилансеров, поденщиков и др.). Другая их часть, особенно молодежь, особенно из числа мигрантов, просто не работает, живя на социальное пособие. Замещение живого труда, физического или умственного, работой «умных машин» плюс дальнейший перевод промышленных предприятий в третьи страны, где рабочая сила более дешевая, лишь усиливает эту напряженность. Выборы Президента США в 2016 г. показали, что эта страна, впрочем, как и другие страны, идущие по пути транснационализации производства, фактически разделена на две части: транснациональную и национальную с разным достатком, интересами и уровнем социальной мобильности. Особую категорию там составляют люди, которую З. Бауман назвал «мусорными людьми», то есть париями современного капиталистического общества [Bauman, 2004]. Это люди, которые уже ни при каких обстоятельствах не смогут снова активно включиться в быстро развивающуюся социальную жизнь. «Производство человеческих отходов, то есть людей, превращенных в мусор, неизбежный результат модернизации и неотделимый признак модернити». Эти никому не нужные люди – неотъемлемая часть существующего социального порядка, возникающего в «текучем обществе» и основанного на идеологии потребительского общества и индивидуализма, которые присущи современному уязвимому и неопределенному обществу [Bauman, 2004: 5, 11, 50]. Это еще одна форма информационной архаизации.

Развитие глобального информационного общества сегодня все более зависит от института производства знаний и соответствующих ему технологий. Главным

потребителем продуктов этого производства являются дети и молодежь, которые наиболее чувствительны ко всему новому. Поэтому, с моей точки зрения, главным движителем «органической модернизации» сегодня потенциально является молодежь. Это утверждение не противоречит тезису о необходимости сохранения преемственности с национальной культурой и ее носителями, которые в большинстве своем суть люди старшего поколения. Однако связь и преемственность с ними все более осуществляется не через встречи с ветеранами войны и труда, что тоже важно, но, прежде всего, через интернет и социальные сети. А также – через лидеров общественного мнения, с которыми пользователи общаются в сетях.

Эти сдвиги означают необходимость пересмотра отношения гражданских инициатив и государства, которое сегодня в России непропорционально сдвинуто в сторону надзирающих и контролирующих государственных служб. Без низовой инициативы снизу, без свободы гражданской инициативы детей, подростков и молодежи проблему органической модернизации не решить. Или, что еще опаснее, получить *неконтролируемый «взрыв» архаизации части молодежи*, поддержанный консервативным меньшинством старших. И этот сдвиг, в первую очередь, касается детских и молодежных инициатив, сочетающих науку и практику. Практики передачи знаний и умений от старших к младшим, существовавшие еще 20–30 лет назад, сегодня утратили свою эффективность. Нужны не парадные встречи и массовые мероприятия, а переориентация общественных сил на проблемы модернизации, где инициатива, чем дальше, тем больше будет принадлежать подросткам и молодым специалистам. Р*астущему разрыву между поколениями* следует уделить значительно большее внимание, иначе есть реальный риск ухода детей и молодежи в виртуальный мир социальных сетей и компьютерных игр, куда старшим доступа практически нет.

И, наконец, главное. Наблюдая за взрывным процессом создания мира «умных машин», я пришел к выводу, что он вступает в качественно новую фазу: вероятной тотальной опасности, исходящей уже не столько от людей, сколько от повседневной среды их обитания. Речь идет об опасности, исходящей от мира «умных вещей». Сегодня уже не нужны смертники, врезающиеся на грузовиках в толпу ничего не подозревающих людей. Достаточно направить в нее «умный автомобиль» или любой другой беспилотник. Хакеры способны перепрограммировать все «умные вещи» повседневного обихода таким образом, чтобы они взрывались и уничтожали все живое вокруг, причем превращение изобретений научно-технической мысли из концепций в товары массового потребления требует все меньшего времени.

У этого процесса есть и другая важная сторона: его массификация. Напомню, что первые компьютеры были созданы молодыми изобретателями в гараже, буквально «на коленке». Так что «гений и злодейство» – это не ложная дихотомия, а реальная диалектика развития социального мира. Исследования показывают, что IQ таких домашних конструкторов невысок, и он постоянно снижается, следовательно, их потенциальная массовость возрастает. Тут мы возвращаемся к извечной проблеме: как совместить максимум инноваций с минимальным риском для человечества и природы. Если самодеятельное творчество в сфере новых технологий может существовать в бесчисленном множестве точек социального пространства, то ужесточением законодательства эту проблему решить невозможно.

Протест, кризис, адаптация

Н.И. Лапин в 2001 г. утверждал, что «в российском обществе 90-х гг. стали *доминантными* такие социокультурные процессы как аномия, протест, кризис, самоорганизация». Однако на рубеже столетий «происходит *обратная инверсия (реверсия) доминантных процессов*…, протест уже отошел на задний план и уступил место адаптации… *Адаптация, легитимация* новых ценностей и норм,

саморегулирование и управление, становление нового социального порядка, – вот «доминантный квартет динамики российского общества в начале XXI века» [Лапин, 2001: 109] (курсив Лапина – О.Я.). До начала кризиса 2008 г. это утверждение было вполне справедливо. Однако позже и особенно после присоединения Крыма и событий на Донбассе саморегулирование общества стало быстро сокращаться.

Акад. Т.И. Заславская отмечала, что практическое отсутствие движений протеста порождают неоправданные ожидания возможности проведения «нового витка быстрых и радикальных реформ, без оглядки на консервативные настроения и скрытое сопротивление массовых групп» [Заславская, 2001: 13]. Более того, экономическая и политическая поляризация общества растет. Интересы общества в целом оказались лишенными своего носителя и выразителя. «Общество как целое (страна) перестало быть актором, субъектом действия», что «теоретически оправдывается отрицанием самого существования общественного интереса с помощью последовательно либеральных теорий («война всех против всех», «государство как ночной сторож и т.д.)». Инициатором «распада и застоя выступает сам российский капитал, ориентированный… не на инвестиции в российскую экономику, а на вывоз (капитала) за рубеж» [Здравомыслов, 2003: 101, 104].

Сегодня консервативные настроения проявляются во всех слоях российского общества, и они обусловлены не только давлением «снизу», но прежде всего «сверху». Повседневная практика показывает, что под давлением растущего слоя «раздаточной» бюрократии всех уровней (термин О. Бессоновой), молодежь, копируя поведение старшего поколения, все реже стремится открывать свой бизнес или другое новое дело, и все чаще – заполучить теплое местечко в любом месте разрастающегося института современной бюрократии. А этот институт не имеет ни нужной профессиональной подготовки, ни, тем более, личного интереса, к разработке сбалансированных правил «управления – саморегулирования» в условиях модернизации. Это означает (и практика это подтверждает), что ожидаемого 15 лет назад саморегулирования становится все меньше, а запретов – все больше. Тем самым обозначается «развилка» научно-технического творчества школьников и молодежи: или подчиниться правилам, создаваемым бюрократическим классом, или же эмигрировать. Органическая модернизация не может быть создана и существовать в условиях сужающегося круга легитимных социальных возможностей. Соответственно, возникает запрос к общественным наукам: не пора ли перенести центр тяжести социологических и других исследований с анализа сложившихся структур и процессов на «эмерджентные» малые творческие группы и их сети? С «управления» сложившимся социальным порядком на анализ возникновения малых креативных групп? Так или иначе, становление нового социального порядка уже сегодня неотделимо от функционирования этих групп и их сетей.

Поэтому органическая модернизация должна быть, как минимум, двухуровневой: на уровне государства она уже развивается и будет развиваться в универсальном (технологическом) тренде, тогда как на уровне региональном и местном приоритет должен быть отдан ее социокультурной специфике. Естественно, что эти уровни взаимопроникаемы и взаимозависимы, при разумном соотношении общемировых трендов и интересов социально-территориальных общностей, они не только противоречат друг другу, но и являются взаимно полезными.

Заключение

Органическая модернизация – стратегическая задача страны, всех уровней ее организации и самоуправления в условиях перехода к Четвертой НТР. Эту проблему необходимо изучать во внутренне конфликтном локально-глобальном контексте. Структурной основой этой модернизации является взаимодействие сетевых и

социально-территориальных систем. Выделены три типа их социального порядка: «естественный», «охранительный» и «разрушительный». Унифицирующие социально-информационные процессы разрушительны для традиционных социокультурных сообществ. Глобальные ресурсно-информационные сети превратили нашу планету в СБТ-систему, которая также является социальные агентом. Современный институт науки критически отстает от динамики глобальных систем. Для разрешения этого кризиса нужны проблемно-ориентированный и междисциплинарный подходы.

Необходимо решать вопрос о стратегии и тактике перехода к органической модернизации. Возникает вопрос: не прошло ли российское общество «точку невозврата»? Если нет, какие именно силы способны осуществить этот переход? Ключевым здесь является вопрос о путях преодоления сопротивления ресурсно-консервативной и открыто архаической моделей развития. Как соотнести органическую модернизацию, основанную на научном знании, и консервативную модернизацию, основанную на локальных верованиях, традициях и обычаях? Сохраняющаяся зависимость от англо-саксонской модели модернизации является серьезным препятствием на пути к органическому глобально-локальному взаимодействию. Другое препятствие – это «параллельное» мышление все большего числа исследователей, ведущее к утере способности критического мышления.

Длительная дискуссия в российской общественной науке о том, «куда же идет Россия?», не дала действенного импульса для решения этого вопроса. Однако стремительное развитие «интернета вещей» уже привело к сокращению рынка труда, к новому социальному размежеванию (интернет-специалисты vs. все остальные), к расширению когорты «лишних людей», к углублению разрыва между молодежью и старшим поколением. Молодежь, с моей точки зрения, – ударная сила развития «интернета вещей» как его создателя и пользователя. Но для свободы молодежного творчества нужна большая самоорганизация и меньше бюрократического контроля. Иначе риск доминирования «интернета вещей» над людьми резко возрастет.

Нерешенным остается вопрос о соотношении сопротивления, адаптации и трансформации в процессе перехода к органической модернизации. Радикальный реформизм здесь не подходит – сопротивление консервативно-настроенных групп слишком велико. Более того, «ресурсная ориентация» общества уже закреплена институционально, и основная масса населения адаптировалась к ней. Тем не менее смещение фокуса исследовательского интереса со сложившихся социальных структур в сторону самоорганизации творческого процесса, то есть от малых «эмерджентных» представляется мне необходимым.

В социальных науках назревает смена парадигмы: переход от эволюционной концепции исторического развития, заключающейся в последовательной смене способов производства, к парадигме «сосуществования и взаимодействия» исторически различных способов производства в условиях борьбы за дефицитные ресурсы и геополитическое доминирование на международной арене. Преобладающий сегодня модус развития не только не «устойчивый» и «турбулентный», но – нелинейный и вероятностный, обремененный возвратными ходами, бифуркациями и неожиданными поворотами. Интеллектуальное развитие человечества соседствует с падением его интеллектуального потенциала и массовой отрицательной селекцией, технологические прорывы в будущее – с его архаизацией, ростом насилия и жестокости. Эта диалектика прогресса и регресса осуществляется не плавно не линейно, а посредством возникновения островов и анклавов того и другого при помощи современных средств коммуникации и военных действий.

Сегодня жестко конфликтная природа исторического процесса проявила себя больше чем когда-либо, потому что войны и другие формы борьбы коллективных субъектов из фронтальных или очаговых процессов превратились во всеохватывающие

и всепроникающие действия. Что еще раз подтверждает концепцию современного общества как «общества всеобщего риска». «Гибридная война» уже давно идет, и война утечек, компроматов и дезинформации в масс-медиа – лучшее тому подтверждение. Информация, дезинформация, хакерство, подавление информационных систем потенциального противника становятся главным оружием современной войны, поскольку они обладают важнейшим в современном обществе качеством – мгновенного (упреждающего) воздействия на этого противника. Такова еще одна форма современной архаики: люди уничтожаются не физически, а морально дезориентируются и социально демобилизуются. Эта архаизация состоит также в использовании мирного населения в качестве инструмента «гибридной войны». Например, в качестве «ударной социальной силы» посредством мощного миграционного потока, инструмента политического давления, в роли «живого щита» в военных действиях, массовых казней, транслируемых по телевидению и т.д. Одновременно международные правозащитные организации стремятся стать политическим арбитром в военном противостоянии, спекулируя на недоказанных фактах «непропорциональной жестокости» в отношении мирных граждан. В основе этих процессов лежит возможность ведения дистанционной борьбы, как в форме дистанционного наблюдения, так и прямого воздействия посредством глобальных информационных систем.

Выводы по Части I

Современный мир развивается все быстрее, понуждая к ускоренному развитию его теоретическое и методическое осмысление. С моей точки зрения, по этой и другим причинам гуманитарные науки нуждаются в процессе непрерывной модернизации. Первый момент этого процесса – это постепенный переход от моно-дисциплинарного и предметного анализа к проблемно-ориентированным междисциплинарным исследованиям. Что повлечет за собой разработку методов перевода данных одних наук на язык других. Снижение междисциплинарных барьеров – условие такого взаимодействия. Второй важный момент – это перемещения акцента исследовательского интереса с дискретных замеров (общественных настроений, экспертных опросов и др.) на теорию и методы непрерывного наблюдения (мониторинга) за динамикой сверхсложных систем разного масштаба.

Глобализация означает формирование социобиотехнической системы, поведение и динамика которой только начинают изучаться. Сегодня такая глобальная система может существовать и развиваться, если для одних она «производит» блага, а для других бедствия и риски. То есть за материальные, научные, технологические и другие блага для одних миллионы других людей платят своей бедностью, болезнями и необразованностью. Поэтому если на одном полюсе процесса глобализации совершается непрерывная и органическая модернизация производства и жизни, то на другом полюсе происходит архаизация, то есть движение вспять по стреле исторического времени. Такое движение чревато социальными конфликтами и формированием радикальных и экстремистских движений.

Эпоха «спокойного солнца», как ее некогда образно определили западные социологи, закончилась. Развитие глобальной системы происходит нелинейно, и такого теоретического инструмента как «турбулентность» этого развития уже недостаточно. Напротив, это развитие все менее предсказуемо и сопровождается неожиданными поворотами и даже бифуркациями, то есть изменением направления и характера глобальной динамики. Обостряющаяся с каждым годом в мире борьба за ресурсы и геополитическое доминирование ведет к замене социологии как главного интерпретатора этой динамики комплексом социотехнических дисциплин с явным

технократическим уклоном. Чем дальше, тем больше социальное конструирование и технологические инновации рассматриваются западными учеными в качестве главных драйверов процесса глобализации. Поэтому и по данной причине динамику глобальных систем можно исследовать и интерпретировать только посредством междисциплинарного взаимодействия. Причем оно должно быть основано на постоянном отслеживании текущих изменений, как явных, так и скрытых, для чего потребуются новые социальные технологии.

Приобретают новый смысл понятия стабильности и мобильности. В современном постоянно и все быстрее изменяющемся мире стабильность всякого социального субъекта – понятие временное. Эта временная стабильность достигается только посредством постоянных изменений. Причем, как уже отмечалось, эта устойчивость есть результат изменений политики и управленческих решений, как на макро, так и на микроуровнях, что зависит от характера изменения геополитической ситуации, в которой находится данный субъект. Однако в любом случае диверсифицированные производство и международные отношения всегда работают в пользу большей устойчивости данного субъекта. И наоборот, чем более экономика общества держится на производстве какого-то одного товара или ресурса, тем менее это общество устойчиво.

В глобальной системе, равно как и в территориально-организованных сообществах, всегда есть ведущие центры и обширная периферия. Конкретные ведущие центры могут возникать и исчезать, но общий принцип такой организации сохраняется. Поэтому при всем значении крупнейших мегаполисов мира, они сохраняют свою зависимость от мировой периферии. Наконец, диалектика рассматриваемого соотношения состоит в том, что между ними должен сохраняться определенный баланс. Иначе слишком интенсивное развитие крупнейших мегаполисов мира, их обогащение, усиление их политической гегемонии за счет мировой периферии может вызвать реакцию их отторжения, что мы сегодня и наблюдаем на Ближнем Востоке.

Часть II
Глобализация: от прошлого к будущему

Глава 6. От Второй индустриальной революции к Третьей и Четвертой

В течение последних двух десятилетий пост-материальные ценности постепенно замещались ценностями «потребительского общества». Динамика мир-системы приобрела всеохватывающий характер, обремененный выбросом гигантских масс энергии распада. Диспозиция социальных сил, формирующих миропорядок, постоянно меняется, он становится менее стабильным и более рискогенным. Взаимодействие социальных, экологических и технологических перемен превратило мир в сверхсложную СБТ-систему, институциональная организация которой быстро трансформируется из территориальной в поточно-сетевую. Временные институциональные образования постепенно вытесняют международные институции, созданные после Второй мировой войны. Многие ранее интенсивно развивавшиеся гражданские организации и движения становятся политически зависимыми и ситуативными. Местная социальная и культурная жизнь периодически нарушается глобальными силами. Взаимозависимость сфер труда, образования и досуга растет, информационные технологии позволяют осуществлять эти виды деятельности дистанционно. Повседневная жизнь одновременно протекает в онлайн и офлайн режимах. Разделение социальной активности на «здесь» и «там» становится условным. Поведение индивидов все более направляется медиа посредством ре-программирования и переключения каналов информации. Первичная эко-структура замещается включением в социальные сети, приватная жизнь находится под постоянной угрозой, происходит архетипический сдвиг по оси «Homo Faber–Homo Ludens–Homo Mobilis». Чтобы выжить, институт науки должен стать проблемно-ориентированным, междисциплинарным и «поспевать» за темпо-ритмами глобальной сетевой динамики.

Идет быстрый переход от Второй технологической революции (далее НТР) к Третьей и Четвертой. Сложность изучения этого перехода состоит в его нелинейном характере, он одновременно совершается неравномерно и по многим векторам. Данный переход породил новые «гибридные» феномены, для познания которых нет пока адекватного инструментария. Поэтому их влияние на глобальный социальный порядок еще предстоит изучить. Институциональная организация науки не только критически отстает от темпа перемен, но и продолжает дробиться по узким предметным направлениям. Если до сих пор онтологические и гносеологические исследования, как правило, разделялись, то сегодня, когда наука непосредственно включена в процессы политической практики, необходим интегрированный гносеологический подход.

Изменения в системе ценностей

Их общим «коллективным конструктором» был и остается капитализм с его целями экономического и геополитического господства. Новые технологии являются лишь инструментом для достижения этих целей. Однако Вторая НТР начиналась под общим флагом *развития* с целью удовлетворения потребностей растущего населения, уменьшения разрыва между бедными и богатыми, сохранения национальных ценностей и доступа к образованию и ценностям мировой культуры. Укреплялось доверие на межгосударственном и общественном уровнях, ликвидировались последствия колониальной политики. Теоретики Второй НТР предполагали, что проблема голода и бедности может быть решена посредством «зеленой революции», финансовой и гуманитарной помощи странам «третьего мира». В военно-политической сфере господствовал принцип «разумной достаточности» оборонительной мощи отдельных стран и их союзов. Новейшие технологии взаимного контроля укрепляли межблоковое доверие. Существовал известный консенсус по ключевым проблемам глобальной политики. Высказывалась идея конвергенции двух систем. Казалось, что идея *мирного сосуществования* утвердилась в качестве приоритетной.

Однако сегодня разрыв между бедными и богатыми не сократился, доступ к образованию и ценностям мировой культуры ограничен имущественным цензом, конфессиональными или административными барьерами, уровень доверия снижается, «зеленая революция» дала лишь кратковременный эффект, гонка вооружений продолжается и т.д. Природа продолжает рассматриваться как ресурс для укрепления господства отдельных стран и их военно-политических блоков. Эксперты считают, что наступила глобальная эпоха борьбы за ресурсы [Кьеза, 2006; Urry, 2012]. Либеральные создатели модели глобальной динамики настаивают на поддержании потребительского спроса любой ценой. Затем – на установлении нужного США и их союзникам социального порядка, гарантирующего доступ к нефтегазовым ресурсам Африки и Ближнего Востока. В геополитике продолжается курс на повсеместное господство англо-саксонской модели жизнеустройства. Англо-саксонский мир держит курс на глобальное доминирование, селекцию стран и людей на «угодных» и «неугодных», проводит политику санкций, создание зон социально-политического хаоса становится частью этого курса.

Западные обществоведы редко обсуждают процессы изменения ценностных ориентиров. На мой взгляд, возможны два объяснения. Или же они полагают, что Четвертая НТР позволит странам Севера продолжать их прежний социально-экономический и политический курс, или же им просто нечего сказать кроме повторения слогана о преимуществах западной модели демократии. Первое, на мой взгляд, очевидно. Второе предположение подтверждается новым докладом Международного союза социальных наук [ISS, IDS and UNESCO…, 2016]. Даст ли конкретный результат соглашение по климату покажет время, но история с печально известным Киотским протоколом не обнадеживает. Сегодня очевидно, что скорость реализации любых международных соглашений и программ в отношении глобальной ситуации *критически отстает* от скорости уже произошедших в мире перемен! Сохранение среды обитания как главный ориентир глобальной динамики постоянно провозглашается, но очень медленно реализуется. Наконец, если в 1960–1970-х гг. был явный запрос на смену ключевых ценностных ориентиров [Медоуз и др., 1994; Rozzak, 1973; Toffler, 1970], акцент на значимости нематериальных потребностей, то теперь идеология «потребительского общества» побеждает уже в глобальном масштабе. Один из Докладов Римскому клубу, подготовленный Э. Ласло с коллегами, был специально посвящен целям и ценностям развития человечества. В частности, выдвигалась модель «гуманистического социализма». Приводимые ниже таблицы (№№1–10), учитывая серию Докладов Римскому клубу, являются моим личным представлением о происходящих переменах.

Таблица 1

Изменения в системе ценностей, 1960–1970-е / 2000-е гг.

Основные характеристики	**1960–1970-е гг.**	**2000-е гг.**
Основной тренд	Всеобщее развитие	Селективное развитие
Тип потребностей	Развитие нематериальных потребностей	Поддержание потребительского спроса
Международные отношения	Снижение международной напряженности, рост доверия	Рост международной напряженности и недоверия
Роль новых технологий	Способствует сближению ценностных ориентиров обществ	Универсализация ценностей обществ и государств
Отношение к природе	Идеология «предела вмешательства» в природные экосистемы	Идеология ее «эффективной эксплуатации» и трансформации

Изменение типа глобальной динамики

В 1976–1970-х гг. планета представлялась мир-системой, то есть некоторым предсказуемым целым. Господствовала идея общей модернизации как главного вектора развития этой системы [Wallerstain, 1994]. Ей должен был соответствовать глобальный миропорядок (ГМ), реализуемый посредством международных институтов. Наличие конфликтов не отрицалось, но предполагалось, что «третий мир» будет включен в процесс глобализации посредством его технологической модернизации. В целом превалировала идея «устойчивости» этого миропорядка [Brundtland and Khalid, 1987]. Это был своего рода «гуманистический технократизм». Идея меритократии, то есть мира, основанного на знании, пробивала себе дорогу. Однако за 40 лет *интерпретация глобальной динамики* резко изменилась. У. Бек, Э. Гидденс и другие показали, что процесс глобализации порождает всеохватывающие и всепроникающие риски, потенциально способные изменить любой социальный порядок [Beck, 1992, 1999; Giddens, 1992; Lupton, 1999; Yanitsky, 2000]. В мире уже нет абсолютно безопасных мест – есть только более и менее безопасные участки планеты.

Круговорот веществ в биосфере, а с ними и скорость распространения глобальных рисков по планете резко усилилась. Информационная революция, «уничтожив пространство посредством времени», сделала мир еще более взаимозависимым [The Global Risks…, 2016]. Начался *новый этап силовой колонизации* «третьих» стран, инструментом которого стали «цветные революции». Распад Советского Союза, разрушение ряда авторитарных режимов породили гигантский выброс *энергии распада* в виде гибели мирного населения, потоков беженцев и вынужденных переселенцев [Yanitsky, 2000]. Использование информационных технологий для манипулирования массовым сознанием привело к появлению феномена «инсценирования рисков», то есть к их политическому конструированию [Кравченко, 2009]. Этот риск оказался более действенным средством воздействия на массовое сознание, чем реальные аварии и катастрофы. В результате интенсивного социального и технологического вмешательства в природные процессы возникла новая форма глобального мира: СБТ-система, обратное воздействие которой на человека и биосферу практически не изучено. Глобальное потепление климата – лишь малая часть этого необратимого процесса. Новые технологии увеличили вероятность региональных и глобальных катастроф как результата борьбы глобальных игроков за природные ресурсы и расширение своих сфер влияния. Идет борьба между двумя направлениями глобальной политики: ограничительной, указывающей на наличие «пределов роста» и технократической (доктрина унифицирующей глобализации).

Таблица 2

Изменение типа глобальной динамики, 1960–1970-е / 2000-е гг.

Основные характеристики	1960–1970-е гг.	2000-е гг.
Основной тренд	Устойчивое развитие ГМ	Конструирование ГМ
Движущая сила	Западная цивилизация	Борьба цивилизаций
Характер изменения	«Линейный»	Нелинейный (рискогенный)
Структура ГМ	*Территориально*-поточная	*Поточно*-сетевая
Роль информационных технологий	Во благо человечества	Инструмент глобального лидерства
Принцип геополитики	Сближение, коммуникация, конвергенция, интеграция	Геополитическое господство и «управляемый хаос»
Роль природы	Природа – главный ресурс	Природа – часть СБТ-систем
Основные инструменты	Экономический рост	Экономический рост плюс информационное давление

Перемены в глобальном миропорядке

В условиях Второй и части Третьей НТР господствовал «позитивный технократизм». Казалось, что обмен знаниями и информацией будут способствовать бо́льшей устойчивости глобального мира (ГМ), что «развитый мир» поделится своими достижениями с остальным миром. И в капиталистическом, и в социалистическом мире идея помощи и взаимопомощи была чрезвычайно популярной, была выдвинута уже упомянутая концепция «устойчивого развития». Хотя система противостоящих блоков стран продолжала существовать, но их лидеры периодически встречались и договаривались. Хельсинским соглашением 1975 г. была подтверждена нерушимость послевоенных границ в Европе. Разрядка международной напряженности и сохранение мира были включены в повестку дня. Возникло движение за мир во всем мире, появилась народная дипломатия, были созданы публичные площадки для общения ученых, инженеров, деятелей культуры. Периодически высказывалась идея постепенной конвергенции двух систем.

Однако соотношение сил на глобальной арене постоянно менялось. Вот основные тренды:

1) выход на мировую социально-экономическую арену Китая и Индии;
2) экономико-технологический рывок Японии и Южной Кореи;
3) достижение стратегического паритета между СССР и США;
4) формирование Европейского союза как новой формы ГМ;
5) превращение СМИ в мощную политическую и социальную силу;
6) развитие негосударственных социальных агентов (НКО) и транснациональных корпораций (ТНК); и
7) челночная дипломатия и разработка дорожных карт разрешения региональных конфликтов.

Быстро развивалась закулисная дипломатия [Балиев, 2016]. Именно в этот период проблема охраны среды обитания вошла в международную повестку дня (Стокгольмская конференция по проблемам окружающей среды 1972 г.). Ее непосредственным результатом был принятие Программы ООН по окружающей среде (ЮНЭП). Была создана и успешно развивалась под эгидой ЮНЕСКО межправительственная программа «Человек и биосфера». Впервые в глобальном масштабе была поставлена задача «устойчивого развития», сочетающая два его типа: природное, эволюционное и конструируемое человеком.

Распад СССР и Варшавского договора изменил всю архитектуру ГМ. Формы его поддержания, достигнутые в предыдущий период, стали разрушаться. Последовавшие изменения были неоднородны: одни тренды продолжались (например, усиления роли Китая и Индии на международной арене), тогда как другие трудно было предсказать. Сегодня ГМ становится все более неопределенным и непредсказуемым. В его формировании все большую роль играют ТНК и региональные объединения государств, частные армии и неопознанные вооруженные формирования. Радикальные и террористические организации стали важным игроком на глобальном политическом поле. Стратегический паритет РФ–США сохраняется, но США продолжают агрессивную глобальную политику. Движение за мир и другие инициативы гражданского общества утратили свое международное влияние. Роль масс-медиа в манипулировании массовым сознанием возрастает. «Челночная дипломатия» не приводит к ослаблению международной напряженности.

Идет силовая реструктуризация ГМ путем экспорта образцов западной демократии посредством медиа, социальных сетей, спонсирования и прямого управления ячейками гражданской активности общества стран остального мира. Очень мало исследований относительно специфики формирования ячеек гражданского общества в этих странах. Ни в США, ни в ЕС не ведутся исследования «цветных

революций». Показательно, что Центр по изучению глобального гражданского общества Высшей школы экономики в Лондоне, уже много лет издающий ежегодник «Глобальное гражданское общество» также пока не реагирует на проблему глобальной миграции.

Таблица 3

Изменение глобального миропорядка (ГМ), 1960–1970-е гг. / 2000-е гг.

Основные характеристики	1960–1970-е гг.	2000-е гг.
Ценностная основа ГМ	Глобальный технократизм vs. «левый поворот»	Глобальный технократизм + «правый поворот»
Движущая сила ГМ	«Западный мир»	Борьба нескольких центров силы
Инструменты его модернизации	Индустриальная экспансия в «третий мир»	Глобальная информационно-технологическая экспансия
Факторы его формирования	Биполярный мир, локальные войны	Многополярный мир, информационная война
Инструменты его поддержания	Движение за мир, переговоры	Переговоры с силовым давлением
Геополитические инструменты ГМ	Экономическое и силовое вмешательство	Те же плюс «цветные революции»
Роль международных институтов (ООН и др.)	Ведущая	Снижающаяся
Роль ячеек гражданского общества	Возрастает как фактор глобального миропорядка	Их роль снижается, временные сетевые связи доминируют

Смена парадигмы отношения «человек-природа»

В европейской культуре веками формировалось деление всей сферы человеческого бытия на природное и социальное. Это дихотомическое мышление пронизывало все общественное устройство европейского мира. Как уже отмечалось, деление на «природу и человека», «общество и природу», «природу и культуру», «город и деревню», «мы и они» были привычными для производственной, научной, бытовой и других сфер человеческой жизнедеятельности. Во всех сферах обществознания велись бесконечные дебаты о том, как соединить человека и природу. По определению К. Маркса, «человек живет природой», и этого долгое время казалось вполне достаточно. Вся вторая половина XX в. прошла под знаком поисков производственных и политических технологий для их оптимального соединения. Дихотомия «человек–природа» продолжает господствовать в мышлении части западных инвайронменталистов [Catton and Dunlap, 1978].

Американский историк Д. Вайнер разделил теоретиков и практиков охраны природы на три категории: «пасторалистов», стремящихся минимизировать проникновение человека в природную среду, «экологистов», допускавших такое вмешательство на основе научных критериев, и «утилитаристов», действовавших по принципу «незачем ждать милостей от природы, взять их – наша задача» [Weiner, 1989, 1999]. Фактически весь XX в. прошел под лозунгом утилитаристов, считавших, что «рынок знает лучше». Даже страшные разрушения среды обитания миллионов людей в ходе Второй мировой войны, а также войны во Вьетнаме и на Ближнем Востоке, не изменили потребительского отношения людей к природе. Тем не менее процессы опустынивания и гибели масс людей от голода все чаще случались в Африке, как по причине природных аномалий, так и вследствие человеческого вмешательства в хрупкий баланс экосистем. Серия Докладов Римскому клубу о различных аспектах

«пределов роста» производства и народонаселения планеты произвели лишь кратковременный (медийный) эффект. Однако уже в 1970-х гг. было ясно, что природа необратимо трансформировалась человеком, и для преодоления этой тенденции нужны радикальные изменения в политике и науке [The Polity Reader, 1994: 266].

Третья НТР изменила сам подход ученых и политиков к рассматриваемой проблеме. Несомненно, главный сдвиг произошел под влиянием Чернобыльской катастрофы. Первым, кто теоретически осмыслил этот глобальный риск, был У. Бек [Бек, 2000, Beck, 1999]. Два критически важных сдвига произошли почти одновременно: было сформулировано понятие всеобщего, то есть всеохватывающего и всепроникающего риска; стало очевидным, что природа может предъявить человеку «счет», и уже никогда не будет отдельных природы и общества. Теперь есть социализированная и технически измененная природа, и человек, все более зависящий как от природных аномалий, так и от техногенных катастроф. Теоретическое осмысление этих интеграционных процессов дало мне основание выдвинуть вышеназванную концепцию о среде обитания как о СБТ-системе. Более того, можно говорить о появлении «химического человека» в результате насыщения его продуктов питания, лекарственных препаратов и все среды обитания продуктами и отходами химической индустрии. Подтверждение этой концепции приходят с самых разных сторон, начиная от агрохимии, пищевой промышленности и загрязнения мирового океана и космического пространства и до информационных и хакерских атак и современных «гибридных» войн. Потепление климата – лишь одно из наиболее явных проявлений природы современного капитализма, рассматривающего биосферу как бездонную помойку.

Таблица 4

Сдвиги в системе «человек-природа», 1960–1970-е / 2000-е гг.

Основные характеристики	1960–1970-е гг.	2000-е гг.
Ценностная основа	Человек vs природа (двоичное мышление)	Человек и природа как единая система (целостное мышление)
Движущая сила	Активность человека (одностороннее действие)	Человек и природа взаимно изменяют друг друга
Инструменты его модернизации	Экономия ресурсов + новые технологии	Экономия ресурсов + сокращение народонаселения
Направление развития СБТ-системы	Движение к экологичному и безопасному миру	СБТ-система в принципе рискогенна
Роль IT-технологий	Определяющая	Управление эволюцией человечества
Роль биосферы в сохранении социума	Определяющая	Подчиненная геополитике
Инструменты экологизации ГМ	Переговоры-без-результата (Киотский протокол)	Переговоры-без-результата (Парижский саммит)

Перемены в институциональной структуре социума

Сразу после окончания Второй мировой войны началась борьба между национальными и надгосударственными институтами. Тренд был очевиден: государство, оставаясь суверенным субъектом международного права, все больше зависело как от международных организаций и программ, так и от военно-политических блоков и временных альянсов регионального масштаба. Эти два принципа сосуществовали, хотя периодически внутри суверенных государств возникали коллективные субъекты, требовавшие политического самоопределения. *То есть эта двуединая институциональная структура была внутренне конфликтна*. В

ходе глобализации возникали и другие институциональные размежевания: зоны политического влияния или экономических интересов, «красные линии», «прибрежные воды» и т.д. Однако до поры до времени технологические инновации обслуживали эти размежевания. Основным инструментом для разрешения территориальных и транснациональных противоречий были переговоры. Со временем их технологии усложнялись (появлялись комитеты, подкомитеты, комиссии или ad hoc группы), но все же переговоры оставались основным инструментом преодоления институциональных противоречий. Более того, появились «дорожные карты» и «челночная дипломатия», то есть алгоритмы движения к достижению компромисса.

В чем специфика современной ситуации? Если кратко, то *в переходе от территориального принципа построения институциональных структур к сетевым их моделям*. Этот переход резко ускорился под воздействием информационно-коммуникационных систем, позволяющих быстро и относительно дешево перемещать все виды ресурсов и инструментов силового воздействия по земному шару. Международное разделение труда, финансовый капитал и появление все новых рынков сбыта были движителями процесса формирования сетевых структур. Но дело не в одной только экономике. Например, научно-техническая помощь развивающимся странам всегда шла «в пакете» с политическими условиями. На политической арене резко возросла роль ТНК, формировавших ЧВК и спецподразделения, перебрасываемые в любую точку мира. Как показал миграционный кризис в ЕС, территориальные барьеры становились все более проницаемыми. Сформировались принципы политики «управляемого хаоса» [Пригожин и Стенгерс, 1984]. Политику стали делать не только государства или их лидеры, но малые группы (интересов или хакерские) и даже конкретные политические фигуры.

Изменился и характер переговоров: в быстро меняющейся обстановке важен не сам акт принятия решения (оно не поспевало за ее изменениями), а факт вербального контакта между сторонами. Постоянное переключение сетевых структур, смещение акцентов в переговорном процессе, появление в нем новых участников, изменение их статуса и т.д. означало, что *переговоры приобретают сегодня символический характер*. Как показали события в Сирии, переговорная передышка дала возможность радикальным группам перегруппировать свои силы и начать новое наступление. Наконец, произошел перенос центра тяжести на региональные проблемы «Большого Кавказа», «Большого Черного моря», «Большой Европы» и др., причем границы этих зон интереса беспрерывно меняются.

Таблица 5

Перемены в институциональной структуре глобального социума, 1960–1970-е / 2000-е гг.

Основные характеристики	1960–1970-е гг.	2000-е гг.
Ценностная основа	Мир и безопасность – базовые ценности	Мир и безопасность – относительные ценности
Структурная основа	Территориальные институты	Мобильные сетевые институты
«Центры» глобального миропорядка	Базовые принципы нового мироустройства (Ялта, 1944)	«Текучая легитимация» (временный консенсус)
Роль IT-технологий	Объединяющая	Двойственная
Роль науки и образования	Растущая, но дисциплинарно разобщенная	Снижающаяся, но дисциплинарно сближающаяся. Множество международных консультативных площадок
Инструменты поддержания глобального ГМ	ООН, Совет безопасности, G-7, переговоры и соглашения	Перманентные переговоры

Отсюда, ползучая глобализация, сначала экономической сферы, потом культурной и т.д., что ведет к стиранию национальной специфики и утере культурной идентичности. Глобальные правила и нормы начинают довлеть над местными, понятие и смысл Малой Родины размывается. Но наблюдается и противоположная тенденция: к защите национального государства, сохранению и культивированию культурной специфики места или региона, к укреплению государственных границ.

Соотношение государства и гражданского общества

Первый период (1960–1970-е гг.) отмечен бурным развитием самых разных форм гражданской активности, их организаций и движений. На первый план вышли национально-освободительные движения. Возникли смешанные гражданско-государственные формы деятельности (типа Международного красного Креста). Особенно быстро развивались такие направления как охрана природы, исторических и культурных ценностей, благотворительность и гуманитарная помощь (например, движения «Врачи без границ» или «Босоногие врачи»). Международные организации (ЮНЕСКО, ЮНИСЕФ) всемерно способствовали развитию гражданского общества. Возник интерес к международным кросс-культурным исследованиям социальных движений и гражданских инициатив. Как правило, гражданские организации и движения возникали на почве конфликтов между населением и государством. Развивался научный аппарат исследования данной проблемы, возникли такие понятия как «структура политических возможностей», «протестный потенциал» и др. [Tarrow, 1995]. Как отмечалось, У. Гэмсон выявил четыре основных типа их взаимоотношений [Gamson, 1990]. У. Бек ввел понятие *субполитики* как формы социальной активности, постепенно вытесняющей формы парламентской демократии [Beck, 1992]. Возникла возможность выбора между работой в институтах государства, бизнеса и гражданского общества, стали формироваться профессионально-гражданские организации (экспертные, исследовательские и консалтинговые НКО). Некоторые ученые стали отказываться от профессиональной карьеры и переходить на поприще публичной политики [Yanitsky, 2005]. Возник феномен *непосредственной массовой коммуникации* с целями межличностного общения, межкультурного взаимодействия, совместного досуга, неформального образования и т.д. Это была дружественная коммуникация в атмосфере взаимного доверия и интереса.

Таблица 6

Динамика структур гражданского общества (ГО), 1960–1970-е / 2000-е гг.

Основные характеристики	1960-1970-е гг.	2000-е гг.
Целевая функция ГО	Развитие общения и низовой самоорганизации	Многоуровневая самоорганизация
Его ценностная основа	Освобождение и развитие человека	Ликвидация неравенства и несправедливости
Структурная основ	Территориальные институты	Мобильные сетевые институты
Методы реализации	Борьба за гражданские права, освободительные движения	Конструирование «цветных революций»
Роль IT-технологий	Незначительная и местная	Значительная и глобальная
Роль науки и образования	Просвещение и образование «сверху вниз»	Формирование общественно-научных исследований
Отношения со структурами власти	Борьба за гражданские права и свободы	Властные структуры используют ГО в своих интересах

В 2000-х гг. ситуация изменилась. ТНК и государственные структуры Запада стали использовать гражданские организации и социальные движения как инструмент изменения социального порядка в «непокорных странах». «Цветные революции» и международные НКО и фонды использовались в целях разрушения национальных государств или местных сообществ. Новые информационные технологии позволяли глубоко проникать в «тело» инокультурных обществ с целью их «надлежащей» трансформации изнутри и «мирным путем». СМИ использовались в тех же целях, началась «холодная» информационная война. Западные политики и ученые открыто признали, что социальные изменения в посткоммунистических странах можно «проектировать» и осуществлять извне при помощи гражданских организаций [Lauristin and Wichalemm, 1997].

Изменился и характер массовой коммуникации простых людей. С одной стороны, местным людям стал доступен весь мир, но это была поверхностная доступность, создававшая ошибочное представление о жизни в других частях планеты. Личностную и межгрупповую коммуникацию вытеснили массовые зрелища с организованными сообществами болельщиков и агрессивных фанатов. То есть доверительная коммуникация вытесняется противостоянием враждующих групп. Спортивные и другие массовые зрелища стали международным бизнесом и символом престижа.

Соотношение сфер труда, образования, услуг и отдыха

В 1960–1970-х гг. они были институционально обособлены и разведены во времени и пространстве. Каждая из них была легализована и кодифицирована, имела свою систему подготовки кадров, обслуживающий персонал и логистические структуры. Однако постепенно сферы услуг и отдыха тоже стали системообразующими, росла и территориальная мобильность населения. Наконец, старение населения и низкий уровень рождаемости, особенно в индустриально-развитых странах, потребовали притока молодых кадров, которых надо было одновременно переучивать и адаптировать к европейской модели жизни. Разделение на аборигенов и пришельцев не могло продолжаться бесконечно, и в какой-то момент количество перешло в качество. Молодежь из «третьего мира», после обучения в США, СССР или Европе, привозили домой иные привычки и стандарты поведения. Однако большие города мира продолжали выполнять функцию «плавильных котлов» культур.

Четвертая НТР резко меняет функциональный смысл каждой из сфер человеческой деятельности и пространственно-временные соотношения между ними. Трудовая сфера все более зависит от технологического переоснащения и возможности перманентного переобучения с помощью информационных технологий. Для работника интеллектуальной сферы система глобальных информационных связей стала средством и орудием труда. Различие между сферой труда и отдыха быстро стирается, особенно для фрилансеров. В больших и малых городах все больше людей, живущих случайными заработками или на пособие. Эти люди не обеспечены социальными гарантиями или они материально им недоступны.

Инструменты онлайн и офлайн коммуникации стали постоянным спутником жизни каждого. Межпоколенный разрыв между уровнями информационной подготовки каждым годом растет. «Кнопочные дети» не понимают своих образованных родителей, потому что живут в разных культурных эпохах и общаются на разных языках. Всеобщая дигитализация постепенно уничтожает сложившиеся веками словесные языки общения. Массовый приток мигрантов из Азии, Африки и стран Ближнего Востока в США и Европу быстро превратил их города в конгломераты миграционных анклавов и гетто, куда европейцу опасно заходить, и откуда исходит риски насилия и терроризма. Благодаря информационным технологиям большие города мира стали

космополитическими, но одновременно сообществами взаимно отчужденных людей. Западные исследователи вновь заговорили о кризисе больших городов [Fujigita, 2013].

Таблица 7

Соотношение сфер труда, образования, услуг и отдыха, 1960–1970-е / 2000-е гг.

Основные характеристики	1960–1970-е гг.	2000-е гг.
Ценностная основа	Труд на благо общества как моральная норма	Достижение личного успеха и/или известности
Структурная основа	Пространственное разобщение	Взаимопроникновение и сетевая интеграция
Связь между названными сферами	Невысокая и средняя	Всеобщая (трактуется как социальная норма)
Роль новых технологий	Служебная	Всеобщая и престижная сфера
Образование	Конечный капитал»	Постоянно пополняемый капитал
Кодификация сфер жизни	Умеренная	Всеобщая и развивающаяся
Городская среда	Средство социализации	«Транзитная зона»

Развитие информационно-коммуникационной сферы

Как уже отмечалось, среда обитания человека «удвоилась», теперь он живет и действует в двух сферах: онлайн и офлайн. Всякая информационная среда обитания управляется мощными транснациональными, государственными и частными группами интереса посредством двух инструментов: переключения каналов и ре-программирования. Информационная сфера является сегодня полем острой идеологической борьбы со вполне осязаемыми материальными, политическими и репутационными результатами: введение санкций, затруднение обмена идеями, товарами и услугами, формирование военно-политических альянсов, снижение доверия между агентами глобального общения и т.д. Новые информационные технологии дали мощный импульс для развития информационного досуга. Однако одновременно возникли массовые информационные заболевания (игромания, «диванные войны»). Эти технологии стали средством демобилизации людей, их превращения в «информационных эмигрантов». «Дигитализация» общения втесняет и разрушает национальные языки, являющиеся главными хранителями национальной идентичности. Этот язык используется западными медийными агентами для перестройки мышления пользователей в «третьих» странах. Текстовая культура вытесняется зрительно-звуковой. Человек приучается мыслить не логически и критически, а образами и картинками. Наконец, если раньше в мире было больше просветителей, то сегодня – больше аналитиков и комментаторов. Дискурсивные социальные практики развиваются, но судьбоносные для мира решения принимаются в «высших сферах».

Таблица 8

Развитие информационно-коммуникационной сферы (преимущественно), 1960–1970-е / 2000-е гг.

Основные характеристики	1960–1970-е гг.	2000-е гг.
Целевая функция	Обслуживание других сфер и пропаганда	Ведущая сфера общественного производства
Ценностная основа	«Вечные» ценности и смыслы	«Ситуативные» ценности и смыслы
Структурная основа	Печать, ТВ и радиовещание	Глобальные инфо-сети
Локализация	Локально-глобальная	Глобальная
Дигитализация языка общения	Служебная, ограниченная техносферой	Всеобщая (разрушительная для национальных культур)
Влияние на властные структуры	Инструмент их укрепления и легитимации	Инструмент для управления другими

Личность в условиях смены технологических революций

В 1960–1980-х гг. западные теоретики придавали огромное значение развитию личности. Возникли понятия индивидуального социального капитала, а также «individual life project» and «life story», отражавшие значимость личностного начала в динамике общества. В фокусе внимания социологов находилось гражданское общество и, прежде всего, формы непосредственного участия граждан в жизни общества и государства. Возникло важное понятие «гражданина–эксперта», способного участвовать непосредственно в принятии решений [Fisher, 2003]. Однако понятие приватности как основы западной демократии и «кокона основополагающего доверия» как его структурной основы оставалось незыблемым [Friedwald, 2013]. Мои собственные исследования ранее и позже подтвердили эту точку зрения [Yanitsky, 1988, 2012].

Сегодня произошел кардинальный сдвиг по линии от *Homo Faber к Homo ludens и затем к Homo* Mobilis. Необходимость быть включенным в «большой мир» означала бытие не столько в индивидуальной ячейке, сколько в глобальных сетях. Современные технологии навязывают индивиду эту включенность даже тогда, тогда он имеет физическую возможность изолироваться от него. Многие уже не способны изолироваться от нее психологически: *постоянная включенность в сети и игры становятся их образом жизни*. Такая включенность в виртуальный мир чревата утерей критического отношения к происходящему в мире и личной идентичности. Возможность купить индивидуальные базы данных на рынке, угроза хакерских атак плюс сеть камер наблюдения означают, что последние «рубежи приватности» уже пали. Наконец, что беспокоит более всего, так это невозможность отличить порядочного человека от грабителя или террориста-одиночки. Глобальный информационный поток (он же рынок) скрывает привычные для нас различия между добром и злом, благими намерениями и преступным умыслом и т.д. Основываясь на анализе этих перемен, З. Бауман и Дж. Урри выдвинули и обосновали концепцию «космополитического индивида» [Bauman, 2010; Urry, 2008].

Таблица 9

Личность в условиях смены технологических революций, 1960–1970-е / 2000-е гг.

Основные характеристики	1960–1970-е гг.	2000-е гг.
Целевая функция	Развитие личности	Рост потребления
Ценностная основа	Личность – основной капитал общества (homo faber)	Индивид потребляющий и играющий (homo ludens)
Структурная основа	Долгосрочный жизненный проект с «дорожной картой»	Жизненный план как функция динамики социальных сетей
Средства самореализации	Множество по выбору	Прежде всего – через социальные сети
Локализация	Локально-глобальная	Глобально-локальная
Роль IT-технологий	Служебная	Всеохватывающая
Баланс включения – обособления в мир	Саморегулируемый	Навязываемый масс-медиа
Дигитализация языка	Ограниченная техносферой	Всеохватывающая
Характер общения	Преимущественно мобилизующий	Де-мобилизующий (внутренняя эмиграция, «играизация»)
Образ жизни	Локально-глобальный	Космополитический

Вызовы для института обществознания

Сегодня приходится переосмысливать само понятие «развитие», потому что информационные технологии уже оказывают влияние на все стороны жизни, вызывая ускорение одних и замедляя и разрушая другие. Переход к Четвертой НТР породил новые противоречия и конфликты во всех обществах, что требует изучения способов их разрешения или смягчения. Разрыв между «богатым» Севером и «бедным» Югом не сокращается. Доступ наиболее обеспеченных слоев населения к новейшим технологиям еще более отдалит первых от всех остальных, численность париев Четвертой НТР уже растет [Bauman, 2004]. Нетронутые островки природы будут доступны только самым богатым. Глобальный характер идущих перемен заставит науку пристально изучать процесс глобализации во всех его измерениях, обращая особое внимание на *обратное воздействие* этой НТР на человека и СБТ-системы. В свою очередь, этот разнокачественный предмет изучения с нелинейной динамикой потребует нового уровня интеграции наук. Однако большинство западных концепций глобального миропорядка европоцентричны, принцип унитаризма и линейности развития мировой истории преобладает [Шкаратан, 2004: 17].

Гуманитариям придется наладить постоянный контакт с естественными и техническими науками и научиться переводу их достижений на язык обществознания и политических решений, и – наоборот. Происходящие глобальные *метаболические процессы*, включая производимые ими риски, должны стать объектом постоянного изучения «концерта» всех наук. Проблемно-ориентированный и междисциплинарный подходы должны превратиться в повседневную практику, в чем общественные науки далеко отстали от естественных и технических наук. Полезно переосмыслить опыт работы *НКО*, которые уже много лет практикуют названные подходы в силу их непосредственной включенности в жизнь гражданского общества. Эти подходы должны получить институциональный статус и соответствующее ресурсное обеспечение. Поворот от проектной практики к режиму мониторинга глобальной динамики должен стать одним из важнейших институциональных сдвигов.

Таблица 10

Вызовы для института обществознания, 1960–1970-е / 2000-е гг.

Основные характеристики	1960–1970-е гг.	2000-е гг.
Целевая функция	Познание структуры глобального мира	Переосмысление самого понятия «глобальности»
Ценностная основа	Мир и благосостояние	Наука как часть рыночной экономики
Предмет исследования	Отдельные институты и сферы общества	Нелинейная динамика «гибридных» систем
Структурная основа производства знаний	Дисциплинарное размежевание	Междисциплинарные мега-коллективы
Взаимодействие наук	Спорадическое	Тотальное и непрерывное
Ориентир этого взаимодействия	Настоящее: обеспечение наличной безопасности	Будущее: глобальное самосохранение
Воздействие новых технологий на культуру	Частичное и служебное	Тотальная дигитализация как смена культурной парадигмы

Поскольку гибридная война идет непрерывно, все отрасли обществознания *должны работать на опережение*, потому что сегодня все элементы СБТ-систем могут быть использованы как в мирных, так и в военных целях. Четвертая НТР породила поток специфической англоязычной терминологии, который пользователь вынужден непрерывно осваивать. Поэтому перед общественными науками РФ снова возникает задача защиты русского языка. Существующая дивергенция в приоритетах предмета изучения (физики и биологи все более погружаются в изучение микромира, тогда как обществоведов более интересуют макро-тренды) должна быть преодолена. *Познание макро-, мезо- и микропроцессов одинаково важно.* Хотя «гибридная война» уже стала глобальной, ее изучение обществоведами практически не начиналось. Именно «гибридная война» как виртуальная реальность должна стать одним из приоритетных исследовательских направлений, реализуемых комплексом всех социальных наук.

Выводы

Четвертая НТР трансформирует все сферы общества. Мир становится все более взамозависимым и проницаемым. «Конструктором» этих перемен остается капиталистический способ производства с его целями экономического и геополитического господства. Ориентация на пост-материальные ценности все более вытесняется потребительской ориентацией. Идет технологическая и силовая универсализация специфики национальных и местных культур. Идеология «пределов роста», то есть пределов вмешательства в природные экосистемы, сменилась идеологией их все более эффективной и экономной эксплуатацией.

Структурной основой взаимозависимости частей глобальной СБТ-системы являются информационно-коммуникационные сети, финансовые и ресурсные потоки, миграционные процессы и международные конфликты. Конкуренция между международными институтами, национальными государствами и ТНК нарастает. Гражданское общество и его сети, столь интенсивно развивавшиеся в предыдущий период, все более подчиняются государственным и корпоративным интересам. После разрушения биполярного мира глобальный миропорядок становится все более нестабильным и плохо предсказуемым. Динамика международных и национальных политических институтов критически отстает от перемен, стимулируемых Четвертой НТР. *Идет переход от их территориальной организации к поточно-сетевой структуре*. Большие города все менее играют роль «плавильных котлов» культур,

превращаясь в международные центры финансовой и культурной деятельности для одних и в «транзитные зоны» для других.

Надежда на «устойчивость» глобального миропорядка вытесняется его всеобщей нестабильностью и непредсказуемостью. Эти процессы обусловлены борьбой за ресурсы, которая ведет к периодическому разрушению национальных и локальных порядков выбросу гигантских масс энергии распада. Соответственно, меняется сам предмет научного анализа: от изучения «линейной» динамики одномерного социума ученые должны переходить к анализу нелинейной и непредсказуемой динамики глобальной СБТ-системы.

Информационно-коммуникационная сфера стала основой всей общественной жизни, а ее бытие раздвоилось на онлайн и офлайн среды. Роль масс-медиа как инструмента социального управления массами резко возросла, возник «замкнутый круг»: массовые опросы воспроизводят клише, ранее уже произведенные медиа. Дело идет к полной дигитализации человеческого общения, формирующего «коллажное» восприятие действительности. Национальные культуры превращаются в «этнографические артефакты» прошлого. Прошлое разграничение между сферами труда, образования и досуга стирается. Трудовая деятельность снова превращается в «заработок», носители трудового потенциала мигрируют по всему миру, а обучение становится перманентным. Всеобщая дигитализация уничтожает слово как основного носителя информации. Происходит архетипический сдвиг от *Homo Faber* к *Homo Mobilis*. Первичная ячейка общества (семья, соседи, ближний круг) замещается включенностью индивида в социальные сети. Фундаментальная основа западной демократии – приватность личной жизни – разрушается. Индивид теряет способность к различению «своих» и «чужих», что порождает страх перед хакерскими атаками и террористами-одиночками.

Все это вносит существенные изменения в структурно-функциональную организацию института науки. «Европоцентризм» современного обществознания более не соответствует качественному разнообразию обществ и культур мира, равно как и нелинейному характеру глобальной СБТ-динамики. Предметный подход вытесняется проблемно-ориентированным и междисциплинарным анализом, которые, наконец-то, должны получить институциональный статус. Исследования посредством «конечных» проектов должны быть заменены анализом в режиме мониторинга. «Гибридные» феномены становятся первоочередной исследовательской задачей.

Глава 7. Четвертая научно-техническая революция и глубинные изменения процессов глобализации

Четвертая промышленная революция – это очередное изменение способа общественного производства. Естественно, это изменение происходит не сразу во всем мире, оно имеет «очаговый» или даже «точечный» характер. Драйверы этого изменения различны, но главными все же являются развитие потребностей самого способа производства, наука и связанные с ней технологические новации и перемены в самом образе жизни человека. То есть речь идет о вызовах, идущих одновременно от глобальной динамики и развития человеческих потребностей.

Я предлагаю различать «поверхностные» (сиюминутные) и глубинные изменения в ходе глобализации. Первые касаются результатов социальных и научно-технологических инноваций, тогда как вторые представляют собой качественную перестройку всей структурно-функциональной организации и динамики процесса глобализации. Конечно, это деление относительно, но оно помогает различать ситуативные и сущностные стороны этого процесса. Другой важный момент состоит в том, что «поверхностные» перемены, обретая институциональное закрепление, могут

со временем превращаться в глубинные изменения. Диалектику всемирно-исторического процесса никто не отменял, однако она тоже может претерпевать качественные изменения.

Итак, что происходит сегодня в мире? Отдельные агенты глобального социума, находясь на разных стадиях глобализации и модернизации, так или иначе, включены в глобальное киберпространство, возникшее в результате Четвертой промышленной революции (НТР–4). Это пространство одновременно является новой стадией промышленного производства, социального воспроизводства и средой обитания социальных агентов, населяющих планету. Другой стороной этого интеграционного процесса, как я уже неоднократно отмечал, является превращение планеты Земля в суперсложную социобиотехническую систему, обладающую собственными законами развития. Поэтому представлялось необходимым рассмотреть и оценить текущие и ожидаемые изменения в структуре и процессах глобализации-модернизации под влиянием НТР–4. Сделана попытка выявить ее ключевых драйверов и игроков, и еще раз проанализировать проблему соотношения сетевой и территориальной организации социума в новых условиях, выявить новые критические состояния его агентов и их сообществ, возникающие в результате названных перемен. Представлялось также необходимым исследовать функции бюрократических структур в новой глобальной ситуации и некоторые новые формы глобальных угроз и рисков и посмотреть на новый уровень отставания структуры и функций существующих социальных институтов от характера и темпо-ритмов происходящих перемен. Глава заканчивается кратким перечнем задач, стоящих перед комплексом социальных наук, изучающих эту новую интегрированную (или напротив, дезинтегрированную?) социально-технологическую реальность. Здесь самым важным, по моему мнению, является вопрос о соотношении процессов интеграции—дезинтеграции и их совокупное воздействие на характер структуры и динамики глобальной СБТ-системы.

Краткий экскурс в историю вопроса

Но сначала – несколько предварительных замечаний. Теоретики-обществоведы – такие же «конструкторы» теоретико-методологического знания, как и любые другие участники процессов социального производства и воспроизводства. Они оперируют доступными фактами в конкретном пространстве-времени и связаны многими другими ограничениями, методическими, временны*ы*ми, идейно-политическими и т.д. Поэтому при сравнительных социально-исторических исследованиях всегда нужно помнить о конкретно-исторической ограниченности тех знаний своих предшественников, которыми хочет воспользоваться современный социолог. Далее, теоретики модерна и постмодерна неоднозначны в своих концепциях и моделях исторических феноменов, поскольку сама действительность, которую они осмысливали, была неоднородной, противоречивой и часто скрытой от глаз исследователя. Существенную роль в этом разнообразии подходов и трактовок сыграло множество факторов: образование этих теоретиков, их предыдущий род занятий и даже семейные традиции. Я испытал это на себе, поскольку в течение 15 лет был социологом-урбанистом. А когда столкнулся с проблемами урбанизации деревни, да еще в «третьем мире», не только мои аналитические инструменты, но и сам взгляд на жизнь, претерпели весьма существенные изменения.

Проблема усложняется тем обстоятельством, что в условиях существующих дисциплинарных размежеваний всякое теоретизирование требует «чистоты жанра». И, к сожалению, еще и упрощения и даже сознательного умолчания о существенных моментах выдвигаемой конкретным автором концепции в угоду легкости ее восприятия и ее продвижения в число других теоретических конструкций. На «теоретическом поле» всегда тесно, и пробиться туда, чтобы тебя услышали, нелегко. Собственно

говоря, сам принцип парадигмальной презентации некоторой концепции есть неизбежное упрощение, поскольку часть противоречивых и не осмысленных фактов всегда остаются «за кадром». Поэтому в угоду принципу разбивки социально-исторического процесса на ряд сменяющихся парадигм некоторые факты «вычищаются», а сама концепция изучаемого процесса «выпрямляется».

Подобное «выпрямление», поиск «главного звена» или генеральной тенденции есть *ловушка*, в которую социальные теоретики сами себя загоняют. Поиск чистоты жанра оборачивается «физикализацией» социальных процессов и даже их вполне механической трактовкой в стиле ньютоновской механики: вот есть некоторое «падающее тело» в некотором «свободном» пространстве. А то, что это пространство есть тоже агент социального процесса, еще более сложный, чем «падающее тело», во внимание не принимается. Или учитывается, но только как некоторая «инертная» среда обитания. Как я уже неоднократно отмечал, это искусственное разделение на активного агента социального действия и пассивную среду его обитания прочно и надолго укоренилось в современной социологии и других общественных науках в дихотомических разделениях типа «человек–природа», «город–деревня», на «мы–они», «свои–чужие» и т.д. Часть современных социологов до сих пор конструирует свои концепции по принципу «или–или», а не по принципу «и–и». Тем самым, отвергая фундаментальный постулат социальной философии относительно единства и борьбы противоположностей. Видимо неслучайно, что выдающиеся такие социологи современности, как У. Бек, Э. Гидденс и Д. Урри практически никогда предварительно не излагали эпистемологии своих концепций модерна и постмодерна.

Теперь обозначу «пунктиром» основные вехи истории вопроса в советской и российской социологии. Полвека назад под влиянием развития кибернетики и новых технологий проблема их социальных последствий была одной из приоритетных в советской социологии [см., например, Ахиезер, Коган, Яницкий, 1969; Яницкий, 1972]. Этот интерес продолжался примерно десять лет. Последующие 20 лет в связи с распадом СССР основное внимание исследователей было приковано к его социальным и политическим последствиям и осмыслению формирования в РФ капиталистического общества. Хотя работы, посвященные унифицирующему характеру современной глобализации время от времени появлялись [Гаджиев, 1993, Покровский, 1995]. Векторы развития англо-саксонского мира и РФ были в этот период разнонаправленными. Если в первом формировались научные и инженерные основы новой технологической революции, то в РФ шел сложный процесс адаптации к капиталистическому способу производства, точнее, к первой фазе капиталистического накопления.

Однако в первом десятилетии XXI в. интерес западных и российских социологов и политологов к глобальной проблематике возобновился. В англо-саксонской социологии делался акцент на ее универсализирующих и унифицирующих трендах, на растущей индивидуализации западного общества и происходящих изменениях в институтах труда, образования, переподготовки медицинского обслуживания и т.д. [Бауман 2002, 2004, 2008]. Однако торжество либеральной модели универсального мира оказалось исторически кратковременным. Дискуссия по поводу благ и бедствий, порождаемых глобализацией, и новых цивилизационных размежеваний лишь обострилась [Иноземцев, 2010; Железняков, 2008]. Сегодня социальное пространство жизни любого социального агента все менее совпадает с его территориальной локализацией [Корнеев и др., 2008]. Возникают совершенно новые проблемы, например, превращение ребенка из объекта классно-урочного воспитания и образования в социального агента, с ранних лет включенного в социальные сети [Bühler-Neiderberger, 2010].

Глобализация трактовалась как «объективный процесс, в ходе которого складываются общие для всех стан и народов основы нового этапа эволюции человеческой цивилизации» [Горшков, 2008: 4]. В частности, делается вывод, что «главный вызов глобализации перед Россией – идеологический» [Оганисьян, 2008: 194]. Интернационализация социологии неизбежна, но она не сводима к унификации национальных школ и точек зрения [Здравомыслов, 2008]. Другие выводы были не менее существенны. Хотя глобализация, сопровождаемая развитием ее социально-функциональной основой всеохватывающих информационных сетей, продолжалась, социально-экономическое расслоение общества не снижалось, угроза терроризма и ядерной войны возрастала, дегуманизация общества и личности продолжалась. Так что глобализация автоматически не устраняет социальные противоречия и неравенства. Напротив, она их обостряет; актуализируется проблема «глобального насилия» [Степанова, 2010; Системный мониторинг глобальных и региональных рисков, 2012; Покровский, 2005]. Проблема глобальной и национальной безопасности вышли сегодня на первый план [Михайленок, 2008].

Хотя большинство российских исследователей признает, что глобализация, по большей части, является продуктом научно-технического развития, проблема ее прямой связи с технологическими новшествами постепенно отходит на второй план. Проблемы критических состояний городов и сообществ, возникших как результат интенсивного использования новых информационных технологий, трансформации среды обитания человечества в сверхсложную социобиотехническую систему еще только обозначены, но не разработаны. Используя марксистскую терминологию, можно утверждать, что мир стоит на пороге не просто технологической революции, как полагает К. Шваб [Шваб, 2017], но на рубеже формирования нового способа производства, включая кардинальные изменения в поведении социальных агентов любого ранга и их среды обитания. Сегодня вопросы информационной безопасности становятся ключевым моментом государственной политики. Особо отмечу принципиальную постановку вопроса российскими военными теоретиками: нужна *«мобилизация умов»* на основе сотрудничества Министерства иностранных дел и Академии наук РФ [Гареев, 2017].

Технологические инновации и социальные изменения

В реальной жизни процессы взаимодействия разных отраслей знания и практики нарастают. Однако, несмотря на постоянно звучащие призывы к более тесному взаимодействию социальных, естественных и технических наук, внутри самого института науки этого не происходит. И тому, на мой взгляд, есть несколько фундаментальных причин. Во-первых, существующие сегодня институциональные структуры науки и образования и их инструментарий гораздо более консервативны, чем постоянно возникающие технологические (в самом широком смысле слова) инновации в различных областях знания, обучения и практики. Плюс сама практика порождает новые вызовы. Вот моя гипотеза причин этого отставания, переходящего в разрыв: внутренняя сетевая структура отдельных социальных институтов гораздо более интегрирована, нежели ad hoc возникающие сетевые структуры и процессы под воздействием экономических, политических и социальных факторов конкурентной борьбы.

Во-вторых, существующие социальные институты гораздо *более консервативны по своей природе,* поскольку они создавались в эпоху еще относительно стабильного глобального социума, для функционирования которого требовались общепринятые правила и нормы (некоторые «реперные точки» и референтные узлы), действовавшие в течение десятилетий и даже столетий. Как отмечалось выше, примером тому может служить существующая система международного права. Однако именно вследствие ее

консервативности реальные процессы обмена инновациями и достижения договоренностей все чаще происходят в рамках международных политических и экономических форумов. Сегодня темпо-ритмы технологических и социальных перемен настолько высоки, что подобные «реперные точки» становятся препятствием на пути социальных и технологических перемен. Отмечалось, что в блестящей работе Дж. Урри [Urry, 2008] о всеобщей мобильности в современную эпоху не нашлось места углубленному анализу институциональных трансформаций.

В-третьих, современная социологическая теория недостаточно подготовлена к анализу природных или техногенных катастроф, войн и непрерывно возникающих больших и малых критических ситуаций. То есть к социологическому анализу «бумеранг–эффектов», о которых еще более 25 лет назад писал У. Бек [Beck, 1992]. Речь, прежде всего, идет о непредвиденных или неожиданных отрицательных эффектах технологических и социальных трансформаций. Или же, социологическая теория и социальная практика просто их игнорирует, полагая, что для их разрешения существуют армия, министерства и ведомства для ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, секретные службы и т.д. Принцип «закопать, чтобы не было видно», все еще очень силен в современной экономической и политической жизни, потому что он экономит время и ресурсы сегодня и сейчас. В-четвертых, это нежелание социологии анализировать критические ситуации – объективный феномен, вызванный ускоряющимся темпом технологических и изменений, и порожденных ими социальных трансформаций, на которые общество в целом или его отдельные агенты вынуждены реагировать немедленно, или они потерпят поражение в конкурентной борьбе. Для чего быстро изобретаются и вводятся в практику временные договоренности и соглашения. Поэтому геополитический принцип «сейчас или никогда» приобретает поистине судьбоносное значение.

В-пятых, не менее важно, что сегодня *бюрократия* (управленческие структуры самого разного уровня и назначения) *является одной из сфер общественного производства*, приносящей ее членам все больший доход. Агенты бюрократических структур зарабатывают социальный престиж и положение в обществе посредством производства все новых законов, должностных инструкций, временных правил и т.д. Не говоря уже о том, бюрократическая система является во всем мире одной из наиболее коррумпированных сфер общественного производства, обладающая развитым инструментарием делания прибыли «из воздуха», посредством откатов, взяток, завышения стоимости производимых работ и услуг, «корпоративных тендеров» и т.д.

В-шестых, получается, что стабильные некогда социальные институты постепенно вытесняются *«технологиями быстрого реагирования»* на столь же быстрые глобальные изменения. Как эти изменения отразятся (или уже отражаются) на структурно-функциональной организации общества и, соответственно, на социологической теории как таковой? Подчеркну еще раз, что существующая сегодня классно-урочная система образовательного процесса в средней школе не соответствует ни характеру, ни темпу обозначенных выше перемен. К. Шваб отмечает консерватизм системы университетского образования: «сегодня университеты, руководствуясь карьерными соображениями и условиями финансирования, предпочитают поэтапные консервативные исследования смелым инновационным программам» [Шваб, 2017: 35].

В-седьмых, города являются узлами (и противоречиями) социальной активности, поэтому любой градостроительный процесс, начиная с проекта и кончая его практической реализацией, есть комплексный междисциплинарный процесс высокой сложности. Принципиальным моментом здесь является то обстоятельство, что «градостроительная скорлупа» (здания, дороги, инфраструктурные и информационные сети) остаются неизменными, тогда как их социальное назначение может быстро меняться. Тем не менее его лидером и драйвером практической реализации является

«девелопер», то есть лицо преследующее, прежде всего, своекорыстные интересы. Поэтому девелопер мало озабочен сохранением или реабилитацией прежней среды обитания, что породило в Европе с середины 1980-х гг. массовый феномен общественного участия как реакцию на этот своекорыстный интерес [Cities of Europe…, 1991].

Наконец, быстрое развитие относительно обособленного «информационного сообщества» и деградация массы отверженных, бедных, необразованных и увечных может привести к резкой архаизации социума. Как в древности нельзя было приучить рабов к любым формам интеллектуального труда, так и сегодня разрыв между «включенными» в информационное общество и полностью «исключенными» из него может приобрести цивилизационный, то есть непреодолимый характер.

Драйверы глобализации и их риски

К. Шваб утверждает, «Что все новые достижения имеют одну общую особенность: они эффективно используют *всепроникающую силу* цифровых и информационных технологий. Все инновации… обеспечиваются и совершенствуются за счет *вычислительной мощности*». Далее этот автор утверждает, что для выявления мега-трендов и раскрытия широкого спектра технологических драйверов Четвертой промышленной революции наиболее важны три связанных и взаимно использующих взаимные преимущества блока: физический, цифровой и биологический [Шваб, 2017: 27] (подчеркнуто мною – *О.Я.*).

Во-первых, глобализация не просто всепроникающий процесс. Это процесс, ведомый цифровыми и информационными технологиями, есть также *унифицирующий процесс*, в котором медленно, но неуклонно нивелируются цивилизационные и культурные различия. Разве современный Китай сопоставим с эпохой Дэн Сяопина и, тем более, с эпохой Мао? Как показал наш великий китаист Л. Васильев, в Китае цивилизации менялись исторически много раз. Однако в последнее десятилетие Китай все более движется в русле англо-саксонской цивилизации, хотя и сохраняя при этом черты, как коммунистического режима, так и своих более древних цивилизаций.

Во-вторых, глобализация есть всеохватывающий процесс, он развивается во всех средах: водной, наземной, воздушной, космической и виртуальной. Последнюю среду все чаще именуют киберпространством, потому что именно оно есть не только всепроникающее, но и всеохватывающее пространство. Замечу, что жизнедеятельность человека и его институций в нем намного сложнее, чем в материальном пространстве. Во всяком случае, к жизни в нем надо специально обучать, особенно в период перехода от частичной виртуализации к ее тотальной форме.

В-третьих, как показали У. Бек, Э. Гидденс и Дж. Урри, процесс современной глобализации потенциально рискогенен именно потому, что она насильственно унифицирует национальную и культурную специфику независимо от желания людей или местных сообществ. И это, по сути, *иная форма социального и культурного насилия*. Речь идет не столько о физическом принуждении или уничтожении, сколько об отключении людей и целых сообществ от благ кибернетической цивилизации.

В-четвертых, глобализация порождает не просто «где-то там риски», а риски *всепроникающие* и *всеохватывающие,* от которых никто и нигде не застрахован! То есть об абсолютных укрытиях или абсолютной безопасности речь уже не идет потому что, *вся наша планета пронизана сетями* – информационными, ресурсными, логистическими и, конечно, криминальными. А также – потоками людей (рабочей силы, беженцами вынужденными переселенцами), вещества и энергии и т.д. Как я уже отмечал, мои российские и зарубежные коллеги, редко склонные к анализу данных других наук, проглядели исследование экономистов мирового класса под эгидой Глобального экономического форума в 2008-2017 гг. В нем эмпирически было

показано, насколько наш мир не только опутан этими сетями, но что они – его кровеносные сосуды. Можно сказать, что в этом тезисе нет ничего нового, так как во все времена человек и природа подвергались опасностям. Проблема здесь в скорости и незаметности информационного воздействия при его очевидной внезапности, а также в том, что на «пересечении» этих сетей возникают социальные конфликты и локальные войны.

В-пятых, человечество издревле училось предсказывать и купировать риски. Однако сегодня риск – это не только угроза аварии или катастрофы, о чем написано множество работ [см., например, Dynamics of Disaster, 2010]. Современные риски это *производство гигантских масс энергии распада* в самой разной форме, производство, которое способно также хаотизировать жизнь отдельных стран и целых континентов. Разве в конце 1980-х гг. М.С. Горбачев с его идеей «общеевропейского Дома» мог предположить, что этот «Дом» сегодня будет подвергнут риску распада? Во всяком случае, структурные и функциональные перемены в нем уже начались. А на горизонте уже маячат новые войны на Балканах, на Корейском полуострове, в Юго-Восточной Азии, в Африке и т.д. К сожалению, хаотизация в любом этнически конфликтном регионе выгодна транснациональным корпорациям.

В-шестых, возникает вопрос: кто же в этом глобальном киберпространстве активный субъект, актор? Только ли США, НАТО или транснациональные корпорации, крупнейшие мировые экономические акторы и военно-политические объединения? Оказывается, далеко не только! Как показало специальное исследование проблемы «приватности» в ЕС, ее практически больше не существует: в любой момент она может быть взломана индивидуальными или коллективными хакерами. Просто такой взлом – это еще одна форма всепроникающего риска. Как отмечалось выше, террористические атаки во Франции, Бельгии и Германии свидетельствуют, что возник (в массовом масштабе) *феномен «силы слабости»*, когда террорист-одиночка может нанести сокрушительный удар, сравнимый по масштабам с Чернобылем или Фукусимой–1.

В-седьмых, социологам придется как-то соотносить свои надежды на преодоление несправедливости и неравенства с возвращением на политическую сцену *грубой социальной силы*, называемой «людским потоком», что и происходило два последних года в ЕС. А ведь и этот феномен был предсказан более 30-ти лет назад российскими социологами Г.Г. Дилигенским и Б.А. Грушиным. Как отмечал Дилигенский, «центральная и наиболее трудная проблема изучения массовых движений – проблема преобразования потребностей и интересов в непосредственный стимул действия. Можно утверждать, что это преобразование представляет собой особый ряд социально-психологических процессов, относительно автономный от объективного содержания потребностей и интересов и даже от реальности их «переживания» массовым субъектом» [Дилигенский, 1987: 22]. *Так что грубая социальная сила – это забытая нашими либералами форма социального движения*. Время массовых социальных движений возвращается, они – повсюду в Африке, на Ближнем Востоке, в Европе и далее по списку. Их развитие всегда проходит две фазы: мобилизации и институционализации.

В-восьмых, как справедливо заметил З. Бауман, глобализация разделила мир на супермобильных богатых и иммобильных бедных, вынужденных всю жизнь быть привязанными к одному месту [Bauman, 2001, 2004]. И это, отнюдь, не цивилизационное размежевание, а разделение, созданное крупным капиталом и выгодное ему. Да, более полувека назад Г. Мюрдаль ввел понятие «культуры бедности». Но это – не цивилизационный признак, а образ жизни париев общества и способ их выживания.

В-девятых, в каком же «новом бравом мире» мы теперь живем? Как уже неоднократно отмечалось, привычное для социологов и других гуманитариев

разделение на *природу* и *общество* более не отвечает процессам пространственно-временного сжатия и интеграции всех происходящих на Земле процессов. *Мы теперь живем в социобиотехносфере*, законы функционирования которой еще не изучены. Но каким образом в СБТ-системе скреплены или взаимодействуют природные, социальные и технические сущности? – Посредством метаболических процессов, когда эти качественно разные сущности не только «взаимодействуют», но и изменяют друг друга.

В-десятых, в мире *ширятся зоны критических состояний*. Если речь идет о многонациональном городе (Алеппо, Мосул), то сжатие в нем столь велико, что все этнокультурные различия стираются: одни только выживают, другие – наживаются, третьи – воюют. Да, возможны, временные соглашения, но это именно *негативные риск-солидарности***.** Но и эти узлы борьбы ТНК и местных интересов социологами пока тоже не изучены. Если посмотреть шире, то речь идет именно о *«правом повороте»,* а не о *цивилизационном размежевании*. Вообще, и политики, и социологи забыли о фундаментальном ценностном принципе глобальных игроков – верх всегда берут меркантильный интерес и грубая сила. Так что надежды на победу «протестантской этики» (М. Вебер) можно забыть. Международный капитал, как сто и двести лет назад, озабочен только прибылью, а различие между интересами ТНК и национальных капиталов имеют преходящий характер. Поэтому любые «цветные революции» – это лишь инструмент достижения экономических и геополитических целей глобальными игроками, которым вообще не нужны никакие стабильные территориальные образования. Этим игрокам нужны мобильные силовые группы (частные армии, спецназ), которые можно быстро перебросить в любую точку мира.

Киберпространство как благо и как источник всеобщего риска

Терминология относительно этой новой сферы общественного бытия еще не устоялась. Поэтому здесь и ниже я буду использовать термин киберпространство, хотя в социологии и других науках употребляются такие обозначения объекта нашего теоретического интереса, как виртуальная (облачная) среда, цифровое, информационное или социально-информационное пространство, тотальная (всеохватывающая) система коммуникаций и многие другие. Такой разнобой вполне естественен, так как значение социально-информационных процессов осознавалось как техническими, так и естественными и социальными науками. Более того, перекрестное заимствование терминов и понятий, обогащало самые разные области науки и практики, одновременно способствуя их более тесному взаимодействию. Как справедливо заметил когда-то Нобелевский лауреат, акад. П.Л. Капица, в развитии теории иногда экспериментатор важнее, чем сам теоретик, поскольку экспериментатор, способен «соединять несоединимое». Позже сходную мысль высказывал и У. Бек. Поэтому, с моей точки зрения, практика сегодня – не только критерий истины, но и важнейший инструмент познания. В частности, потому, что она показывает исследователю механизмы взаимодействия (и возможного соединения) разных потоков и сущностей.

Киберпространство – это новая среда обитания человека и общества. Его сущность в том, что любой социальный агент потенциально в него включен, часто независимо от его воли и сознания. То есть теоретически, киберпространство – это среда, подобная водной, воздушной, биологической и иной средам. Она – всеохватывающая и всепроникающая среда обитания, из которой социальный агент не имеет возможности просто «выйти». Однако киберпространство это не просто инертная, привлекательная или опасная среда обитания. *Это новая и мощная глобальная система общественного производства.* Человек, используя природные, интеллектуальные и социальные ресурсы, сам ее конструирует, строит, воспроизводит, совершенствует и защищает. Киберпространство сложнее чем «привычная» среда

обитания, в частности потому, что это новая среда обитания, которую человек все время конструирует и развивает и одновременно обучается в ней жить и работать. В ходе своей эволюции человечество двигалось не только вширь, но и «вглубь» предмета своего интереса, постепенно осознавая, что, в конечном счете, *информационные процессы являются универсальной субстанцией его бытия*, причем процессы, идущие на микро-, мезо- и макроуровнях любой общественной системы. Более того, в качестве гипотезы могу высказать предположение, что именно информационные процессы являются одним созданных природой, а затем и человеком, «мостов» между качественно различными средами его бытия. И соответственно, «мостом» для междисциплинарного взаимодействия и взаимопонимания людей.

Как и другие среды обитания человека, киберпространство есть одновременно мощный ресурс развития общества и тотальный риск его разрушения. Как и всякая инновация, всякое открытие или изобретение, киберпространство «двуслойно». Создавая новые технологические и социальные возможности, объединяя людей и их сообщества, оно в то же время порождает новые опасности и риски. И, следовательно, влечет за собой формирование новых институций и инструментов человеческой активности. За последние семь–десять лет хакерство, кибератаки из отдельных, из ряда вон выходящих случаев, стали нормой социальной жизни! А, они в свою очередь, дали импульс развитию новой сферы общественного производства: кибербезопасности. Одновременно появились кибер-войска, множество служб кибер-защиты, детей и взрослых стали учить, как вести себя в этой новой среде обитания и т.д. Возник глобальный рынок кибер-конкуренции и борьбы за первенство на этом поле. Наконец, в недалеком будущем глобальному сообществу и его агентам грозит еще одна кардинальная перемена: всеобщий переход на «дигитальный» язык (digital language). Всеобщий понимается здесь как касающийся все сфер человеческой деятельности и, следовательно, влекущий за собой формирование новой, «цифровой» культуры общества. Как будет социально и психологически влиять «оцифрованная» культура прошлого на современного человека, пока непонятно.

Теперь – о рисках Четвертой промышленной революции. Они отличаются от рисков предшествующих революций, не только технологически, но и иной демографической и социальной ситуацией. Всеохватывающее и всепроникающее киберпространство *сжимает наш социум*, ликвидируя «мягкие прокладки» между макро и микро социальными агентами в виде времени и пространства. Сегодня, то, что произошло на одном конце планеты, воздействует на сознание и поведение масс людей в других ее местах. Плотность постоянно растущего народонаселения и ограниченность ресурсов жизнеобеспечения лишь повышают вероятность возникновения конфликтов. Далее, возникшие в разных концах планеты критические ситуации, понимаемые мною как совокупность длительных и практически до конца неразрешимых конфликтов [Yanitsky, 2014], не только «отзывается» в других частях планетарного социума, но и надолго консервируется. В результате, общая неустойчивость и конфликтогенность этого социума возрастает. А в структурном плане критические ситуации, становясь все более многоаспектными, влияют на международный порядок и его разделение труда. Соответственно, возникает новая отрасль социологии, занимающаяся институциональными и поведенческими структурами в этом всеохватывающем и быстроизменяющемся социальном пространстве?

Затем, быстрое распространение информационных технологий способствовали развитию «гибридных войн», как вширь, так и вглубь. Для этих войн понятия границы, фронта и тыла практически несущественны. Параллельно с хакерскими атаками на промышленные, банковские и управленческие структуры, возник феномен «бытового» терроризма (название условное). Его формы самые разнообразные: звонки, ложная тревога, угрозы письменные или по телефону, распространение в сети порочащей вас

информации и т.д. Это точечная, дистанционная и рассеянная форма терроризма и потому самая труднопреодолимая. Ее аналог в войнах прошлого – это «беспокоящий огонь». Кстати, бесконечная череда «горячих новостей» (breaking news) по телевизору или в личном смартфоне, тоже есть фактор, усиливающий психологическую напряженность индивида и рассеивающий его внимание. Наконец, вопрос: насколько человечество будет зависеть человечество от этих новых форм рисков и угроз? Если говорить в целом, то да, в большей степени. А ситуация отдельных индивидов и групп будет зависеть от их материального положения и социального статуса.

О сетевой и территориальной организации социума

В политическом дискурсе обычно разделяют и противопоставляют эти две формы организации социума. И это есть не только исторический факт, но он имеет и политический резон. Действительно территориальная организация есть наиболее древняя форма организации общественной жизни. Но и в те времена малые сообщества и целые народы перемещались по планете, люди прокладывали пути, по ним шли караваны и т.д. Огрубляя, можно утверждать, что сегодня «территория» и «сеть» две основные формы существования глобального социума. «Территория» – это сегодня, прежде всего, государство, а «сеть», это не только их разнообразные связи, но и быстро развивающиеся надгосударственные структуры и институции. Но, как было уже отмечено, и те, и другие зависят от структуры и функций формирующегося киберпространства.

Основой и *несущим каркасом этого пространства являются сети*, информационные, ресурсные, товарные, социальные и иные. Собственно говоря, структурная сущность процессов глобализации состоит в ее сетевом характере. И чем теснее государство или другая территориальная система интегрирована в эту глобальную сеть, тем, в принципе, сильнее и успешнее, оно будет. Пока речь идет только о структуре связей, но не об их содержательном наполнении (целях, задачах, характере коммуникации и т.д.). В наше время основным ресурсом, циркулирующим в этих сетях, является информация. Произведенное на ее основе знание обслуживает и направляет деятельность различных структурных элементов глобального социума. Чем более это знание обогащается воздействием на него разных агентов (через диалог, диспут, конфронтацию и т.д.), тем более в нем заинтересованы все участники процесса глобализации. Именно поэтому доступ к этому знанию является полем борьбы различных политических и социальных сил.

Одним из важнейших результатов процесса глобализации является феномен всеобщей унификации глобального социума, начиная от индивидуальных поведенческих стереотипов и до международных институтов, вырабатывающих общие правила игры. Но есть и прямо противоположный тренд: сохранения политэкономической, социальной и культурной специфики государств и иных территориально-локализованных образований. До сих пор разнообразие природы и общества рассматривалось как важнейшая предпосылка глобальной устойчивости (sustainability). Каким образом будет поддерживаться эта устойчивость в случае «окончательной победы» тренда всеобщей унификации – вопрос открытый. Я никоим образом не отрицаю необходимости специфически настроенных и организованных территориальных систем. Вопрос в том, как в новых условиях всякое территориальное «особенное» может сосуществовать с глобальным «всеобщим»? Это – не философский вопрос, это вопрос способа функционального взаимодействия между этими двумя типами систем. Попробуем разобраться.

Что лежит в основе жизнедеятельности любого организма, безразлично человека или глобального сообщества? Те же мириады сетей обмена веществом, энергией и информацией. С этой точки зрения, любой природный или социальный организм есть

гигантский «обменник»! Но только ли «обменник»? Нет, обмен (знаниями, людьми, ресурсами или информацией) есть лишь одна сторона этого процесса. Другая, не менее важная, это происходящие в результате такого взаимодействия трансформации. Как отмечалось, *они в естественнонаучной литературе получили название метаболизма, в общественных науках – соответственно социального метаболизма.* Обменные процессы лишь одна сторона экономического, политического или иного взаимодействия. Другая, содержательная и самая важная сторона – это именно метаболические процессы. В их ходе происходят качественные и количественные трансформации организма и его среды. В их ходе одни социальные организмы могут получать новые ресурсы для своего поддержания и развития, другие – подавляться, третьи – постепенно деградировать или разрушаться совсем, выделяя энергию распада и т.д. Однако, так или иначе, все социальные организмы существуют, сохраняются и выживают только благодаря сетям обмена информацией и ресурсами. И подобные контакты всегда избирательны (целенаправленны). Для обсуждаемой нами проблемы – это принципиальный пункт.

Вот, например, функционирование системы образования. Все, что постепенно накапливается в ней, затем отбирается, анализируется учеными и практиками, превращаясь, в конечном счете, в новые учебные программы. Они потом апробируются в школе, корректируются, совершенствуются и становятся основой учебного процесса. Позже этот цикл повторяется снова и снова. Это – круговорот в системе «знания—практика». Но и та, и другая сторона существует в определенной среде, которая тоже не только, изменяется, но и обучает.

Обычно сам термин среда трактуется как нечто данное, неизменное. *В действительности понятия агента и среды его обитания относительны.* Среда тоже состоит из совокупности агентов, организмов и «инертных структур» (например, строений, дорог, коммуникаций и т.д.). Но и «инертные структуры» не вечны – их надо постоянно поддерживать, ремонтировать, обновлять. Здесь действует общее правило: всякая среда обитания, есть совокупность подвижных и инертных структур, каждая из которых имеет свою «несущую способность» (иначе, их годность, запас прочности). Если она превышена или просто нарушена, то эта среда из условия существования некоторого агента превращается в совокупность активных сил, способных повредить или разрушить жизнь на гораздо более обширной территории, чем то, что было первоначально обозначено как зона действия данной категории агентов (например, сложившийся природный ландшафт, город или космическое пространство). Возвращаясь к примеру с обучением, сегодня уже трудно сказать, кто влиятельней в этом процессе: школа или социальная сеть, учитель или же «улица»?

Более того, происходящие на планете интеграционные процессы под воздействием киберпространства заставляют нас пересматривать складывавшиеся веками представления и научные понятия. Например, вплоть до недавнего времени для огромного числа естественных и общественных наук разделение мира жизни на природную и социальную сферы было привычным. Однако все более полное и всестороннее освоение ресурсов планеты, включая околоземное и космическое пространство, интенсивное развитие инженерных и биотехнологий и, конечно, охват планеты всепроникающим киберпространством фактически превратили ее в сверхсложную СБТ-систему. Эта система не только живет по собственным законам, которые еще далеко не познаны, но и оказывает *обратное воздействие* на отдельные процессы, системы и общности, существующие на земле. Изменение климата планеты под ее воздействием наглядный тому пример. Получается, что глобальная СБТ-система стала новой средой обитания всего живого на земле.

Возникает вопрос о методологии анализа превращения планеты в СБТ-систему. По моим приблизительным подсчетам, сегодня уже более 1/3 поверхности земли

превращено в элементы глобальной СБТ-системы. Одни только городские агломерации занимают более 20% поверхности суши. Примерно столько же занимают аридные территории и рукотворные пустыни. Подсчитать суммарную площадь территорий, которые человечество на протяжении многих веков превращало в окультуренные, то есть искусственно поддерживаемые человеком, территории, или, напротив, заброшенные, затруднительно. *Но если учесть процессы глобального непрерывного социально-экологического метаболизма, то «территориальный подход» будет в принципе ошибочен* по многим причинам. Напомню, что в процессах глобального метаболизма существенную роль играет космос в целом и солнечная система в частности. Кроме того, человечество еще не научилось предсказывать сбои (бифуркации) в этом космическом социобиотехническом круговороте.

Наконец, «глобальные экологические войны» (искусственно генерируемые затяжные проливные дожди, ураганы, засухи и др.) есть не что иное, как метаболические процессы, сконструированные человеком. А для их генерации нужны новые знания относительно глобального метаболизма, очередные технологические инновации, гигаватты электрической энергии для генерации направленных воздействий на природную среду и т.д. Наконец, человечество озаботилось глобальным потеплением климата еще и потому, что оно может в принципе подорвать (или уже изменяет!) существующий глобальный метаболический процесс. А, он, в свою очередь, будет означать тотальную экологическую войну, направленную если не на самоуничтожение, то на гигантские потрясения всего мироустройства! То есть речь идет о глобальной «закольцованности» взаимодействия человечества и всей его среды обитания, включая космическую сферу, биосферу, литосферу и т.д. Уже в 1990-х гг. было ясно, что «земля была полностью трансформирована человеческим вмешательством. В чем мы сегодня остро нуждаемся, так это не только в радикальной перестройке социологического видения мира, но и в интегрированном взгляде на него [The Polity Reader, 1994: 266].

О необходимости изменения институциональной структуры

В принципе в такой постановке вопроса нет ничего нового. Исторически каждая смена способа общественного производства приводила к изменению институциональных структур или к их адаптации к новым условиям. Соответственно, содержание таких базовых понятий как вера, доверие и справедливость тоже менялось. Современная эволюция института семьи есть наиболее яркий тому пример. Сегодня ребенок уже не рассматривается как объект воздействия взрослых, он теперь трактуется как полноценный социальный агент. Значит, такие институты ранней социализации как семья и школа тоже претерпевают изменения [Bühler-Neiderberger, 2010].

Если СБТ-система даже еще только формируется, то должен быть и институт, регулирующий этот процесс. Это означает, что сегодня социальные институты должны уже не столько фиксировать status quo, сколько предсказывать динамику и возможные формы изменений. То есть в отличие от «стабильных» институтов прошлых веков социальные институты эпохи НТР–4 должны быть более гибкими, чтобы направлять динамику глобального социума в относительно безопасном направлении.

Формирование СБТ-системы и глобального киберпространства ставит несколько фундаментальных проблем. Например, является ли глобальное сообщество действительно социальной общностью? На мой взгляд, да, является, хотя это единство полно противоречий и конфликтов. Существующие международные институты, созданные в середине прошлого века, уже не справляются с этой конфликтной общностью. В частности, именно поэтому послевоенный мир периодически сотрясается локальными войнами. Глобальная политическая практика пытается смягчить растущую международную напряженность путем перманентных переговоров,

в ходе которых состав и полномочия их участников постоянно меняются. Получила широкое распространение практика временных соглашений.

На вопрос, каким образом перестраивать глобальную институциональную систему, у науки пока нет ответа. Более того, нет пока такого международного междисциплинарного коллектива, который мог бы взяться за это дело. Сегодня каждый из глобальных и региональных агентов формирует свою «повестку», исходя из собственных интересов и целей. Если для России сегодня актуальна задача создания идеологии «цифровой» модернизации и развития социальных институтов, стимулирующих этот процесс, то для многих стран Африки и Ближнего Востока стоит задача восстановления их базовых социальных институтов с целью преодоления социального хаоса. Но учитывая растущую мощь средств массового поражения, которой сегодня уже обладают многие государства мира, их согласие относительно управления этим новым глобальным организмом, абсолютно необходимо.

Далее, это проблема *сетевых институциональных систем* и способа их взаимодействия с территориальными институтами. Пока что эти сети рассматривались только как структурный элемент функционирования государств, корпораций и других глобальных институциональных образований. Однако сегодня транснациональные компании и информационно-коммуникационные магнаты начинают диктовать свои правила игры отдельным участникам процесса глобализации. Резко интенсифицировались хакерские атаки, борьба компроматов и ложных сообщений (дезинформации). Напомню, что именно У. Бек ввел понятие «космополитических сообществ», которые могут существовать только как сетевые системы. Как было показано выше, исследования, проведенные международным коллективом под эгидой Мирового экономического форума, подтвердили факт существования таких глобальных сетевых институтов.

Затем, это проблема трансформации самих *территориальных институтов* и, в первую очередь, национальных государств и принципов их административно-территориального деления. Деление государственных структур на совокупность институтов федерального, регионального и местного значения зависит от степени вовлечения данного государства в глобальные процессы. А также – от фазы его модернизации. Как я уже отмечал ранее, в период 1920–1930-х гг. в СССР приходилось импортировать не только технические новинки Запада, но и целые заводы, чтобы быстро догнать индустриально развитые страны. А восстановительный период после Великой отечественной войны 1941–1945 гг. был выполнен своими силами. Замечу, что в советский период межрегиональным производственным, социальным и культурным связям придавалось большое значение. Однако пока РФ не преодолеет «ресурсную парадигму» своего развития, надеяться на скорое развитие местной промышленности и восстановление межрегиональных производственных и иных связей не приходится.

Потом, это вопрос о *темпо-ритмах институциональных систем* любого масштаба. Сказанное выше означает, что их структурно-функциональная динамика все более отстает от функциональной динамики глобальных перемен. Поэтому одна сторона этой проблемы заключается в том, что ускоряющийся темп этой динамики принуждает лидеров страны к принятию мобилизационной идеологии, что обычно сопровождается быстрыми решениями, исключающими возможность диалога и самоорганизации. Значит ли это, что эта ускоряющаяся динамика подталкивает мир к авторитарной и даже тоталитарной форме правления? Другая сторона проблемы состоит в том, что стабильность властных структур, обладающих правом генерирования массы подзаконных актов, инструкций и временных правил, есть источник обогащения бюрократии и усиление ее властных полномочий. Так или иначе, вопрос о том, как совместить демократию с непрерывно ускоряющейся глобальной динамикой, остается пока открытым.

В решении проблемы сопряженной динамики «глобализация – социальные институты» мы находимся в самом начале пути. Пока не ясно, каков характер связей, выявленных в серии уже выполненных глобальных исследований, они односторонние или многосторонние, равноправные или нет. При этом в одном случае это могут быть информационные связи, в другом – потоки природных ресурсов, в третьем – миграционные потоки и т.д. И каков суммарный результат? Необходимо принять во внимание, что выявленные в данный момент связи могут со временем измениться, или прекратиться совсем.

И, наконец, самый главный вопрос: кто те глобальные игроки, которые эти потоки переключают или перепрограммируют? Как показали исследования информационных потоков в медиа-пространстве, их главными регуляторами являются немногие игроки мирового масштаба. Кибербезопасность – глобальная, региональная, государственная или личная, – становится новой институциональной проблемой, имеющей много аспектов. Новый вид общественного производства должен быть институционально отрефлексирован и отрегулирован. Информация становится оружием, и его использование должно получить нормативную базу. Существующие понятия типа принцип пропорциональности, достаточности или ответственности должны быть адаптированы к новой (цифровой) ситуации. Далее, несомненно, потребуется внесение коррективов в образовательные и обучающие программы. Кибероружие – это рассеянный удар, который может одновременно осуществляться из множества точек и наноситься «ковровым» методом. Разные государства реагируют по-разному на угрозу кибератак, одни загодя готовятся к ним, другие вследствие неразвитости информационных сетей просто не ощущают этой угрозы. Кибервойна это новая форма гибридной войны. Войны в Африке и на Ближнем Востоке сопровождались формированием устрашающих «гибридов», соединяющих варварские методы насилия и владение современными информационными технологиями. Поэтому государства должны сотрудничать в сфере кибербезопасности на двустороннем и международном уровнях. Как и в предыдущих случаях, «переходный период» от одного способа производства к другому является наиболее рискованным.

Вызовы для науки

Надеюсь, что названные выше перемены дадут импульс к движению общественных наук в следующих направлениях. Придется серьезно переосмыслить само понятие «развитие», потому что новые технологии неизбежно окажут влияние на все стороны общественной жизни, ускорение одних ее сфер и замедление других. Переход от одной к другой фазе индустриальной революции неизбежно породят новые формы противоречий и конфликтов во всех обществах, что потребует изучения и разработки способов их разрешения или смягчения. Более того, разрыв между «богатым» Севером и «бедным» Югом может увеличиться. Доступ к новейшим медицинским технологиям наиболее обеспеченных людей еще более отдалит их от всех остальных, как и доступ к новейшим средствам защиты и изоляции от «нежелательного» вмешательства в их частную жизнь. Нетронутая природа будет доступна только самым богатым. Что тогда будет означать термин «развитие»?

Далее, интегральный характер уже идущих перемен заставит комплекс социальных наук более пристально изучать процесс глобализации во всех его измерениях, причем особого внимания потребуют формы обратного воздействия научно-технических инноваций на человека и среду его обитания. А среда это, подчеркну еще раз, может выступать как поглотителем рисков, так и их производителем. Производство технологического «мусора», как и всех других видов отходов, включая человеческие, должно стать объектом постоянного изучения комплекса общественных и естественных наук. Отсюда, у общественных, естественных

и технических наук появляется общий предмет наблюдения, изучения и регулирования: СБТ-системы. Этот разнокачественный предмет изучения с нелинейной динамикой потребует нового уровня интеграции наук. Придется не только наладить постоянный контакт с естественными и техническими науками, но и научиться переводу их достижений и практик на язык обществознания, и – наоборот.

Это, в свою очередь означает, что междисциплинарный подход должен превратиться из фигуры речи в повседневную практику. Замечу, что в этом деле общественные науки далеко отстали от естественных и технических наук. Полезно также продолжить изучение опыта работы *некоммерческих* и других общественных организаций, поскольку они уже несколько десятков лет практикуют проблемно-ориентированный и междисциплинарный подходы в силу их непосредственной включенности в самые разные сферы общественной жизни. Затем, эти междисциплинарные исследования должны получить институциональный статус с соответствующим материально-финансовым обеспечением. Пока что вся институциональная система науки построена не по проблемному, а по предметному принципу. Такая перестройка – дело долгое, но необходимое. Особенно мешают институциональные размежевания при защите кандидатских и докторских диссертаций.

В частности, одним из важнейших институциональных сдвигов должен стать поворот от краткосрочных исследований к постоянному мониторингу динамики СБТ-систем. До сих пор непонятно, почему современные военно-технические ведомства ведут постоянные наблюдения за всеми средами и объектами в них находящимися, а ученые изучают свои объекты дискретно, время от времени и в зависимости от милости бюрократических структур. Ведь в уже идущей гибридной войне нет разделения на фронт и тыл.

Важно, чтобы как военно-технические науки, «мирные» отрасли обществознания *должны работать на опережение*, потому что сегодня все предметы, объекты и среды могут быть использованы как в мирных, так и в военных целях. «Средовая война» при помощи искусственно создаваемых эпидемий, наводнений, ураганов и других стихийных бедствий уже давно стала реальностью. И ее двумя главными ресурсами являются скорость ведения «действий» и воздействие постоянно меняющегося информационного потока на сознание и поведение массового потребителя. Новая технологическая революция породила специфическую социотехническую англоязычную терминологию, который массовый потребитель вынужден осваивать, что я также рассматриваю как форму «гибридной войны». В результате русский язык быстро превращается в дикую смесь технологических неологизмов, нецензурной лексики и уголовного сленга. Перед общественными науками в очередной раз становится *задача защиты русского языка*, поиска разумных пропорций между интернациональным техническим сленгом и незыблемыми основами русской культуры.

Наконец, хотя «гибридная война» уже идет на всех «фронтах», ее изучение российским обществознанием только начинается. Именно «гибридная война» как интегрированная материальная и виртуальная реальность должна стать одним из приоритетных исследовательских направлений, реализуемых комплексом общественных, естественных и технических наук. Пока что масс-медиа только пропагандируют иностранные технологические новинки (гаджеты, всевозможные приложения, приставки и др.), но не привлекают научные силы к изучению их социально-политического и психологического воздействия на массового пользователя. Обычная информационная «отмазка» типа «посоветуйтесь с врачом» не только освобождает медиа от ответственности, но и вредит пользователю, поскольку визит к врачу стоит денег, а к хорошему врачу – очень больших денег.

Первоочередные задачи

В мировой литературе пока нет ни интегральной концепции глобализации, ни киберпространства. Их чисто «технологические» концепции недостаточны, поскольку исключают другие (социальные, политические) факторы процесса глобализации. Пока международное научное сообщество все еще находится в стадии поиска теоретико-методологических подходов. Значит, ученые разных специальностей должны выдвигать и тестировать гипотезы вышеназванных комплексных («гибридных») феноменов на международных площадках. Такая работа, как уже отмечалось, ведется, в частности, Международным экономическим форумом, идет слияние двух Международных советов ЮНЕСКО по естественным и общественным наукам и т.д.

В проблеме становления нового мира одной из ключевых проблем является феномен «удвоения социальной реальности», то есть вопрос о соотношении и взаимодействии материальной и виртуальной сфер человеческого бытия. Другой такой проблемой является соотношение глобальных и территориально-локализованных процессов, всеохватывающей сети и территории. Третьей из них является время, точнее, постоянное ускорение темпо-ритмов технологических и социальных процессов. Четвертая – это проблема кибербезопасности на всех уровнях.

В условиях глобализации и формирования единого киберпространства, интегрирующих, а иногда и просто смешивающих информацию о качественно разных явлениях и процессах, недостаточность моно-дисциплинарного подхода очевидна. Теоретической основой преодоления этой новой ситуации является изучение *метаболических процессов*, включая процессы собственно социального метаболизма. Методической основой для междисциплинарного взаимодействия является *социальная интерпретация* данных естественных и технических наук. Организационно-практической ее основой выступает *междисциплинарный проект*, предполагающий перманентное взаимодействие ученых и практиков разных специальностей.

В ситуации непрерывного ускорения социальных перемен само понятие социального института нуждается в пересмотре. Если ранее социальные институты являлись формой кристаллизации социальной практики, то в ситуации ускоряющегося научно-технического прогресса социальная практика *опережает* социологическую теорию. В результате здесь и там возникают критические ситуации, для разрешения которых нет пока адекватного политического и социологического инструментария. Типологически, непрерывным изменениям должен соответствовать их непрерывный и всеохватывающий мониторинг.

Когда социолог работает не дистанционно, а посредством включенного наблюдения («в гуще жизни», как говорил В.И. Вернадский), он не способен выделить какую-то специфически социологическую проблему, поскольку в «потоке» жизни все проблемы тесно переплетены и взаимозависимы. Это феномен, который я называю «междисциплинарностью повседневной жизни». В традиционном обществе для разрешения этой коллизии существовали верования и традиции. Если случилась засуха, надо было обратиться к богам, совершить молебен, организовать крестный ход и т.п. Однако в современном *рациональном* и быстро изменяющемся обществе, люди вынуждены действовать *интуитивно*, опираясь на быструю оценку ситуации и прошлый опыт. У интуиции есть несомненный плюс – это быстрота реакции. Но есть и минус – риск ошибочного решения, поскольку интуиция как социально-психологический феномен всегда основана на прошлом опыте человека.

Глава 8. Критическая форма глобализационного процесса

Общество или сообщество расценивается мною как пребывающее в критическом состоянии, если в нем процессы производства рисков стабильно превышают

производство материальных и духовных благ. Сегодня человечество перешло в следующую фазу этого состояния: мир в целом, превращаются в *общество всепроникающего риска,* формирование которого сопровождается возникновением множества «критических состояний», разных по источникам их возникновения, масштабу, совокупности вовлеченных в них сил и способам их преодоления. Упрощенно говоря, критическое состояние есть состояние некоторой СБТ-системы «между» кризисом, который обычно имеет преходящий характер, и катастрофой с её необратимыми последствиями. Я называю отрасль знания, которая занимается подобными состояниями, «знанием-действием» или «научно-общественными исследованиями», соединяющими в себе междисциплинарный и проблемно-ориентированный подходы, политическую волю и публичное действие. Исходная методологическая позиция: критические состояния общественного организма как неустранимый момент современной фазы процесса глобализации. Возникновение «критических состояний» актуализирует задачу взаимопонимания и практического взаимодействия между академическим сообществом и политической практикой.

Сложность и многозначность развития критических ситуаций резко суживает возможности их академического анализа. Научное, в том числе экосоциальное, знание как ценность и как средство умножения общего блага вытесняется политикой как инструментом достижения целей противоборствующих групп. Политическое давление, санкции или прямое насилие берут верх над позитивным знанием. Силовая политика приобретает главенствующее значение. Международные и национальные институты, первоначально служившие обмену мнениями и достижению согласия, всё больше превращаются в инструменты политического давления и принуждения. Информационные войны суть «упреждающий удар», за которым следуют вполне материальные санкции в отношении вероятного противника. В СМИ и социальных сетях ведутся информационные войны не только против политических институтов, но и против социальных движений и отдельных личностей. Информационные войны суть важнейший инструмент достижения геополитических результатов.

Сегодня критические ситуации в мире развивается в контексте общего дисбаланса сложившегося мирового социального порядка и острой фазы борьбы за передел сфер влияния в мире. Однако причины этой деградации различны, поэтому единой схемы междисциплинарной интерпретации критических трансформаций в мире не существует, чем еще раз подтверждается тезис об их локально-глобальном характере. В долгосрочной перспективе цепь критических ситуаций обозначает очередной цикл геополитического и геоэкономического передела мира. Ключевым моментом здесь является продолжение распада биполярного мира и его превращение в многополярный, причем характер, геополитическая структура, политический и экономический вес противоборствующих сил периодически изменяются неопределенным образом.

Для изучения динамики критических ситуаций нужна многоуровневая динамическая модель, основанная на принципах многомерного знания и реальной демократии. Усугубление разрыва между «центральной» и «периферийной» наукой чревато невосполнимыми экологическими и социальными потерями. Препятствием для такой негативной динамики является соединение междисциплинарного знания, политической воли и демократического действия. Кроме того, внутри мирового научного сообщества должен сформироваться коллектив исследователей и практиков, готовых работать в условиях критических и чрезвычайных ситуаций.

Как уже отмечалось, социологи в большинстве случаев предпочитают исследовать эволюционно развивающиеся процессы и соответствующие им функциональные структуры. Достаточно пролистать несколько номеров международных журналов. И, в частности, номер International Sociology, 2000, Vol. 15, No 2, весь посвященный исследованию процессов глобализации. Хотя в нем есть

несколько статей о глобализации в разных регионах мира, теоретико-методологический инструментарий для ее анализа разработан англо-саксонскими специалистами. Я не хочу сказать, что они чем-то ущербны, однако, с моей точки зрения, такой анализ в странах Латинской Америки или Африки должен осуществляться одновременно как взаимодействие общемировых и национально-территориальных трендов. Поэтому единственной публичной и весьма демократической площадкой для обсуждения этих проблем является интернет-журнал Global Dialogue. Тем более что именно в развивающихся и деградирующих сообществах и странах критические формы процесса глобализации наиболее ярко выражены.

Как было показано выше, информационно-коммуникационная глобализация есть новая форма общественного производства. Эта форма имеет несколько состояний: ее расширенное воспроизводство, простое, кризисное, критическое и состояние полного распада. Все сказанное относится и к производству знаний. Задача данной главы предложить для обсуждения концепцию критического состояния глобальной системы и определить ее основные социальные последствия. На сегодня ее основными характеристиками, по моему мнению, являются нестабильность, непредсказуемость и нелинейная динамика, отягощенная неожиданными поворотами и бифуркациями. «Космическая» атака, гибридная война, длительный социальный или конфессиональный конфликт суть наиболее вероятные причины возникновения критического состояния. Его многосторонняя природа и нелинейная динамика требуют междисциплинарного подхода, а одновременное существование человека в реальном и виртуальном мирах, и появление социально-сконструированных рисков только усугубляют критическую ситуацию. Массовые хакерские атаки, организованные одиночками, означает, что глобальные критические ситуации могут быть созданы индивидами или малыми группами, что, на мой взгляд, означает формирование «индивидуализированной антисистемы», чей разрушительный эффект вполне сравним с последствиями ядерного удара.

Теоретические подходы

Чтобы понять, что такое критическое состояние некоторого сообщества в условиях глобализации, необходимо вернуться к основам теории производства и воспроизводства общества. Размышления о формах метатеории в научном исследовании вообще, без их соотнесения с объектом исследования [Канке, 2017] представляются мне ошибочными. Согласно Н.Ф. Наумовой, В.А. Ядову, У. Беку, М. Кастельсу, Д. Урри и многим другим российским и зарубежным и социальным теоретикам, выбор метода исследования всегда связан со спецификой изучаемого объекта и его статикой-динамикой.

Введенное мною ранее понятие «критического состояния» некоторой социальной системы [Yanitsky, 2013] теперь может быть интерпретировано в рамках общей концепции социального производства, то есть концепции производства и воспроизводства глобального «сообщества». Беру это слово в кавычки, потому что, как будет показано далее, оно в действительности является весьма противоречивой формой социального сообщества. Важнейшим структурным компонентом этого производства является производство научного, в том числе социального знания. Попытки его исследования делались неоднократно, но они анализировали процесс воспроизводства этого знания вне его связи с производством естественнонаучного и технического знания [см., например, Mosbah-Natanson and Gingras, 2014].

В самом общем виде критическое состояние глобальной системы может быть представлено, как утеря ее способности не только расширенно воспроизводить, но и поддерживать себя в относительно стабильном (устойчивом) состоянии. Иными словами, речь идет о неизбежном и перманентном ее «угасании», сопровождающемся

рисками и катастрофами. Под «воспроизводством» я понимаю здесь все его виды и формы, от относительно устойчивого воспроизводства его структурно-функциональной организации и до его способности развиваться социально и технологически, сохраняя при этом социализированную природную среду. Это определение не означает ее тотальную гибель, но то, что возникнет на ее месте, будет значительно меньше по населению и занимаемой территории (не зря фантасты ужу давно исследуют феномен «бункерной жизни»).

Уже неоднократно делались попытки создать «теорию управления» критическими системами и глобальными катастрофами. Но одно дело стремиться их предотвращать или снижать риски потерь от них, и совсем другое – управлять тем, что осталось после глобальной катастрофы! Проблема критической ситуации состоит в том, что в ее ходе среда обитания начинает «управлять» теми, кто только что рассматривал ее как некоторую инертную данность.

Как было уже показано многими авторами [Beck, 1992, 1999; Giddens, 1994; Beck et al., 1994], состояние современной глобальной СБТ-системы характеризуется такими основными признаками, как ее неустойчивость, непредсказуемость и, следовательно, нелинейный характер ее динамики (отягощенный непредвидимыми поворотами и бифуркациями). Соответственно, привычные для социолога системы аналитических координат, применяемые в социологических исследованиях (типа «большое–малое», «меньше–больше», «ближе–дальше», «мы–они» и т. п.) в условиях нелинейной динамики сложного целого, неприменимы. Более того, если глобальная система непредсказуема, значит, она практически неуправляема при помощи наличных инструментов.

Методологически для понимания критического состояния глобальной системы, исследователь должен подходить к объекту своего исследования диалектически, т.е. «сверху», анализируя глобальные проявления этого состояния (резкие изменения климата, техногенные катастрофы с глобальными последствиями, изменение геополитической карты мира, массовые трансграничные миграции), и «снизу», изучая возможные причины или источники этого состояния in situ. С моей точки зрения, неправы те, кто делает акцент на изучении преимущественно глобальных трансформаций, поскольку, как отмечалось выше, сегодня благодаря новым технологиям, «малое» (отдельный человек, малая группа) может спровоцировать риски глобального масштаба. Поэтому параллельно с анализом глобальных процессов я изучал типичные критические состояния современного города и отдельных групп его населения [Яницкий, 2017].

Далее, противоречивая и подвижная целостность современной глобальной системы требует столь же многостороннего осмысления. Поэтому для изучения ее критических состояний необходимо владеть навыками *междисциплинарного анализа*. Практически это означает, что отдельный исследователь или их группа должны уметь *постоянно и быстро* переводить факты и процессы одного порядка (например, физические или психологические) на язык других дисциплин. Социально и психологически, эту связь можно интерпретировать как *императив «коллективизма» разных наук* (или императивной солидарности): исследовательский потенциал любого научного коллектива, изучающего «гибридные процессы», должен соответствовать множественности свойств, которыми обладает изучаемый им объект, а также их взаимным трансформациям.

Типологически, можно выделить следующие типы производства общества: (1) расширенное, которое иногда называют нормальным); (2) «нулевое» (застой), когда все, что производится, расходуется и проедается; (3) кризисное, когда временно нарушен баланс между производством и потреблением (временные трудности); (4) критическое, когда процесс воспроизводства общества осуществляется только за

счет наличных запасов жизненно важных ресурсов (то есть состояние на грани распада) и, наконец, (5) собственно процесс распада данного сообщества.

Причины возникновения критического состояния могут быть самыми разными. Это, прежде всего, глобальные (космические) катаклизмы или локальные катастрофы, имеющие глобальные последствия (Чернобыль, Фукусима–1). Это также внутренние социально-политические конфликты, переросшие в форму военных действий. Это религиозные войны и, особенно, «гибридные войны». Такой причиной может быть также медленное отмирание местных социальных сообществ как следствие затяжного экономического, политического или этно-конфессионального кризиса, внезапное разрушение жизненно-важных связей (посредством энергетической блокады) или силовое уничтожение среды обитания и ее ресурсов (тактика выжженной земли). Критические состояния всегда имеют локально-глобальный характер. Например, если глобальное сообщество в лице транснациональных корпораций, ООН, Всемирного банка или Валютного фонда или других международных организаций пытается совладать с этим процессом деградации, то, оно, как правило, наталкивается на сопротивление территориально-организованных общностей (государств, их союзов, отдельных сообществ и т.д.). Это противоречие имеет объективную экономическую и социальную причину: глобальное сообщество, как правило, предпочитает строить или создать нечто новое на новом месте, тогда как пострадавшее население выступает за восстановление разрушенного сообщества на прежнем месте. Это противоречие можно интерпретировать иначе: глобальное сообщество нацелено на разрушение территориально-организованных общностей, так как эта цель соответствует его экономическим и социальным интересам.

Определение главных причин критических состояний и их источников – наиболее сложный вопрос. Пока можно только утверждать, что мир вступил в период «конкуренции» социальных, технологических и природных сил как основных агентов создания этих состояний. Как уже было отмечено мною ранее, они действуют совместно. Связующим звеном между ними являются *метаболические процессы*, трансформирующие социальные качества в технологические структуры или квази-природные процессы. Подчеркну еще раз: в современном информационно-интегрированном мире привычные нам дихотомии типа «малое–большое» или «близко–далеко» не работают! Поскольку современный мир есть одновременно высоко интегрированная и противоречивая система, то и анализировать его структуры и процессы нужно с двух сторон, идя от целого и от его «малых» деталей. Кроме того, современные критические состояния могут порождать цепные реакции (то есть эффект «снежного кома»).

Осажденный город как глобо-локальный феномен

Рассмотрим теперь некоторые признаки критического состояния на примере осажденного города в контексте глобо-локальной войны. Первое и главное, это именно *осажденный город*, то есть город, вокруг и внутри которого идут военные действия, в которые вовлечено множество непосредственных и удаленных участников. «Осажденный» это, фактически, означает, что город физически (территориально) изолирован от остального мира и, существует главным образом за счет мобилизации внутренних ресурсов или гуманитарной помощи. Второе, осажденный город означает практически полное разрушение существовавшего в нем ранее социального порядка. Теоретически, такой город представляет собой хаотичное (броуновское) движение, в котором, явно или скрыто, сосуществуют или конкурируют друг с другом множество типов социального порядка (военный, нормальный гражданский, криминальный, глубоко законспирированные группы иностранных военных наблюдателей и экспертов, гуманитарная помощь и т.д.). Третье, оставшееся в городе мирное население

существует в агрессивной, то есть во враждебной ему среде (разрушенные жилые и производственные здания, токсичные отходы из разрушенных производств или коммуникаций). А также постоянные артобстрелы и бомбежки, минированные здания и улицы. Проблема в том, что в этом случае среда обитания превращается в среду, *излучающую риски*. Четвертое, еще одна форма изоляции – это существование в одностороннем виртуальном мире посредством телепередач западных компаний, ни российских, ни китайских вещателей там нет.

Пятое, названные риски суммируются в невозможности самоорганизации повседневной жизни. Она целиком подчинена ходу военных действий, ведущихся как внутри, так и на окраинах города, редким гуманитарным паузам, ожиданию возможности покинуть осажденный город и т.п. Шестое, на основе постоянной тревоги, страха, психической подавленности, невозможности оказать помощь родным или пострадавшим, разрыва привычных семейных связей возникают «негативные солидарности» [Yanitsky, 2012]. Это временные объединения людей, часто противоположных по идеологии и образу жизни, которые вынуждены сосуществовать и даже объединяться, чтобы выжить. Но такие «солидарности» в изменившихся условиях могут быстро трансформироваться в вооруженное противостояние.

Седьмое, это проблема изменения времени, как реального, так и его восприятия и переживания. Время жизни населения осажденного города дробится на разные отрезки. Один тип я называю «остановившимся временем»: за стенами подвала или убежища, где прячутся мирные жители, все время что-то происходит, однако для них самих ничего не меняется. Другой его тип, напротив, скорее надо именовать «расколотым» или коллажным временем. Война, идущая за стенами осажденного города, заставляет оставшихся в нем мирных жителей жить «короткими перебежками», например, от бомбежки до бомбежки. Или же, напротив, длинными периодами напряженного ожидания: что же будет через минуту, через час или завтра? Восьмое, у жителей осажденного города постепенно формируется иная – коллажная – картина мира. Ее привычные структурные элементы (свои или чужие, близко или далеко, опасно или нет) теряют свою определенность. Те, кого они привыкли считать «своими», превращаются в чужих, друзья – во врагов, ранее существовавшие этно-конфессиональные размежевания ужесточаются и т.д. Девятое, окончание действий не означает завершения критического состояния. Одни оставшихся в живых становится комбатантами, другие стремятся как можно быстрее покинуть такой город, третьи надолго оседают в лагерях беженцев. И снова эти люди превращаются в «материал» для экономического или политического манипулирования. По моим подсчетам, сегодня в мире существуют десятки осажденных человеческих поселений и сотни критических состояний различного происхождения и масштаба.

Критическое социальное пространство

Ситуация осажденного города формирует специфическое социальное пространство жизни. Вот его основные характеристики. Первая, как и всякая критическая ситуация, это пространство подвижное, неопределенное и поэтому непредсказуемое, перманентно меняющее свой характер и конфигурацию. Я называю этот феномен *критической мобильностью социального пространства*. Если сам уклад и ритм жизни населения осажденного города детерминируется, главным образом извне, то и контент и конфигурация этого пространства вокруг него постоянно меняются. Достаточно было, например, турецкому правительству заявить, что оно больше не будет содержать сирийских и других беженцев в лагерях на своей территории, и позиция Евросоюза резко поменялась. Или предложения РФ создать временные «гуманитарные коридоры» для выхода мирных жителей.

Вторая, это *пространство принудительное*, оно никак не управляется самими жителями осажденного города, беженцами или заложниками. Спасается ли житель осажденного города в подвале, находится ли он в миграционном потоке или в фильтрационном лагере для беженцев уже на территории другого государства, повседневный уклад его жизни остается зависимым от внешних обстоятельств. Если жителям осажденного города все же удается вырваться из него, то чаще всего они попадают в лагеря для беженцев, где их жизнь, хотя и более не подвергается смертельной опасности, но все равно остается зависимой от внешних сил. При всех названных вариантах, *риски* потери здоровья, имущества, гибели самого мигранта или его близких *остаются высокими*.

Третья, как показал опыт Великой отечественной и Второй мировой войны, войны во Вьетнаме, Холокоста и ряда других человеческих трагедий, даже в таких критических обстоятельствах люди стараются как-то приспособиться к экстремальному стрессу (to adapt to an extreme stress). Однако плата за такую адаптацию чрезвычайно велика. Большинство адаптируется путем мобилизации внутренних ресурсов и экономии жизненной энергии с целью выживания. Меньшинство вступает в ряды сопротивления.

Четвертая, это изменение социально-психологических характеристик населения осажденного города. Как правило, в критической ситуации *жизненное пространство индивида раздваивается*. С одной стороны оно, будучи подчинено обстоятельствам данного места и времени, «сжимается». Поскольку современная война все чаще ведется малыми мобильными группами (спецназ, диверсионные подразделения, неопознанные вооруженные формирования), эти обстоятельства часто меняются. Как говорят участники таких операций, в этих случаях надо действовать «по обстоятельствам». С другой стороны, поскольку в современных конфликтах «удаленные» ее участники (государства и их союзы, глобальные медиа, международные благотворительные организации) играют всевозрастающую роль, жизненное пространство пострадавших предельно расширяется, и следить за его изменением они не имеют никакой возможности.

Пятая, сегодня социальное пространство состоит не только из «территорий», зон влияния и т.п., но и из *сетевых структур* (нефтяных и газопроводов), принадлежащих транснациональным корпорациям или государствам, а также из подземных ходов и хранилищ. Это – не что иное, как «геополитические сети», охватывающие почти весь мир. Поэтому и комбатанты, и мирные жители являются сегодня невольными участниками борьбы этих мировых гигантов, которым совершенно нет дела до участи беженцев или вынужденных переселенцев. Но есть и сети невидимые, служащие снабжению бедствующего населения.

Шестая, неправомерно рассматривать проблему социального пространства только в терминах территориального (земного) пространства. Уже отмечалось, что в процессе современной глобализации сформировалось двойственное социальное пространство: материальное и виртуальное. Но есть еще один его аспект, редко рассматриваемый в социологической литературе. Я имею в виду то социальное пространство, которое формируется в ходе перемещения больших масс населения. Я именую его *«поточным» социальным пространством*. Дело в том, что как уже давно показали российские исследователи, в процессе формирования и движения больших масс населения этот поток создает свое собственное социальное пространство. Оно, как правило, быстро меняется (в зависимости от обстоятельств места и времени), может рассыпаться и вновь соединяться, но это уже иное социальное пространство. Его отличительными чертами являются: наличие активного ядра и аморфной периферии, быстрой адаптации к изменяющейся ситуации, быстрое обретение опыта преодоления сопротивления «чужого» социального пространства, в том числе силовыми средствами, и вообще –

обретением навыков самоорганизации в незнакомых обстоятельствах с целью выживания.

То есть, в ходе массового бегства из зон войны и этно-национальных конфликтов (например, в ходе перемещения из стран Ближнего Востока и Северной Африки в Евросоюз), эти навыки совершенствуются. Одновременно происходит и дифференциация этого «поточного» пространства: одни группы стремятся хоть где-то осесть и закрепиться, другие – достичь поставленной цели (получить работу по своей квалификации), третьи – пополняют подпольную сеть экстремистских организаций. Поэтому неверно думать, что мощные миграционные потоки беженцев и вынужденных переселенцев – это некая аморфная масса, которая потом будет организована. Такой поток, со всеми его остановками, препятствиями и новыми обстоятельствами – это тоже школа выживания. Да, это *школа выживания в экстремальных обстоятельствах*, но эти обстоятельства уже не демобилизуют основное ядро миграционного потока, а, напротив, по ходу дела обучают и просвещают.

Наконец, в обыденной жизни индивид или группа живут в трех пространствах: в прошлом, настоящем и будущем. В критической ситуации прошлое не имеет значения, есть только *настоящее время* и желание как-то устроиться на новом месте. Как показал опыт прошедших трех лет надежды сирийских и других мигрантов сбываются, как правило, чрезвычайно редко. Да, в Европе нет военных действий, но есть неприязнь и враждебное отношение коренного населения, безработица или поденщина, проблема будущего своих детей и тоска беженцев по родине. Евросоюз может как-то регулировать этот поток, скажем, посредством «квотирования» количества беженцев по отдельным странам этого союза, но остановить этот поток он уже не может.

Глобальный критический метаболизм

Глобальный критический метаболизм (ГКМ), понимаемый как взаимодействие и взаимное изменение структур и процессов разной природы и масштаба в условиях критической ситуации, есть относительно новый предмет исследования, поскольку до сих пор неизвестно, какая наука или их группа должна их исследовать. До настоящего времени такие взаимные изменения как, например, воздействие изменения климата на общественную жизнь или последствия глобальной ядерной войны, прогнозировались, но эмпирически не изучались. Наиболее продвинутыми являются исследования в сфере «энергетического метаболизма», то есть изучения процессов производства, распространения и потребления энергетических носителей разного вида. Однако эти исследования были выполнены, главным образом, на материале экономически развитых стран Запада. Между тем, метаболические процессы в критических ситуациях имеют свою специфику.

Отправной точкой моего понимания ГКМ является предложенная мною выше концепция глобальной СБТ-системы. Вот некоторые исходные позиции. Глобальная СБТ-система – это взаимодействия разнокачественных структур нашей планеты в ее космической, атмосферной, ландшафтной, подземной и других средах. И это взаимодействие редко носило и носит взаимный и добровольный характер. Далее, «драйверами» СБТ-динамики являются природные, технологические и социальные процессы, которые всегда осуществляются за счет материала и энергии других, более инертных и слабых систем. Важно, что процессы ГКМ имеют «бесконечный» характер. Так, сдвиг, произошедший в одной точке земной поверхности, в космосе (например, резкое усиление солнечной активности) или в циркуляции атмосферных потоков, как правило, порождает «каскад» видимых и скрытых изменений в других средах, причем чаще всего критического характера.

Даже если для человека согласно существующим нормативам и стандартам его конкретная среда обитания для него относительно безопасна, то это не значит, что

процессы ГКМ закончились. Есть изменения быстрые и их последствия видимы невооруженным глазом, а есть медленные и невидимые. Существующие во всем мире службы спасения в чрезвычайных обстоятельствах, как правило, не распространяют свое влияние на процессы адаптации (восстановления, реновации и т.д.) среды обитания и самого человека. Затем, человек своей конструктивной деятельностью постоянно нарушает относительную устойчивость глобальной СБТ-системы. Особую опасность представляет происходящая на наших глазах конкуренция транснациональных корпораций и других геополитических субъектов действия за дефицитные ресурсы и глобальное доминирование. Эта опасность многократно возрастает по мере того, как человек передает техническим устройствам функции мониторинга за глобальными метаболическими процессами и права на их тестирование, управление, регулирование.

В условиях капиталистического рынка эти две функции всегда были и будут подчинены интересам капиталистического накопления и глобальной экспансии данного способа производства. Два ключевых процесса – закономерности поведения глобальной СБТ-системы и ее возможное критическое воздействие на ее отдельные структурные и функциональные элементы, в том числе, на территориальные СБТ-системы, – остаются практически неизученными. ГКМ может изменяться как постепенно, так и резко, в форме качественного скачка. Теоретических инструментов для исследования подобных трансформаций пока нет. Нет и соответствующего инструментария для их наблюдения и фиксации. Все новые проявления ГКМ выявили недостаточность как моно-дисциплинарного, так и локально-ориентированного анализа современных социально-политических процессов.

Некоторые структурно-функциональные характеристики ГКМ я попытался выявить, опираясь на доступные мне теоретические и эмпирические источники анализа ГМ. Вот некоторые результаты этой попытки. Гипотезу У. Бека относительно возможности трансформации «бедствий» в некоторые «блага» подтвердить не удалось. Напротив, повсеместно наблюдаются повышение рискогенности глобальной СБТ-системы в целом и увеличения числа и масштаба критических зон на планете. Далее, если исключить риски типа столкновения Земли с другим космическим телом, то, с моей точки зрения, наиболее потенциально опасными источниками ГКМ являются: глобальный «технический разум», Мировой Океан и его связь с процессами атмосферной циркуляции, таяние вечной мерзлоты, истребление тропических лесов, глобальное накопление потенциала для ядерного удара и глобальные медиа-системы.

Как уже отмечалось выше, и глобализация как процесс всеохватывающих изменений, и функционирование глобальной СБТ-системы носит нелинейный вероятностный характер. В одних случаях, если ее «несущая способность» не превышена, то после глобального метаболического «удара», она может постепенно восстановиться, тогда как в других случаях такой «удар» может спровоцировать целый каскад негативных изменений, вплоть до полной деградации и распада этой системы. Причем этот каскад может носить как обвальный, так и характер медленной, но неуклонной деградации. Беда в том, что сама «несущая способность» системы не является постоянной, она может, как возрастать, так и снижаться вследствие воздействия других факторов. Можно только предполагать, что у каждой из подобных систем есть некоторый предел устойчивости, который также может изменяться. Как установило исследование глобальных рисков, проведенное Глобальным экономическим форумом в 2015–2016 гг., наиболее рискогенные зоны возникают на пересечении «силовых» линий взаимодействия между глобальными игроками или соответствующими им потоками информации, ресурсов, рабочей силы и т.д. То же исследование определило «кластеры» глобальных противоречий, также являющиеся потенциальными источниками глобальных рисков [Global Risk.., 2016].

Метаболические процессы критического характера *в собственно социальной сфере* потенциально представляют собой не менее существенные риски и опасности. Это, прежде всего, утеря человеком и обществом его исторической памяти вследствие непрерывного ускорения темпо-ритмов их жизни. Этот фактор особенно опасен для обществ, живущих «прошлым», то есть соблюдением вековых традиций, обрядов и ритуалов. Преобладанию прошлого над настоящим и будущим способствует консерватизм бюрократического мышления, боязнь инноваций, особенно в социальной сфере, неспособность правящей элиты найти разумный баланс между национальными ценностями и глобальными устремлениями. Далее, как свидетельствуют исследования [Кравченко, 2015], само понятие «отставание» приобретает не только экономический, но и социально-психологический характер. В мире идет размежевание на «далеко продвинутых» и мобильных субъектов инновации и территориально закрепленных консерваторов поневоле [Bauman, 2004]. К тому же, длительные локальные войны и затяжные этно-конфессиональные конфликты консервируют и усиливают противостояние новаторов и консерваторов. Затем, перемещение некоторых центров «притяжения и развития», как, например, сегодня в Китай, меняет направление и структуру массовых миграционных потоков. Что одновременно означает усиление влияния на мир системы ценностей этой великой страны и, соответственно, преобладающего типа социального порядка. За ней вплотную идет Индия и т.д. Напротив, африканский континент является сегодня, за некоторыми исключениями, источником распространения дестабилизирующих и даже разрушительных трендов.

Демографические процессы также могут быть причинами социальных столкновений и источниками выброса гигантских масс энергии распада [Системный мониторинг глобальных и региональных рисков, 2012]. А эта энергия в виде массового потока беженцев в Евросоюз дестабилизировала там социальный порядок и поставила под вопрос адекватность либеральной доктрины его развития. Борьба между интернациональными социально-экономическими процессами и их сосредоточением в рамках национально-территориальных образований нарастает. Оборотной стороной этого процесса является борьба между процессами унификации (стандартизации) социальных процессов и сохранением их национально-культурного своеобразия.

Относительно новым социальным феноменом стало формирование мощной связки международных неправительственных организаций и глобальных медиа. Сегодня каждая из них оказывает сильное влияние на расстановку политических сил и на поддержание глобальной геополитической ситуации на критическом уровне. Эта связка позволяет весьма вольно трактовать данные о военно-политических столкновениях, опираясь лишь на мнения неизвестных очевидцев и случайных свидетелей. Вброс этих данных в глобальные медиа, дает основание лидерам США и других держав принимать решения о нанесении ракетных ударов по «стране-виновнику» или наказывать его каким-то другим образом. Получается, что сегодня решения могут приниматься не на основе фактов, а на основе единичных свидетельств или подтасованных данных. Тем самым, вероятность вооруженных конфликтов резко возрастает. Более того, получается, что арбитрами в принятии судьбоносных для мира решений выступают не международные межправительственные организации и не уполномоченные ими судебные органы, а международные НПО, находящиеся по большей части под контролем США. Вопрос о роли личности в истории глобального сообщества, находящегося в критическом состоянии, требует особого рассмотрения.

Сказанное выше усугубляется быстрым переходом глобального сообщества на рельсы развития, основанного на информационно-коммуникационных технологиях. При огромной мощи глобального института науки нет ни краткосрочной, ни долгосрочной позитивной программы развития глобального сообщества. Максимум что есть – это доктрины информационной, экологической и другой безопасности, которые

регулярно пересматриваются каждые пять–десять лет. Поэтому глобальные и локальные конкурирующие силы все больше действуют по случаю, по ситуации! При этом все «вечные» ценности, которые веками вырабатывало человечество, скорее «символизируются», нежели используются как ориентиры социального действия и геополитики. Возможно, что эти ценности тоже требуют «модернизации». Но почему же тогда нет никакой работы над новыми глобальными ценностями, хотя в современном мире есть множество площадок для публичного диалога на эту тему?

При невероятной мощи современных средств массовой и индивидуальной коммуникации диалога все нет, а есть некоторый набор, сумма мнений. Скорее, идет размежевание, а не сближение позиций. На этот тезис обычно возражают: так как сам мир столь разнообразен, какое же здесь может быть сближение? Но это, по-моему, – путь «в никуда», то есть ведущий к бесконечной цепи все новых противоречий и конфликтов. При этом думающих людей здесь поджидает техническая ловушка: «Вы хотите выработать какую-то общую позицию в отношении перспектив глобализации? Хорошо, давайте тогда договоримся, на каком языке мы будем эту проблему обсуждать. – На английском, конечно! Ведь это уже по факту общепринятый язык международного общения. Вы говорите, что для такого диалога нужны интеллигенты со своей гражданской позицией? Да нет же, ведь мы все сегодня интеллектуалы и прекрасно понимаем суть наших разногласий!». Остается только один, но принципиальный вопрос: А на какой почве, в какой среде может сформироваться эта гражданская позиция?

Но вернемся к тем, по кому глобальная критическая ситуация уже ударила и кого она миновала. Если мигранты из стран бедного Юга используют интернет-коммуникацию в поисках убежища, работы и хотя бы относительной безопасности, то интеллектуалы богатого Севера используют интернет сети для наращивания этого потенциала. На какой почве их позиции могут сблизиться, сойтись? Вероятно, только на почве благотворительности вторых в отношении первых. Сегодня уже очевидно, что глобализация, использующая информационно-коммуникационные ресурсы, развивается все быстрее, существующие институты образования и воспитания подрастающего поколения все более отстают от этого процесса. Этот растущий разрыв можно объяснить только одним образом: растущей бюрократизацией системы образования и переподготовки кадров, которая, как показали недавние расследования, поражена «раковой опухолью» теневой экономики, извлекающей из этой системы немалые доходы. Не есть ли это новая форма противостояния бедных и богатых, «включенных» и «исключенных»?

Выводы

Они – весьма краткие, так как проблема критического состояния глобального сообщества требует более глубокого и всестороннего исследования. Что уже очевидно сегодня? Во-первых, чем мощнее становятся средства взаимного уничтожения, тем актуальней является названная проблематика. Во-вторых, время от ее изучения до принятия решений по снижению международной напряженности неумолимо сокращается. В-третьих, научное сообщество должно вернуть себе роль ключевого агента в формирование геополитики. В-четвертых, для этого оно вновь должно консолидироваться, резко снизив существующие междисциплинарные барьеры. В-пятых, сегодня ученые не могут быть только исследователями, они – одновременно ученые и граждане, ответственные за судьбу мирового сообщества.

Глава 9. Всеохватывающая глобализация – всеобщий мусор

Социологи как-то не хотят признавать, что у современной глобализации есть весьма неприятная оборотная сторона. Глобализация – гигантский производитель отходов. Проблема отходов не может быть сведена к бытовому или промышленному загрязнению или к последствиям войн, природных и техногенных катастроф. Производство отходов – неустранимый элемент любого способа или вида производства. Отходы существуют во множестве видов и форм: загрязнения, радиации, климатических изменений, добычи ресурсов и войн. Вся среда обитания человека становится производителем этих рисков, угрожающих здоровью и жизни человека. Поэтому производство отходов есть глобальная геополитическая проблема.

Год экологии в России закончился, проблем мусора остается

Более того, этот год вскрыл многие теоретические и практические проблемы, которые до сего времени оставались на периферии мировой и российской науки и политики. Как показал опыт Китая и других стран, которые в течение нескольких последних лет быстро наращивали свой валовый национальный продукт, одним из тормозов этого поступательного процесса является как раз интенсивное загрязнение среды обитания, производимое неконтролируемым выбросом в нее все больших объемов промышленных и бытовых отходов. В данной главе рассматриваются лишь некоторые ключевые вопросы производства, распространения и утилизации отходов в рамках общемирового тренда наращивания промышленного производства и стремления к повышению уровня жизни сотен миллионов людей, прежде всего, в так называемых «развивающихся странах». Вместе с тем, отказ президента США Д. Трампа от подписания международного соглашения по климату показывает, что оживление ряда промышленных производств США, ранее выведенных в «третьи» страны, находится в обратной зависимости по отношению к качеству жизни всего населения. Но дело не только в Трампе или в отдельной стране – дело в самой «мусорной» проблеме, имеющей сегодня глобальный характер.

Вопросы методологии и теории исследования

К. Маркс утверждал, что человек живет природой. Это утверждение справедливо и по сей день, но это – лишь одна сторона проблемы. Другая заключена в том, что природа возвращает человеку «долг» в виде бытовых и промышленных отходов, которые не только продолжают участвовать в глобальном круговороте веществ, но и оказывать обратное воздействие на биосферу и процессы общественного производства и воспроизводства человека. Этот процесс, называемый метаболизмом, осуществляется глобально и независимо от воли и сознания человека. Его суть – в постоянно идущих трансформациях, обратное воздействие которых на человека и среду его обитания не всегда можно предсказать. Метаболизм – одна из форм производства отходов, которое может носить самый разный характер: вещественный, социальный, звуковой, физико-химический и т.д. Свалки мусора – это лишь продукт индустриального производства и сформированного им потребительски-ориентированного сознания, но в совокупности всех своих элементов (накопление отходов, их перемещение, захоронение и т.д.) производство мусора есть не только оборотная сторона глобализации. Это также весьма доходный бизнес со всеми присущими ему характеристиками: жестокой конкуренцией, коррупцией, вовлечения в него властных и административных агентов и т.д.

Переход к рыночному хозяйству был поворотным пунктом в проблеме отходов, потому что в крестьянском хозяйстве прошлых веков не было такого понятия, как «мусор». А были отходы крестьянского хозяйства, которые им же в значительной массе и утилизировались, иногда почти на 100%. Градостроители, как и другие современные

технократы, никогда не думают об отходах как о неотъемлемой части любого общественного рыночного производства. Они исходят из того, что всегда найдется «добрый человек», который мусор вывезет со стройки и где-то там захоронит. А если ресторатор в погоне за прибылью разрешает своим посетителям шуметь и запускать музыку на предельную громкость, то это такой же токсин, то есть вред человеческому здоровью, только социально-психологический. Поэтому, подчеркну еще раз, что сегодня изучение глобальных метаболических процессов силами междисциплинарных коллективов становится одним из важнейших направлений глобальных геополитических исследований [Society-Nature Relations across Time and Space, 2016].

К сожалению, 90% городского населения, за исключением тех, кто живет рядом с мусорными полигонами, редко задумывается о том вреде, которые приносят им и всей окружающей среде эти гигантские фабрики отходов. Да, *мусорный полигон – это не только свалка или захоронение отходов, это* ***гигантский механизм****, производящий прибыль и одновременно приносящий вред всему живому*. Это именно тот вид (способ) производства, посредством которого его владельцы получают миллионные барыши! Сбор и захоронение мусора – прибыльный бизнес. В него, в той или иной мере, могут быть вовлечены все уровни городской административной власти, службы надзора, силовики и т.д. И при этом, люди, занимающиеся, мусорным бизнесом, ничего не боятся, ведь все санитарно-гигиенические нормы вывоза и захоронения мусора соблюдаются. Отследить, что именно вывозят ежедневно на свалки сотни мусоровозов, бытовой или строительный мусор, практически невозможно!

Так что вывезти мусор на свалку и где-то его захоронить – это не решение проблемы охраны окружающей среды и тем более не решение проблемы отходов современного производства. *Свалка – это живой организм*, механизмы производства которого вредных и токсичных веществ еще, как следует, не изучены. Но любая свалка не только производит токсины, она еще их и распространяет. Животные, грызуны, бомжи, равно как и ветер, дождь и почвенные воды разносят эти токсины на большие расстояния. И в ходе подобного движения природных процессов метаболизм токсинов продолжается. Так что сводить экологическую проблему к уборке территории никак нельзя, это только обнаружение проблемы, ее первоначальная «инвентаризация».

Напомню еще раз, что радиоактивные отходы, произведенные в результате аварий на Чернобыльской АЭС и на Фукусиме–1, еще не все утеряли своей вредоносной активности. И как бы местные власти и сами жители не старались определить, где еще остались более или менее безопасные места, круговорот веществ в биосфере продолжается, вовлекая в себя все, что вольно или невольно произвел человек, думая, что эти «отходы» для него не представляют опасности. А ведь с изменением климата направление и сила этих токсичных потоков могут измениться. Не меньшую проблему представляет и утилизация отходов. Мало того, что этот процесс требует массы ручного труда для первичной их сортировки, современные технологии пока не могут сделать этот процесс утилизации абсолютно безопасным. Все равно, какую-то часть отходов придется где-то захоронить. А это всегда уже риск, только отложенный надолго, может быть, на века.

Риск загрязнения во времени и пространстве

В одних случаях, это именно отложенный и «долгоиграющий» риск, когда процесс внутренней переработки отходов на мусорных полигонах постепенно порождает все новые и новые токсины. Но кумулятивный эффект этого процесса может проявиться через годы и даже десятилетия. В других случаях, когда человек самостоятельно превращает некоторый природный продукт в «полезный», то есть, как ему кажется, в продукт для дальнейшего использования. Я имею в виду периодически случающиеся «палы», то есть поджоги сухой травы, которые оборачиваются гибелью

людей, скота и имущества. В третьих случаях, накопление кумулятивного эффекта труднопредсказуемо. Например, сегодня околоземное космическое пространство уже настолько замусорено элементами космических аппаратов (например, спутников, отработавших свой срок), что запускать новые спутники на околоземную орбиту становится опасным. Замечу, что скорости «вращения» отдельных частиц мусора в космическом пространстве столь высоки, что их элемент размером всего в несколько миллиметров может сделать серьезную пробоину в теле космической станции ил просто сбить очередной спутник с орбиты.

В масс-медиа циркулируют данные, по которым на территории РФ скопилось более 100 млрд. тонн отходов. В частности, предполагается, что процесс реновации только в Москве (снос старых пятиэтажек, подготовка территории под новое строительство, ее рекультивация, озеленение и т.п.) может произвести 56–60 млн. тонн мусора (Эхо Москвы, 27.06.2017). И это – подсчеты только по их весу, но никак не прогноз их суммарного вреда для жизнедеятельности столицы и страны в целом. Учитывались ли эти объемы мусора при разработке планов реновации, неизвестно. Твердо можно утверждать лишь одно: переход страны и мира в целом на рельсы общества потребления наносит двойной вред: он резко и неуклонно усугубляет расхищение природы (древесины, воды, нефтепродуктов) и увеличивает территории, непригодные для жизни. Но есть и более общие проблемы распространения и переработки отходов человеческой деятельности.

Мир и война – понятия относительные

В течение многих веков жизнь планеты Земля в общественном сознании и политической практике четко делилась на периоды войны и мира. Как ни странно, такое разделение было более всего присуще исторической науке, особенно в школьных учебниках. Однако в военно-политической практике господствовала максима: «Хочешь мира – готовься к войне». Сегодня с развитием информационных способов ведения войны эти два состояния становятся практически неразличимыми. Столь распространенное сегодня в мировой политике понятие «гибридная война» лишь зафиксировало относительность терминов «мир» и «война». Соответственно, само понятие «отходы» перестало связываться с процессами промышленного производства или добычей ресурсов и трансформировалось во всеобщий признак любой человеческой деятельности и даже от независящих от него природных бедствий и катастроф.

В этом смысле вред, наносимый «мирным» производством загрязнений человечеству, ничем качественно не отличается от вреда, наносимого военными действиями или природными авариями и техногенными катастрофами. Вот пример из недавней российской практики. По сообщениям масс-медиа, назревает «мусорный конфликт» между столицей и Московской областью. Власти последней, опасаясь дальнейшего ухудшения социальной и экологической обстановки в области, попросили столичные власти везти московские отходы куда-нибудь подальше. Но это – не решение проблемы, а лишь ее расползание по еще большей территории, не говоря уже об экономических и других потерях, которые возникнут в более удаленных от Москвы областях, например, в Калужской области. А тут еще обнаружилась новая напасть: произошло резкое ухудшение качества питьевой воды в Смоленской и некоторых других областях страны. Причем ухудшение, угрожающее ростом онкологических заболеваний. Откуда? Очень просто: старая местами саморазрушающаяся среда городов и их коммунальных инфраструктур. Ветхость как риск – это естественный результат «усталости» любых предметов и конструкций, созданных человеком. Есть и другие формы отложенного и скрытого от глаз риска. Речь идет о долгом «эхе» войны в виде неразорвавшихся снарядов и бомб, выносимых на поверхность дождевыми или

селевыми потоками, психических или онкологических заболеваниях после ударов бомб с наконечниками из обедненного урана, массовыми потоками беженцев и вынужденных переселенцев и т. д. Несомненно, что геополитика в данной области должна строиться на доверии [Карпова, 2014]. Но политика силы наших оппонентов строится на прямо противоположных принципах: внезапном ударе, открытых угрозах, санкциях и т. п. И использование отходов для нанесения неожиданного вреда вероятному противнику здесь не исключение. Так что реальная геополитика зиждется всегда на диалектической паре «доверие – недоверие».

«Самоторможение» населения планеты?

Не будем трогать Мальтуса и его последователей, обратимся к новейшим концепциям такого «самоторможения». К. Шваб и его сторонники утверждают, что Четвертая промышленная революция приведет к резкому сокращению рынка труда. И этот процесс уже действительно идет в промышленно развитых странах: робототехника вытесняет человека. Где же человек сможет зарабатывать себе на жизнь? А средства на учебу и лечение? На эти вопросы теоретики этой революции не дают ответа. Но его можно вычислить: требуется сокращение рождаемости, возврат к архаическим (не товарным) способам производства средств жизни, однополые браки, стерилизация все большей части населения беднейших стран и т.д. и т.п. Тогда безработных можно будет взять на содержание. Напомню еще раз, что более 15 лет назад З. Бауман ввел понятие «мусорных людей» или «париев навсегда» [Bauman, 2004].

Но самый дешевый способ сокращения народонаселения планеты и одновременно – самый прибыльный для транснационального капитала способ, – это война во всех ее формах и видах. Идея затяжной войны на взаимное ослабление Советского Союза и нацистской Германии открыто высказывалась лидерами Англии и США еще вначале 1940-х гг. Рассекреченные сегодня архивы некоторых ведомств США позволяют утверждать, что американские банкиры и промышленники активно способствовали наращиванию военного потенциала нацистской Германии. И заработали еще больше на послевоенном восстановлении промышленного потенциала ФРГ. Если во времена освоения европейцами Американского континента или полуострова Индостан они просто грабили местное население, то в XX в. и особенно в XXI в. стратегия войны стала более изощренной, «гибридной». Экономическое давление совмещалось с политическим давлением и подкупом, разжиганием этно-конфессиональных конфликтов и локальных войн, экспортом «цветных революций» и т.д. Резон был очень простой: ослабление или полное разрушение сложившегося социального порядка и, как результат, облегчение доступа к новым источниками сырья.

В этой «гибридной» войне масс-медиа играли все большую роль, дезориентируя местное население и навязывая ему ложные представления о реальных интересантах «гибридных войн». Сегодня в мире идет борьба уже не между государствами и их коалициями. «В условиях глобализации, стирания госграниц и подчинения национальных интересов глобальным» *основой современной военной стратегии является регион»*. И автор перечисляет названия военно-стратегических проектов регионального масштаба: Большая Европа, Большой Средний Восток и т.д. А я могу добавить, что уже с начала 2000-х гг. существовал и проект «Большое Черное море». Вот именно поэтому оно и названо «глобальным» [Грачева, 2016: 3]. В условиях глобальной экспансии «народ отчуждается от войны». Как показала серия «цветных революций» в Европе, Азии и Африке, посредством финансирования оппозиции, создания протестных движений и массовых акций насилия население дезориентируется, его потенциал сопротивления резко ослабляется. Для дестабилизации социального порядка и подрывной работы используются не только масс-медиа, но наемники, подпольные или повстанческие силы или оппозиция. Итак,

глобализация как всемирный проект несовместима с национальными интересами и утверждается через их уничтожение. То есть глобализация есть, по мнению западных стратегов и аналитиков, ключевая геополитическая доктрина. Я не призываю все гуманитариев стать геополитиками, но растущая зависимость гуманитарных наук от геополитической и, в частности, практики производства мусора очевидна.

Выводы

В современной концепции рыночного капиталистического производства есть принципиальный недостаток, который мировое сообщество начало осознавать лишь в самое последнее время. И в теории рыночного механизма, и в практике общественной жизни их последняя фаза – утилизация отходов – фактически была просто отсечена. В течение многих веков полагали, что для этого существует необъятная природа, которая сама все сделает, то есть утилизирует. Что всегда есть «где-то там», где можно захоронить все новую порцию отходов человеческой жизнедеятельности. Сегодня это «где-то там» превратилось во всепроникающее «здесь и везде» в форме глобального загрязнения всех сред обитания человека. О чем предупреждал У. Бек еще почти тридцать лет назад. Я имею в виду его концепцию «бумеранга» [Beck, 1992].

В глобальную эпоху индустриализма-урбанизма не признание этого факта – существенный пробел в теории рыночного механизма, потому что в современную химико-технологическую эпоху природа способна утилизировать лишь малую часть производимых человеком отходов, большую часть она возвращает человеку в виде загрязнения и токсинов, рассеиваемых во всех средах его обитания. Характерно, однако, что сегодня учет процессов глобального загрязнения ведется главным образом по конечному результату и агрегированным методом (по странам и регионам). Этот учет не направлен на устранение самого механизма, порождающего загрязнение среды обитания, будь то отдельные сферы производства, города и их сфера потребления, нефтегазовая инфраструктура или зоны множащихся вооруженных конфликтов. Так что, с моей точки зрения, наука должна заниматься не последствиями данного способа производства, а коренными причинами, лежащими в его основе. И главной из них, помимо самой сути рыночного механизма, является модель потребительского общества, в котором «упаковка», будь то индустрия модной одежды или косметики, побеждает сущность, то есть то, что под ней находится. Возразят: вы что, хотите, чтобы как в советские времена шоколадные конфеты продавались на вес? Отвечу: а вы хотите, чтобы ваши дети и внуки умирали от рака или гибли в ресурсных войнах? Чем быстрее глобальная среда обитания превращается из естественной в искусственную среду или просто омертвляется, тем интенсивнее идут процессы загрязнения и разрушения этой среды.

Но даже в мирное время, чтобы выжить в этой искусственной среде, человек должен создавать разнообразные средства защиты, производить воду, продукты питания и другие жизненно- необходимые ему средства существования, на что требуются новые ресурсы, дополнительная энергия, новые виды производства и т.д. *Образуется замкнутый круг.* О чем более 40 лет назад предупреждал американский биолог и экономист Б. Коммонер, который говорил: «Все связано со всем и все куда-то попадает. Ничто не дается даром».

В современную эпоху проблема производства отходов не может быть сведена к бытовому или промышленному загрязнению или только к последствиям войн, природных и техногенных катастроф. Производство отходов – неустранимый элемент любого способа или вида производства. Отходы существуют во множестве видов и форм: загрязнения, радиации, климатических изменений, добычи ресурсов, малых и больших войн. Вся среда обитания человека становится производителем этих рисков,

угрожающих здоровью и жизни человека. Поэтому *сегодня производство отходов есть глобальная геополитическая проблема*.

Выводы по Части II

Их можно представить в виде следующих тезисов. Первый, драйвером современной глобализации является Четвертая промышленная революция, в основе которой лежат новые информационно-коммуникационные технологии, сжимающие социокультурное пространство планеты. Второй, глобализация представляет собой геополитический процесс борьбы за ресурсы и экономическое доминирование. Третий, метод, теория и инструменты изучения глобализации должны соответствовать друг другу. Проблемно-ориентированный и междисциплинарный подход суть ключевые методы ее изучения. Четвертый, наша планета является СБТ-системой. Поэтому дихотомические подходы к ее изучению типа «общество–природа», «мы–они», «фронт–тыл» уже неприменимы.

Пятый, глобализация имеет диалектический характер. Открывая новые возможности в научной и социокультурной сферах, она одновременно порождает всеохватывающие и всепроникающие риски. Поэтому сегодня на земле нет абсолютно безопасных мест, есть только более и менее безопасные места. Шестой, эти риски сегодня генерируются также виртуальной реальностью, которая открывает дорогу «конструированию» ложных рисков и их распространению через СМИ. Седьмой, социально-экологический метаболизм, то есть многосторонние обменные био-химико-физико- и т.д. процессы, является главным механизмом современной глобализации, что также свидетельствует о необходимости ее междисциплинарного анализа. Восьмой, современная глобализация представляет собой борьбу двух начал: унификации и стандартизации и политической и социокультурной локализации в виде государств, их альянсов и местных сообществ. Крупнейшие мегаполисы мира являются фокальными точками этой борьбы. Девятый, разрыв между ускоряющимися темпо-ритмами «мобильной» реальности и нормами и правилами международного социального порядка увеличивается.

Десятый, многосторонняя динамика современной глобализации нуждается в адекватных исследовательских инструментах. Одиннадцатый, борьба за ресурсы и геополитическое доминирование систематически порождает локальные, региональные и глобальные критические ситуации. Их основные отличия: стирание различий между локальными и глобальными рисками, разрушение относительно устойчивых природных и социальных систем, периодическое переформатирование сложившегося международного порядка. Двенадцатый, в этих все время изменяющихся условиях процесс адаптации человека или сообщества теряет свой конечный характер, он становится перманентным, но никогда не обеспечивающим стабильности их существования. Сегодня производство отходов есть насущная глобальная геополитическая проблема.

Часть III
Город, местное сообщество, индивид

Глава 10. Что такое город сегодня

Как уже отмечалось многими авторами, большинство современных городов, малых и больших, уже не являются самодостаточными, то есть изолированными друг от друга образованиями. Городские поселения, так или иначе, связаны между собой в единую систему, которую я назвал глобальной СБТ-системой. Это не означает, что у отдельных городов и поселков городского типа нет специфических, только им присущих черт и особенностей. Однако теоретически все проблемы современных городов желательно рассматривать в рамках концепции «центр – периферия» при том, что центральные и периферийные функции отдельных городских систем могут периодически меняться.

Отличие современного города от городов прошлых эпох состоит в том, что в нем соседствуют и конкурируют локальные (местные) и транзитные (глобальные) функции. Их диалектика заключается в том, что локальные функции, как, например, уникальные культурно-исторические сокровища, специфический городской ландшафт и институции, поддерживающие их функционирование и сохранение, все более объединяются в масштабах страны, региона и мира социокультурными связями и соответствующими системами коммуникации. Тогда как «транзитные» функции городов, как возникающие, например, на основе международного разделения труда, нуждаются в некоторых опорных территориально-фиксированных точках, то есть городах. Таких как, например, властные, финансовые и другие учреждения, обеспечивающие бесперебойное функционирование глобального рынка товаров, услуг и политических институций.

Далее, вследствие постоянно растущей мобильности рынка труда и изменения вектора его динамики, современный город уже не является тем местом, воздух которого, по выражению К. Маркса, делает человека свободным. Если какая-то свобода выбора (места жительства, модели поведения и др.) у человека существует, то она уже не замыкается в территориальных рамках какого-то конкретного городского поселения. Тема «свободы выбора» выходит за рамки данного анализа, но сегодня она уже не решается посредством переездом из деревни в город. Не говоря уже о том, что понятие деревни сегодня сильно социально размыто. Скорее, в ходе современной глобализации образовались два других полюса: потенциально полная включенность в любые сферы деятельности, существующие сегодня, и тотальное исключение отдельных поселений из жизни мирового сообщества вследствие бедности и необразованности его населения, локальных конфликтов и региональных войн. Но также и вследствие того, что новейшие технические системы и устройства вытесняют из сферы общественного производства живой труд («совместный труд», по К. Марксу). И оказывается, что для капиталистического рынка выгоднее иметь армию безработных, находящихся на содержании государства или международных организаций, чем их учить, переучивать, обеспечивать медицинскими и другими услугами.

Получается, что индивид, местное сообщество, город и глобальная СБТ-система все время находятся в динамической взаимозависимости, и, несмотря на возросшие возможности маневрирования природными, человеческими и информационными ресурсами, рамки относительно обеспеченного существования и развития индивида все время сужаются. Чем больше в мире становится перманентных мигрантов, которых мы сегодня их именуем «вахтовиками», тем меньше их интерес к деятельности для сохранения и поддержания городской среды. Фигурально выражаясь, современные города превращаются в «проходные дворы», кемпинги и гостиницы. Это, в свою очередь, означает, что труд по воспроизводству городской среды осуществляется людьми временными и привыкшими к несвободному труду и временному образу жизни. Отсюда результат: городской организм становится все сложнее, его настройка

требует многих знаний и умений, но эта работа выполняется людьми малообразованными и незаинтересованными в качестве выполняемого им труда.

Структурно-функциональные характеристики мегаполисов

Сегодня именно мегаполисы являются теми узловыми точками на карте мира, где глобальные процессы и несущие их сети реализуют свою связь с их территориально-закрепленными функциональными системами. То есть (пока!) одни не могут существовать без других. Более того, эти два структурно-функциональных элемента глобального целого поддерживают и развивают друг друга. Конечно, мегаполисы не могут существовать без развитой территориальной сети связей больших и малых человеческих поселений, но все же ведущими центрами являются именно крупнейшие мегаполисы мира.

Что необходимо нам учесть из близкого и далекого прошлого этих мегаполисов? Во-первых, как материальные (градостроительные объекты) эти мега-города обладают *гигантской инерцией* динамики, которая объясняется их прошлым и настоящим. Эта инерция имеет экономические, политические, материальные и другие основания, которые будут рассмотрены ниже. При всех видимых изменениях (новые дома, улицы, транспортная и иная инфраструктура) эта инерция сохраняется вследствие огромных затрат, которые *уже были* или *будут инвестированы* в эти города независимо от планов их модернизации или экологизации. Инерционность крупнейших мегаполисов мира сложилась исторически, так как вот уже в течение века они являются вершиной всей глобальной вертикали страны. Той вершиной, с которой тесно связаны экономическая и социальная структура конкретной страны. Включая те организационные структуры, которые занимаются контролем состояния ее среды обитания, а также деятельность общественных экологических и других организаций и групп.

Эта совокупность сил и факторов создала одну из наиболее мощных инерционных сил российских и мировых мегаполисов: *строительную индустрию*, которая превратилась из «организации» в социальный институт, в значительной мере управляющий развитием московского и других мегаполисов страны. Если взять только Советский Союз, то начиная с 1930-х гг., когда был принят Генеральный план Москвы, и по настоящее время, эта индустрия (за исключением нескольких лет Отечественной войны) непрерывно и интенсивно развивалась, несмотря на все социально-экономические потрясения и перемены. Этот тренд объясняется несколькими причинами: концентрацией столичных функций в Москве, концентрацией в ней финансово-промышленного капитала и непрерывными вложениями в строительство недвижимости (корпоративной и частной), которая уже давно считается наиболее выгодным вложением «свободных» средств, опять же корпоративных и частных. В частности, эту инерционность можно проследить, наблюдая за персональным составом лидеров индустриальной сферы московского мегаполиса: он очень мало изменился на протяжении последних 20–25 лет. Более того, персональный состав городских властных и экономических структур тоже в значительной мере рекрутировался из числа капитанов этой отрасли индустриальной эпохи. Можно сделать предварительный вывод, что *строительная индустрия является «транзитной» отраслью общественного производства*, которая мало зависит от смены его форм. Если в 1950–2000-х гг. делался упор на индустриальное строительство «квартирных» форм жилищного обеспечения, то сегодня эта отрасль все более переориентируется на индивидуальное жилищное строительство и создании соответствующей инфраструктуры.

Другим важнейшим фактором развития мегаполисов является *городская земля.* В советские годы, когда эта земля была государственной собственностью, ею

распоряжались партийно-государственные структуры и наиболее мощные экономические и оборонные ведомства. С переходом к рыночной экономике эта земля обрела стоимость, которая возрастала из года в год, причем за владение и распоряжение ею идет жестокая борьба между основными игроками, как экономическими и политическими, так и административными структурами всех уровней. Более того, чем быстрее росла Москва, тем дороже становилась городская земля, и тем ожесточеннее шла борьба за владение и распоряжение ею, как в центре города, так и в его ближних и дальних пригородах. Сегодня городская земля не менее привлекательная сфера финансовых вложений, чем строительная индустрия.

Однако городская земля как таковая – понятие неопределенное. Поэтому в течение последних 20 лет шла открытая и невидимая борьба за создание системы кодификации земельных угодий, выгодной новым российским и зарубежным капиталистам. Отсюда, например, – многолетняя борьба между государственными ведомствами и структурами гражданского общества за пересмотр всего экологического законодательства РФ и, в первую очередь, Лесного Кодекса РФ. В его новой редакции, в конечном счете, фактически были сняты строгие границы между разными категориями городской земли, чем был в значительной мере ослаблен защитный Лесной Пояс вокруг столицы. Примерно в том же направлении действовал и новый Градостроительный Кодекс, переводя все новые и новые категории пригородных земель из лесозащитных территорий в земли под городскую застройку и хозяйственное использование. Вместе с тем, давление частного капитала на различные особо охраняемые природные территории (ООПТ) все время усиливалось. Хронологию истории борьбы российских «зеленых» против нового Лесного Кодекса можно посмотреть в [Yanitsky, 2000].

Другая сторона проблемы городской земли – это *развитие городских инфраструктур* и, в первую очередь, дорожной сети под воздействием массового автомобилизма, что имело двойной негативный эффект. С одной стороны, оно требовало все новых земель под строительство новых автострад, с другой стороны, их строительство и интенсивная эксплуатация загрязняла почву и городскую атмосферу. Как бы там ни было, с развитием идеологии потребительского общества за экологическое состояние современного мегаполиса стало очень трудно бороться, так за этим процессом стоят мощные международные автоконцерны и городская строительная индустрия. Это – еще один *пример метаболизма столичного мегаполиса*: капитал, производя автомобили для массового потребителя, получает прибыль, дороги и движущийся по ним автотранспорт вытесняет жилую застройку и зеленые насаждения (open spaces), атмосфера и почвы загрязняются, грязные и токсичные стоки попадают в пригородные реки и озера и т.д.

Третья сторона земельного вопроса и развития мегаполисов в целом – это быстрый и слабо контролируемый *процесс субурбанизации* вследствие развития общественного и индивидуального жилищного строительства на пригородных землях. Опять же, вследствие действия логики капитала, стремящегося к минимизации своих затрат, эта застройка велась, прежде всего, не на заброшенных совхозных землях, а в «чистом поле», вдоль рек и озер или посредством вырубки пригородных лесов под видом так называемых рубок ухода или «расчистки» выгоревших лесов, что имело преимущественно антропогенное происхождение. Естественно, что такое массовое строительство ведется, прежде всего, на территориях к западу и юго-западу от столицы как наименее затронутых индустриальными процессами и потому более благоприятных в природном отношении.

Изучение случая

Чтобы не быть голословным, проведу небольшое изучение случая. Характерно, что *генеральный план «Большой Москвы»* (другое название «Новая Москва»), принятый в 2011 г., предусматривал увеличение территории этого мегаполиса в 2,4 раза (население присоединенных территорий должно было возрасти на 1,3 млн. чел.) и создание на них ряда округов с выраженными столичными функциями. Предполагаемое расширение городских территорий имело четкий юго-западный вектор. И это еще один признак нынешнего этапа градостроительной политики. Дело в том, что развитие «Большой Москвы» именно в этом направлении мотивировалось относительно слабой урбанизированностью предполагаемых новых территорий. То есть вместо сохранения этого, относительно экологически чистого «коридора», обеспечивающего приток свежего воздуха с юго-западного направления, предполагалось его закрыть новой застройкой. По плану «Большой Москвы» предусматривался вывод ряда организаций государственного значения за пределы «старой Москвы».

Однако, как выяснилось позже, эта территориальная децентрализация властных структур противоречила самой логике централизованного развития нашего общества и потому, по факту, была отвергнута. Как отмечали ученые-географы и представители общественных организаций, план «Большой Москвы» это был, прежде всего, бизнес-проект, а не проект, направленный на решение экологических проблем города. Освоение новых земель и строительство жилых и общественных зданий и их инфраструктуры для обеспеченных граждан сулило огромные прибыли для девелоперов и строительных компаний. Можно лишь предполагать, что осуществлению этого мега-проекта помешали такие факторы, как нежелание властных и бизнес-структур расставаться с уже обустроенными зданиями и сооружениями (всякий переезд нарушает ритмичную работу любых организаций) в центре города, а также соображениями безопасности.

Не менее интересна и идеологическая и политическая подоплека проекта «Большой Москвы». В результате дискуссии о «социалистическом городе» 1929–1931 гг., которая была международной и в которой участвовали десятки студентов, ученых, общественных и политических деятелей, включая А.В. Луначарского и Н.К. Крупскую. Суть той долгой и массовой дискуссии состояла в том, что она была связана с «идеологией развития» человека и среды его обитания, с задачей работы советского общества на перспективу, чего в проекте «Большой Москвы» практически нет. Поэтому это, скорее, не проект, а некая новая административная утопия. Причем утопия, не учитывавшая ни реальных потребностей будущих переселенцев, ни новых технологий, развиваемых Четвертой промышленной революцией. В результате «административной» дискуссии был принят Генеральный план г. Москвы. Этот план, хотя внешне и был ориентирован в будущее, но по факту он сохранил исторически сложившуюся «концентрическую» планировку города.

Рамки экологических и градостроительных «новаций»

И ранее и сегодня, все подобные «новации» находятся в жестких рамках трех тесно связанных между собой сил: городских властей, сетевых транзитных и городских инфраструктур и инженерно-строительной индустрии. В этой триаде архитектору практически нет места за исключением индивидуального строительства в пригородах. Но в этой сфере градостроительства сегодня *правит бал не архитектор, а девелопер* и индивидуальные предпочтения потенциальных заказчиков. Более того, пригородные микрорайоны проектируются и функционируют как замкнутые пространства, никак не связанные с общим «зеленым» генпланом города. В этих условиях «пространство» принятия общих для мегаполиса экологически значимых решений еще сокращается.

Ситуация, сложившаяся сегодня на территории «Большой Москвы», пример того, как зеленое богатство этого огромного региона постепенно деградирует. Сегодня, вслед за западными урбанистами, известный российский теоретик архитектуры И. Лежава предлагает строить «линейные города», то есть городские поселения вдоль транспортных коммуникаций (прежде всего, вдоль скоростных железнодорожных линий), от которых будут отходить местные дороги. Во времена царской России такое строительство велось довольно интенсивно. Но тогда это были, все же, рабочие поселки вдоль линий железных дорог, а не большие города. Или же Лежава предлагает упразднить большие города вообще?

Однако возникает фундаментальный теоретический вопрос: *правомерно ли вообще разрабатывать такие отдельные фрагменты расселения вне общей его концепции?* На мой взгляд, нет, не правомерно, тем более в условиях, когда российские мегаполисы включены в глобальную геополитическую «машину» со всеми ее потоками и противоречиями. Иной раз подобные фрагменты просто завораживают своей простотой и элегантностью, но тут же рассыпаются в прах, как только пытаешься их встроить в уже существующую систему расселения. В течение 2014–2017 гг. Объединенная Европа уже испытала на себе удар потока мигрантов и стран Африки и Ближнего Востока. Нет никаких гарантий, что Россия не подвергнется такому же нашествию из Украины или Средней Азии.

Важной чертой ментальности энтузиастов «бумажной архитектуры» был *когнитивный диссонанс.* С одной стороны, они находились под влиянием идей и проектов российского авангарда. С другой стороны, архетипом их проектных замыслов была идея «домов нового быта» 1920–1930 гг., причем сама идея обобществления быта горожан хорошо коррелировала с коллективистскими установками коммунистической идеологии. С третьей стороны, надо было чем-то защититься от нападок в конструктивизме и «бумажном проектировании».

Другим важным этапом в развитии градостроительной мысли в СССР был «Новый элемент расселения» (НЭР), разработанный группой студентов-старшекурсников МАРХИ в 1959–1961 гг. под руководством известного архитектора 1930-х гг. проф. М.О. Барща (я у него тоже учился) и под покровительством ректора МАРХИ проф. И.С. Николаева. Интересна *социально-политическая подоплека этого проекта*, то есть воздействие на умы студентов нового социально-политического контекста.

Вот его основные характеристики: фактическое падение «железного занавеса», во всяком случае, в сфере градостроительства; отказ от «излишеств» сталинского ампира; контакты с ведущими западным урбанистами; возможность выезда студентов и преподавателей за рубеж и т.д. Важна была также ментальная связь молодого и старшего поколений урбанистов, которые спустя 30 лет все еще находились под влиянием идей Ле Корбюзье и других идеологов европейского урбанистического авангарда. Книга, написанная этими вчерашними студентами, ставшими позже именитыми архитекторами [Гутнов и др., 1966], была переведена на многие иностранные языки. Но этим все дело и кончилось.

«Новый элемент расселения» так и остался *«бумажной архитектурой»*, хотя и наделал много шума, так как *он никак не был связан* со сложившейся к тому времени реальной системой расселения. Такое модельное проектирование характерно для работ, представляемых на международные выставки. Там НЭР успешно присутствовал. Но никакой попытки встроить его в реальную экономическую, социально-экологическую и иную среду обитания России, включая ее инженерную и коммуникативную инфраструктуру, предпринято не было. Это означало, что созданный еще в 1920-е гг. разрыв между реальным созиданием среды обитания и «бумажным проектированием» продолжает расширяться.

Для того чтобы «закрыть» этот разрыв, в группе молодых проектантов, создававших НЭР, появился философ и социолог Г. Дюментон, который помог его создателям подкрепить их архитектурно-планировочную идею ссылками на классиков марксизма-ленинизма. В результате *на практике появилась эклектика*, сочетавшая никак не совместимые идеи. Это хорошо видно по реализации проекта реконструкции Старого Арбата в центре Москвы, а также ряда улиц в районах новостроек, которые как раз и делали бывшие участники НЭРа. К этому надо добавить объективную трудность практического осуществления идей НЭРа и ему подобных «бумажных» проектов: развитие массового панельного домостроения, которое в силу своей стандартной индустриальной природы сводило на нет все усилия проектировщиков по индивидуализации городской среды. То есть идея «города будущего» по-прежнему ограничивалась «бумажным проектированием».

Начавшееся в 1950–1960-х гг. экспериментальное строительство в Москве постепенно сворачивалось, так как оно предполагало разнообразие архитектурных форм, чего строительная индустрия никогда не терпела в принципе. В конечном счете, в конце 1960-х гг. была реализована идея Н.С. Хрущева: разделить градостроительную деятельность на «архитектуру», то есть здания и сооружения, построенные по индивидуальным (заказным) проектам, и на «простое», то есть массовое жилищное строительство. С совместным прессом коммунистической идеологии и строительной индустрии связано и то обстоятельство, что никто из создателей НЭРа не стал великим урбанистом, как Ле Корбюзье, О. Нимейер или К. Доксиадис. Не стали не потому, что не хватило таланта, а потому что у них не было ни необходимых ресурсов, ни возможностей для индивидуального творчества и столь же необходимого натурного эксперимента.

Но есть еще один принципиальный недостаток в концепциях, подобных НЭРу или «Городу будущего» Э. Говарда. Я имею в виду их статичность или слишком упрощенное понимание их возможной динамики. Как-то само собой предполагалось, что в СССР / России места много, и города, какими бы они ни были, могут территориально расширяться до бесконечности. Частично критика такого взгляда была дано американским специалистом в области урбанизма и системной динамики Д. Форрестером. Конечно, города могут расширяться, но в процессе их территориального расширения происходит изменение их структурно-функциональной организации. Как уже отмечалось в предыдущих главах, развитие глобальных информационно-коммуникационных систем вообще коренным образом изменило наше представление о том, что есть развитие мегаполиса или любого другого человеческого поселения. Сегодня мегаполис не может развиваться посредством мультипликации его однотипных элементов (микрорайонов, пригородных поселков коттеджного типа и т.д.). Буквально на наших глазах Москва резко изменила свою структурно-функциональную организацию. И для того, чтобы это понять, не нужно никаких масштабных урбанистических исследований. Достаточно проехать по нескольким радиальным линиям метро или автострадам, чтобы на себе ощутить масштаб непрерывно происходящих перемен.

Некоторые тренды

Сегодня в территориальной организации российского общества наблюдаются две противоположные тенденции. С одной стороны, финансовые и лучшие человеческие ресурсы стягиваются в Москву, Санкт-Петербург и еще несколько крупнейших городов. То есть так называемый «столице-центризм» усиливается. С другой стороны, за пределами этих мегаполисов все чаще образуется «человеческая пустыня», поскольку население деревень и малых городов живет или работает в немногих крупных городах. Последнее, кстати, чревато миграционным кризисом. Силой,

частично уменьшающей негативный эффект этих процессов, становится вторичная урбанизация, проявляющаяся в форме освоения горожанами пустошей и заброшенных сельскохозяйственных земель [Pokrovsky, 2012]. Однако на данный момент это освоение носит главным образом рекреационный характер и к тому же обременено конфликтами между временным (сезонным) и коренным населением обширной российской периферии. В сельскую местность «продвинутые горожане» переселяться навсегда не собираются.

Еще один важный тренд – это «уход» все большей части населения мегаполисов в виртуальный мир, в котором их современный житель чувствует себя более комфортно, безопасно, а главное – потенциально обладает неограниченным выбором коммуникации, профессиональных возможностей, вариантов обучения, рекреации, медицинского обслуживания и т.д. То есть наблюдается новое разделение на «верх» и «низ», когда обеспеченный верх, благодаря своей мобильности обладает возможностью почувствовать себя «человеком мира», тогда как бедный низ остается замкнутым в ограниченном пространстве местных возможностей. И маятниковая миграция «дом-работа-дом» рамок этого выбора не расширяет. Наконец, межпоколенный разрыв увеличивается с каждым днем. Подростки и молодежь, быстро овладевая многими видами информационных технологий, становятся молодыми технократами, а старшее поколение «остается» в прошлом веке, чему немало способствуют российские масс-медиа, широко пропагандируя подвиги советских людей в Великой отечественной войне. Это – необходимо, но сегодня уже недостаточно. Нужны социокультурные скрепы, объединяющие прошлое, настоящее и будущее страны и ее городов.

Выводы

Этот краткий экскурс в историю и теорию российского градостроительства показывает, насколько тесно эти процессы связаны с ключевыми этапами развития СССР / России, и, в частности, со степенью и характером их включения в глобальные процессы. Базируясь на междисциплинарной, контекстуальной и активистской методологии, я старался показать в этом кратком экскурсе в историю и теорию отечественного градостроительства, что их развитие представляет собой нелинейное взаимодействие целого комплекса сил. Главными из них являются способ производства и его взаимодействие с наукой, государственные институты, профессиональные гражданские организации и сама социальная и природная среда города, сформированная в результате длительного исторического процесса. На основе моих собственных многолетних исследований были выявлены семь периодов эволюции этой связки: 1900–1920, 1921–1941, 1941–1953, 1954–1975, 1970–середина 1980-х гг., 1985–1999 и начало 2000-х гг. Такая периодизация обусловлена изменением социального порядка, институциональными трансформациями, сменой поколений теоретиков и активистов, доступом к ресурсам, влиянием национального и глобального контекста и т.д. [Яницкий, 2016]. Сегодня мы являемся свидетелями нового, восьмого этапа этой эволюции.

Социология города – комплексная наука, базирующаяся на проблемно-ориентированном и *междисциплинарном анализе* своего предметного поля. Однако сегодня выделение социологии города в качестве одномерной дисциплины некорректно, поскольку такое выделение противоречит интегративному характеру градостроительного процесса. Если мы признаем исторический процесс целостным, то и его агенты становятся для нас комплексными и «системными», требующими для своего изучения взаимодействия наук. Отсюда возникает малоизученная проблема социальной (экономической, политической, культурной) *интерпретации* форм воздействия контекста на обсуждаемую связку.

Городская среда – это источник риска. По мере превращения городов в искусственные образования, они становятся все более рискогенными, все более нуждающимися в наблюдении, ремонте и т.д. Сегодня мир находится в состоянии *всеобщего* (*всеохватывающего*) *риска*, вследствие чего зависимость теории и практики градостроительства от глобальных рисков постоянно растет. *Социальная среда городов обладает способностью порождать новых акторов:* гражданские инициативы и движения, клубы, НКО – и систематически продуцирует самые различные формы «знания–действия».

Всякий агент социального действия, преследуя свои интересы, вынужден одновременно учитывать и состояние среды, в которой он действует. Среда, даже самая «нейтральная», может сопротивляться. В этом заключается *диалектика их взаимоотношений*. В эпоху развития информационных технологий и сетевых систем понятия актора и его среды становятся относительными, поскольку сети тоже можно рассматривать в качестве коллективного социального деятеля. Связь «агент действия – среда обитания» носит временный и вероятностный характер, так как у всякого случая их взаимодействия есть свои «до» и «после».

По моему мнению, уже наступивший новый этап эволюции градостроительных идей и концепций будет все более подчинен эколого-климатическим трансформациям. Если, по мнению некоторых аналитиков, глобальное потепление еще не началось, то очевидно, что уже сегодня природные аномалии по масштабу их социальных и экономических последствий уже вполне сравнимы с самыми жестокими региональными войнами. А по скорости формирования этих аномалий, степени их изменчивости и непредсказуемости климатические «атаки» уже превосходят региональные войны и конфликты.

Глава 11. Проблема адаптации к переменам

В основе предлагаемого здесь направления социологических исследований лежат представления об адаптации в условиях разнонаправленной динамики обществ, включенных в глобальную мир-систему, а также концепция «общества всеобщего риска». Предметом исследования здесь являются: понимание самого термина адаптация в этих новых условиях; силы, генерирующие новые состояния среды жизни; диспозиция этих сил, их ресурсы и политическая мощь; их ценностные ориентации, стратегия, тактика и репертуар действий акторов; формы и степень адаптации к критическим ситуациям населения и пост-критические состояния местных сообществ. Необходимыми предпосылками развития данной отрасли научно-практического знания являются: постоянное взаимодействие представителей естественнонаучных и гуманитарных дисциплин, тесный контакт государства и гражданского общества; способность междисциплинарных коллективов попеременно играть роль инсайдера и аутсайдера в отношении конкретной критической ситуации; длительный перманентный мониторинг ее эволюции.

Введение

Адаптация – вечная тема социологического, политического, конфессионального, философского и культурологического анализа. Одновременно адаптация – насущная междисциплинарная проблема. Сколько будет существовать мир, столько нужно будет ее изучать. Сам термин «адаптация» имеет множество коннотаций: например, как-то: приспособиться, прижиться, спрятаться или стать полноправным членом новой среды. Или же, напротив, адаптироваться посредством постепенного создания своего национального или конфессионального анклава. Или – адаптировать новую среду к своим собственным интересам и порядкам. Наконец, что адаптация: повышает или

сокращает социокультурное разнообразие, ужесточает или смягчает социальное напряжение в обществе? Кто именно и с какой целью адаптируется? И к какой именно жизни стремится адаптироваться индивид: к законной, легальной или же к жизни «по понятиям»?

Проблема форм и способов адаптации к критическим ситуациям представляется мне более чем своевременной, потому что мир меняется *быстрее*, чем люди успевают это осознать и, тем более, приспособиться к этим изменениям. Мы стоим на пороге биотехнологической модернизации, то есть очередной научно-технической революции, тогда как плоды революции информационной еще нами далеко не освоены. К тому же, перед российским обществом стоит двуединая задача ре-индустриализации и быстрого вхождения в «цифровую» эпоху. Периоды «кондратьевских волн», меняя свою природу, становятся все более короткими и все менее предсказуемыми. Исламское государство Ирака и Леванта, эпидемии вирусов Эбола и резкие колебания климата, сопровождающиеся наводнениями, засухами и ураганами, стали глобальными проблемами буквально за последние год-два. И к ним нельзя «адаптироваться» – с ними надо бороться, а время на принятие решений сокращается.

Другая новация – это направленное формирование западными глобальными игроками зон «управляемого хаоса», которые, как оказалось, стали не только неуправляемыми, но и превратились в генераторы мощных радикальных движений в разных частях мира. То есть создание массы колеблющихся, растерянных, испуганных людей рассматривается создателями доктрины «управляемого хаоса» как инструмент завоевания мирового господства. Созданные западными масс-медиа образы «империи зла», «государств-изгоев», а также концепция «мультикультурализма», хотя и не дали желаемого результата, но нанесли ощутимый вред, плодя маргиналов и социальные конфликты по всему миру.

Следующая новация – это новый этап глобальной борьбы за передел мира, за ресурсы планеты. Те, кто считал, что «эко-социология» – это второстепенная социологическая дисциплина, надеюсь, теперь поймут, что они ошибались. Уже эмпирически доказано, что если Китай, Индия и другие страны юго-восточной Азии достигнут уровня потребления энергии в США, то потока солнечной энергии просто не хватит для обеспечения жизни других стран и народов. На планете становится все меньше мест, пригодных для относительно безопасной и здоровой жизни. А если учесть «зарытые» в землю или циркулирующие в биосфере риски, то таких мест будет еще меньше. Так или иначе, *мы должны адаптироваться к жизни в условиях дефицита ресурсов и растущих опасностей*.

Еще одна серьезная проблема – это рост числа потенциально неадаптированных людей (инвалиды детства, наркоманы, алкоголики). Это весьма многочисленные, но далеко не единственные группы риска. В мире и у нас быстро растет число «лузеров». Западные либеральные теоретики и политики полагают, что их можно просто содержать на пособие. Но это – глубокая ошибка. Те, кто многие годы и, тем более, несколько поколений жил на пособие, не только теряют свое «Я» и свой социальный капитал, но и становятся участниками радикальных движений, членами религиозных сект или – вообще «уходят в себя», то есть де-социализируются. Но и без «лузеров» численность потенциально неадаптированных к современной жизни людей в мире растет. Современный капитал шаг за шагом сокращает социальные гарантии для наемных работников, переводя их в категорию контрактников, временно занятых, фрилансеров и т.д. Российским социологам здесь тоже есть, о чем подумать. В частности, в какой мере общественные инициативы и движения являются инструментом адаптации и вторичной социализации?

Пятая проблема – это «сетевые люди», то есть растущая группа «граждан мира», которые в принципе не адаптируются к конкретной социальной среде или лишь

символически обозначают такую адаптацию. Какова их идентичность и как она соотносится с национальными моральными нормами и правилами? Какие потери несет национальное государство, когда часть его населения фактически выпадает из существующей национальной культуры и социального порядка? Но данная проблема актуальна также и для нашего общества: если давление силовых структур на ячейки гражданского общества превышает некоторый порог, то его активисты «уходят» в виртуальный мир. Обратная сторона этой медали – это «ловцы человеческих душ», то есть сети вербовщиков, набирающих рекрутов по заказу частных вооруженных формирований и криминальных групп. Бедные, безработные, сектанты, религиозные анклавы – их потенциальная питательная среда. Поэтому я предлагаю различать адаптацию как встраивание, вживание в некоторую социальную среду и адаптацию как чисто символический процесс, как мимикрию.

Шестая – это сотни тысяч потенциальных неадаптированных людей из неблагополучных семей, детдомовцев, из числа беженцев и вынужденных переселенцев, тех же наркоманов, членов молодежных клик и банд и просто тех, кто был лишен дома, семейного тепла, всего того, что я назвал выше первичной социально-экологической структурой. Закон «отрицательной селекции» или иначе неизбежного ухудшения человеческого материала, открытый П. Сорокиным почти сто лет назад, продолжает действовать и сегодня [Сорокин, 2003]. Но важен и «эффект бумеранга»: добровольцы или боевики, возвращаясь с очередной войны, могут превратиться в волонтеров криминального мира, разрушающих прежнюю среду жизни.

Седьмая проблема – это все еще существующее непонимание некоторыми политиками и социологами того факта, что любая природная, техногенная и социальная среда жизни есть также социальный актор. Это люди, организации, институты, психологическая атмосфера и сама жилая среда. Этот сложный социальный актор не только «адаптирует» мигрантов к себе, но прямо и косвенно влияет на число прибывающих, на формы и сроки их адаптации к новым условиям. Существенно, что это влияние может быть как непосредственным, так и отложенным. Или, напротив, «взрывным». Если же среда отторгает приезжих, то возникает проблема их ре-адаптации. Как именно они, возвращаясь домой, адаптируются? Или же они адаптируются посредством превращения в перелетных «диких гусей»?

Но в современных условиях необязательно становиться «дикими гусями». Одним из мощных средств современной «мягкой силы» является направленная ре-адаптация (ценностная и поведенческая переориентация) как коренных жителей, так и мигрантов, с целью раскачивания, разрушения существующего социального порядка. Например, для их превращения в заложников, в «живой товар», в потенциальных борцов с существующими в данной стране или за ее пределами политическими режимами для их «размягчения» и дестабилизации. Именно для этого создаются частные вербовочные сети. Но и накопление в городе и обществе вполне «мирных» неадаптированных граждан потенциально является фактором дестабилизации существующего социального порядка.

Еще раз о теории

Сегодня человечество перешло в следующую фазу своего бытия: мир в целом, превращаются в *общество всеобщего* и, что не менее важно, *всепроникающего риска*. Это значит, что на планете производство рисков «обгоняет» производство необходимых человеку благ, превращая их в опасные для человека силы и отходы. А также что на Земле уже не осталось абсолютно безопасных для жизни человека и природы мест: есть места только *более или менее безопасные*. Некогда относительно стабильный, промышленно-развитый и богатый Север планеты сегодня постоянно подвергается инвазии обнищавших и потерявших кров огромных масс населения её

Юга, тем самым угрожая разрушением социального порядка и культуры Севера. Далее, «несущая способность» среды обитания человека давно превышена. Поэтому она все чаще превращается из поглотителя рисков в их производителя. Поскольку биосфера не имеет границ, происходящие в ней метаболические процессы несут угрозу здоровью и жизни людей, живущих на расстоянии в тысячи километров от места катастрофы. Причем степень этой угрозы может даже возрастать при движении носителя опасности в разных средах, например, радиоактивного загрязнения [Яницкий, 2013]. Любое критическое состояние местного сообщества, региона или общества в целом есть потенциально риск для его социального порядка и импульс к формированию нового, ранее неизвестного.

В российском обществе предпосылки для не-адаптации сложились исторически. В течение пяти веков в нем, по существу, господствовала триада: мобилизационная идеология, мобилизационная экономическая политика и минималистская практика воспроизводства населения и среды его жизни. Систематическое воспроизводство народонаселения страны и среды его обитания никогда не было приоритетным – к ним относились как к естественно возобновляемому ресурсу, который можно было систематически использовать. В течение многих десятков лет наше общество жило в условиях перманентной мобилизации (Первая мировая, гражданская и Великая отечественная война, индустриализация и коллективизация, «пятилетка в четыре года», «встречные планы», «великие стройки коммунизма», практика сверхурочных работ, дополнительные займы, «реформы», периодически обесценивавшие накоплений населения и т.д.). Революционные повороты, войны и следовавшие за ними восстановительные процессы лишь воспроизводили названную триаду. Низовые инициативы (само-мобилизация) поощрялись, но только в рамках про-государственной мобилизационной идеологии.

Эта идеология и соответствующая ей политика реализовались в вертикальной (иерархической) структуре социальных институтов, детерминировавших поселенческую систему страны. А через нее – и в управлении процессами адаптации. Поселенческая система была построена на примате отраслевых систем промышленного производства над территориальными институтами социально-культурного воспроизводства: «вертикальные» институты государства планировали и командовали, а «территориальные» обеспечивали выполнение идущих сверху планов и директив, причем, как правило, по максимуму («пятилетка в четыре года», «встречные планы» и т. п.). По существу, вся послевоенная государственная политика в отношении воспроизводства природных и человеческих ресурсов была «минималистской». Однако и позже для ресурсно-ориентированной экономики люди и среда их обитания были ресурсом, который всегда можно восполнить экспортом нефти, газа, зерна или минеральных удобрений, а при необходимости – человеческим материалом невысокого качества (гастарбайтерами, вынужденными переселенцами, искателями легкой наживы и другими «кочевниками»). Что и происходило в течение многих лет.

Как уже отмечалось, в экологии есть понятие «несущая способность экосистемы», которое вполне применимо к современным системам жизнеобеспечения и их практической реализации в форме поселенческих систем, которые, по существу, являются суперсложными СБТ-системами. Хронические «сверх» и «недо» – сверхцентрализация, коррупция, невнимание к процессам накопления отходов и рисков в среде обитания, недофинансирование, невыплаты зарплаты, нежелание местной бюрократии поддерживать процессы низовой самоорганизации – привели, в конечном счете, к тому, что эти системы становились не только все более уязвимыми для внешних угроз, но и внутренне рискогенными. То есть, превращались в источник опасности для населения и среды его жизни. Процессы социальной поляризации

общества и уменьшения его социального разнообразия – важные «маркеры» возникновения критических ситуаций.

Диверсификация траекторий общественной динамики означает, что и траектории «не-адаптации» в результате изменения среды жизни будут различными. Так, в первом приближении это состояние в различных общественных системах будет определяться по-разному. Например, для РФ – это состояние будет определяться невозможностью обеспеченного существования и реализации жизненных планов всего населения. Для развитых стран Европы – невозможностью реализации индивидуального жизненного проекта. Для городов Африки и части Юго-Восточной Азии – невозможностью сохранения привычного (традиционного) образа жизни и/или невозможностью получения минимальных средств существования (of livelihood), доступа к образованию и критическим ограничением их гражданских прав и свобод. Отсюда – и *разные модели адаптации* к изменяющейся среде. Поэтому, повторю, что критические ситуации и способы адаптации к ним необходимо изучать в каждом конкретном случае, потому что с течением времени и люди, и среда их жизни могут изменяться, причем чаще всего, непредсказуемым для них образом.

Сказанное не означает, что не существует общих вопросов теории критических состояний, порождающих состояния не-адаптации. В глобальном социуме все критические состояния должны рассматриваться в контексте всепроникающих рисков, порождаемых современным *способом производства.* Эти состояния нужно рассматривать как комплексные и динамические, то есть как результат взаимодействия собственно критических состояний среды обитания конкретного поселения и живущих там людей с экстерриториальными экономическими и властными структурами, регулирующими взаимоотношения людей и среды их обитания. Эти состояния зависят от типа социального порядка и нормативно-властной структуры социума, в который они вписаны. Всякое критическое состояние есть результат борьбы разнонаправленных сил: местных, региональных, федеральных и внешних. Плюс – происходит также активизация негативных по отношению к существующему порядку сил: криминала, коррупции, мобилизация квази-патриотических и радикальных групп и т.д.

Поэтому проблему адаптации к критическим состояниям среды их обитания я предлагаю изучать в контексте меняющегося состояния глобального социума. В частности, в зависимости от соотношения сил ключевых мировых игроков, форм и степени напряженности их геополитической борьбы. Напомню, что всякое «критическое состояние» имеет тройную зависимость: от состояния и эволюции глобального контекста, от внутреннего состояния и динамики «критического состояния» города, региона или общества в целом и от типа личности индивида, его жизненных планов, ресурсной обеспеченности и т.д. Следовательно, надо изучать расстановку всех внешних и внутренних сил, в совокупности создающих некоторое «критическое состояние» in situ.

По своей сути, теория адаптации к критическим ситуациям и средам – *активистская* и *проблемно-ориентированная*, то есть исходящая из предпосылки, что любая «критическая ситуация» есть результат диалога, конфликта или борьбы между внутренними и внешними силами. А объективный социологический анализ таких состояний и публичное обсуждение их результатов – залог их преодоления. Далее, динамика всякого «критического состояния» – не линейный процесс. Он может иметь «пороговые значения» (например, превышение несущей способности среды обитания данного поселения), «поворотные точки» (точки бифуркации), когда некоторое «критическое состояние» переходит в качественно новую фазу, «неожиданные последствия» (как это происходило с некоторыми цветными революциями в Азии и Африке). Этот процесс может даже заканчиваться ситуацией «полного распада»

социального организма с появлением, так называемых мертвых городов и деревень. Тогда вместо адаптации начинается массовый исход населения.

Важнейшим фактором восстановления социального порядка и реабилитации пострадавшего населения является его готовность к самоорганизации, а также включение в этот процесс волонтеров, гражданских инициатив и социальных движений, без которых сегодня не обходится ни один реабилитационный процесс. Мобилизация сил гражданского общества – важнейшее условие адаптации пострадавших восстановления их среды обитания. Но для этого они должны обладать ресурсами, иначе население снова и снова будет апеллировать только к центральной власти, как это происходит пока в нашей стране. Наконец, в зависимости от типа «критического состояния» сообщества его социальные силы ведут борьбу за восстановление нарушенной социальной динамики, за смягчение и/или элиминацию рисков, или же за изменение нормативно-ценностной системы общества, за мир и стабильную позитивную динамику.

Внешние же силы действуют в противоположном направлении: за умножение и ужесточение этих состояний, которые ведут к ухудшению экономического и социального положения их населения (экономическая и гуманитарная блокада, диверсии, убийства активистов, тотальное разрушение поселений и памятников культуры вероятного противника и т.д.). То есть, в конечном счете, стремятся разрушить существующий социальный порядок. Именно поэтому в современном мире множатся «замороженные конфликты», представляющие собой разновидности поддерживаемого и управляемого *извне* социального порядка (или хаоса). Сказанное позволяет сделать более общий вывод: предпосылкой возникновения ситуации не-адаптации являются разные формы эксплуатации человека капиталом и возникающие на этой основе типы его отчуждения. Рассмотрим эти формы подробнее.

Первой из них является ее «традиционная» форма, то есть отъем у работника части причитающейся ему прибыли (прибавочного продукта), которая осуществляется практически повсеместно бизнесом и бюрократией. Различные формы прямой недоплаты или отсрочки причитающегося вознаграждения – наиболее распространенный пример. Вторая – это ее «внепроизводственная» (в традиционном смысле этого слова) форма эксплуатации. Тут есть две разновидности. Одна – это опять же широко практикуемое завышение цен на продукты и предметы массового спроса ритейлерами или учреждениями сервиса. Я уже не говорю о прямом обмане потребителей. Другая осуществляется посредством избыточной кодификации всех социальных процессов, начиная от регламентации всех форм социальной активности и вплоть до маркетизации и следующей за ней кодификации всех видов сервиса и услуг, предоставляемых населению [Burawoy, 2008].

Принцип кодификации пришел к нам с Запада, известный там под именем «протокол». В том, чтобы формализовать некоторые процедуры предоставления социальных услуг, нет ничего плохого. В особенности если эти «протоколы» основаны на огромных массивах эмпирических исследований. Другое дело, когда это – эта кодификация жизни спроектирована кем-то и навязана индивиду сверху. Такая кодификация заставляет его: тратить свой социальный капитал на преодоление этого бюрократического барьера; отнимает у индивида свободное время, которое можно было бы использовать на образование, отдых, воспитание детей, получение дополнительного дохода и т.д.; лишает индивида права голоса и возможности участия в принятии решений, касающихся среды его непосредственного обитания. Эта кодификация – антипод общественного участия.

Третья форма бюрократической эксплуатации человека человеком – это отчуждение горожанина от решений и процессов формирования среды его обитания. Сегодня «между» горожанином и учреждениями, нужными для удовлетворения его

потребностей, находится огромный слой посредников, без которых он просто не может получить нужные ему знания, сведения или услугу. Это – необходимая для первых двух форма эксплуатации, поскольку капиталистическая сущность такого отчуждения – это подавление общественной активности горожанина, понуждение его к ориентации только на поиски дополнительного заработка, необходимость частой смены места работы и жительства, что создает еще б*о*льшие возможности для манипулирования его ресурсами и сознанием посредством СМИ. Есть еще одна форма эксплуатации, а именно – *принуждение* современного индивида к расточительному образу жизни. Статусное потребление и потребительская идеология, постоянно навязываемая СМИ, понуждение человека к избыточным тратам с целью «быть не хуже других», «идеология успеха» и жизни «здесь и сейчас» и вообще – принуждение к определенному (статусному) стереотипу поведения, особенно в условиях критической ситуации, – всё это может быть квалифицировано как ещё одна форма эксплуатации. Именно – эксплуатации, поскольку у индивида нет выбора. Данная форма эксплуатации-принуждения существует и в наиболее обеспеченных странах развитого Севера, разница между нами и ними состоит в том, что уровень жизни там, гораздо более высокий, а налоговое бремя примерно такое же, как и у нас.

Адаптация индивидов: общие вопросы

Всякий процесс адаптации индивида к изменяющейся среде обитания содержит момент его сосредоточения и мобилизации им наличных ресурсов. Под *сосредоточением* я понимаю здесь концентрацию внимания индивида на стоящей перед ним проблеме и выборе способа ее решения (или ухода от нее). Под мобилизацией – оценку и сосредоточение доступных ему ресурсов, физических, социальных, ментальных, когнитивных и др. Как отмечалось ранее, эта доступность имеет три степени. Первая – это ресурсы, которыми индивид располагает сам (житейский опыт, знания, социальные связи, здоровье). То есть для их мобилизации не требуется значительных усилий, но требуется решение самого индивида. Вторая степень доступности – это те ресурсы, для обретения которых нужно приложить знания и усилия. Например, наводить справки, обращаться к друзьям и знакомым, проходить курсы переобучения, временно перераспределять роли в семье и т.д. Третья степень доступности ресурсов, это ситуация, когда индивид вынужден круто менять свой жизненный уклад, привычки, дружеские и семейные отношения и т.д. В этом последнем случае адаптация предстает перед нами как полная трансформация личности вследствие «встраивания» индивида в новую систему ценностей и социальных отношений принимающей его среды.

Это не означает, что индивид навсегда отказывается от изначального образа жизни, его ценностей и связей. Как показывает история, в третьем поколении, как правило, происходит их «реинкарнация». Но, опять же, возможны два варианта. Один – это когда старые и новые ценности и роли удается согласовать или же разделить между ними «поля ответственности» или же развести их во времени и пространстве. Другой – это актуализация прошлого уклада в форме этнокультурных анклавов или же борьбы за «возвращение к истокам», то есть, в конечном счете, почти полное обособление индивида от той среды, в которую некогда переселились его деды или отцы.

Далее, о соотношении изложенной выше теоретической перспективы и реальных практик. Вернемся еще раз к З. Бауману, который написал, что в XX в. мир разделился на «мобильных» и «привязанных к месту» [Bauman, 2004]. Теоретически этот тезис можно экстраполировать в будущее, предположив, что грядет этап, когда весь мир станет мобильным, индивиды будут систематически переезжать с места на место в поисках работы, другого места жительства и т.д. Однако такая «всеобщая мобильность» населения ничем не лучше привязанности к одному месту, поскольку

она, в конечном счете, может привести к ситуации тотальной де-экологизации среды обитания. Действительно, зачем сохранять и воспроизводить среду и сообщества людей и природы, которые данный индивид завтра покинет?

В действительности эта перспектива есть скорее утопия, потому что голод, нищета, социальные конфликты, войны, природные и техногенные катастрофы заставляют все большие массы людей делать совсем иной выбор: или терпеть лишения, или же бежать от смертельных угроз прочь, бросая дом, все нажитое и даже стариков и детей. В обоих случаях «новая» среда будет много хуже и опаснее прежней, а адаптация всегда будет вынужденной, принудительной. При этом необходимо учесть, что численность обеспеченных людей (прежде всего среднего класса) будет сокращаться, и они всеми силами будет стремиться отгородить свои «оазисы благоденствия» от пришельцев, как это уже происходит сегодня по всей Европе. В итоге получается, что реальная перспектива адаптации бедных и обездоленных сегодня есть их мирная и вооруженная борьба за право на существование. Где-то эта борьба уже в разгаре, где-то только начинается, но уже отчетливо виден негативный результат роста числа беженцев и перемещенных лиц в мире: снижение интереса бедных и обездоленных к сохранению как прежней, так и новой среды их обитания. Такая мотивация будет излишней, если индивид или группа расценивают свое пребывание в данном месте как временное, и они нацелены на поиски лучшей доли в другом месте. Снова маячит образ постоянного кочевника.

Вот характерный пример. Работа охранником – одна из наиболее распространенных форм адаптации людей молодого и среднего возраста, требующая минимума знаний и опыта. По разным подсчетам, сегодня только в частных охранных структурах РФ занято от 1,5 до 2,5 млн. чел. Это не считая сохранившегося с советских времен корпуса вневедомственной охраны. Мои многолетние наблюдения за работой ЧОПовцев показывают, что: (1) это не адаптация к городской среде. Напротив, они из нее исключены, потому что как только кончается их смена, они уезжают домой, в провинцию; (2) их работа – чрезвычайно монотонная и психологически изнурительная, потому что их основное занятие – это мониторинг за происходящим в нескольких помещениях охраняемого объекта, и никакой перемены труда; (3) в результате, эти люди «временные» везде: и дома, поскольку их не бывает несколько недель, и на работе, так как периодически их перемещают с объекта на объект. Так что это еще одна, наряду с «вахтовиками», категория кочевников, во всяком случае – на ближайшие годы и десятилетия.

Итак, процесс адаптации индивида к изменяющейся среде обитания содержит момент его сосредоточения и мобилизации наличных ресурсов. Под *сосредоточением* я понимаю здесь концентрацию внимания индивида на стоящей перед ним проблеме и выборе способа ее решения (или ухода от нее). А под мобилизацией я подразумеваю, сосредоточение в руках индивида доступных ему ресурсов, физических, социальных, ментальных, когнитивных и др. Как отмечалось ранее, эта доступность имеет, по крайней мере, три степени. Первая – это ресурсы, которыми индивид располагает сам (житейский опыт, знания, социальные связи, здоровье). Вторая степень доступности – это те ресурсы, для обретения которых нужно приложить знания и усилия. Третья степень доступности ресурсов, – это ситуация, когда индивид вынужден круто менять свой жизненный уклад, привычки, дружеские и семейные отношения и т.д.

Адаптация к городу как его рурализация

В данном контексте термин «рурализация» я употребляю в более широком теоретическом смысле: как движение вспять по стреле исторического времени. Такой «рурализацией» сегодня охвачены многие страны мира. Возьмем, например, ситуацию на Украине, где этот процесс идет прямо на глазах. Социальное следствие изменения

этнического состава городов Украины «на протяжении последнего столетия состоит в том, что горожан, которые их основывали, строили и населяли, больше нет. И заменило их украинское «сэло». Со всеми присущими ему комплексами и фобиями. С ощущением того, что оно пришло на чужое место. С естественным стремлением его заполнить и обжить, вытеснив память о тех, кому оно принадлежало изначально – поляках, евреях, греках, немцах или русских, все равно… Именно это, не имеющее ни городских традиций, ни городских привычек население, не склонное становиться горожанами в полном смысле этого слова, что подразумевает жизнь в полиэтнической и многоконфессиональной среде с неизбежной для нее терпимостью к чужакам и взаимным обогащением культур, насаждает на Украине привычные для него (то есть села – О. Я.) деревенские традиции. Выходцы из провинциальных сельских общин, чувствующие себя в городах Украины как оккупанты, и ведут себя в них как оккупанты» [Сатановский, 2015]. Наконец, сверхкритической ситуацией можно назвать то, что случилось в станице Кущевская, когда ее жителей принуждали «адаптироваться» к ситуации полного беспредела [Бабурин и др., 2011]. Но разве массовый поток мигрантов из Африки и стран Юго-Восточной Азии в Евросоюз не является иллюстрацией того же процесса только в глобальном масштабе? Не будет преувеличением сказать, что эта массовая «рурализация» стран Евросоюза является не только серьезным практическим испытанием этого объединения на прочность, но и заставляет задуматься о социальной и экономической цене вестернизированной модели глобализации.

Процесс «рурализации» не обошел и Россию. Особенно явно он проявился в критическом состоянии малых городов (моногородов), более сотни из которых находится на грани исчезновения. Как отметил премьер-министр РФ Д.А. Медведев, в моногородах РФ живет почти 1/10 населения страны (14 млн. чел.), а таких городов в РФ всего 319. Причем «лишь у 71 города социально-экономическое положение можно назвать стабильным. По всем остальным положение неустойчивое. Они находятся либо в кризисном состоянии, либо в зоне риска» [Медведев, 2015]. Ликвидация их градообразующего предприятия повлекла за собой цепь негативных последствий: резкое сокращение занятости, неполный рабочий день и вынужденные отпуска, падение квалификации оставшихся работников, отток молодежи, деградация городской инфраструктуры и самой жилой среды, сокращение налоговых поступлений в местный бюджет и т.д.

Другая сторона того же процесса заключается в том, что сегодня российский бизнес не адаптируется к городской среде, а эксплуатирует ее, приспосабливая к своим интересам**.** Эта среда уже в течение всех лет после начала перестройки (то есть после резкого изменения способа производства) эксплуатируется всеми видами бизнеса, который сегодня, к тому же, продвигает свои интересы через своих представителей в местных и региональных властных структурах. Главный принцип бизнес-структур – минимизация издержек и максимизация извлечения прибыли. Все жители городов рассматриваются не просто как потребители, а как *зависимые потребители* (читай, бесправные).

По утверждению С. Мурунова, «бизнес минимизирует свои издержки, превращая город в свою корпорацию». По утверждению того же автора, сегодня в российских городах появилась и другая проблема: возникла сфера информационного, то есть постиндустриального, производства, которую городские власти не замечают и не контролируют в силу своего «доиндустриального» образования и, следовательно, искаженного восприятия действительности. Информационное производство чрезвычайно мобильно, территориально не фиксированное, поэтому именно оно является современной формой ведения бизнеса, обслуживающего сферу информационных потребностей современного города. Внешне этот вид производства

весьма благопристоен: офисы, реклама, сайты и интернет-адреса, но именно в силу своей специфики (мобильность, «облачность») он в своей работе руководствуется теми же принципами минимакса. «Айтишники, с учетом своей специфики, уже давно научились использовать всякие схемы минимизации своих издержек и ухода от налогов» [Мурунов, 2015]. К тому же, е-банки, е-фирмы и т. п. «облачные сервисы» исчезают так же бесследно, как и возникают. Наконец, *киберпреступность* становится повседневным промыслом, в потенции лишающим все категории горожан их доходов и сбережений. В этом смысле жизнь «дневного городского населения» и даже гастарбайтеров более стабильна, нежели у массы постоянных резидентов города. Первые, так или иначе, имеют две «точки опоры» своей жизни: здесь и там, то есть дома, где есть свой дом, огород и т. д., тогда как вторые – только одну. Детальный социологический анализ состояния социальной среды в городах РФ см. в [Мурунов, 2015].

Глобализация провоцирует дезадаптацию

Критические ситуации – результат не только неожиданного изменения условий существования, но и невозможности адаптироваться к быстро изменяющимся условиям жизни, прежде всего, на институциональном и глобальном уровнях. Рассмотрим эту принципиальную проблему подробнее. Общая причина дезадаптации индивидов и групп – это слишком быстрая и непредсказуемая глобализация. Ускоряющийся темп исторического процесса создает специфический «естественный отбор». В результате быстро формируется поколение «приспособленцев», как в теоретическом, так и в бытовом смысле этого слова. То есть к ускоряющемуся темпу развития способно приспособиться все меньшее число людей и групп, причем не всех, а только тех, кто способен постоянно отказываться от только-только налаженных связей – деловых, семейных, личных, культурных и т.д. Те же, кто отказывается жить такой «бескорневой» жизнью, оказываются попросту из нее исключенными (лузерами). Тут не лишне еще раз вспомнить прогноз, сделанный О. Шпенглером еще в конце XIX в.: жителей больших городов он назвал «паразитами», поскольку они ничего не вкладывают в его развитие, а только его «потребляют».

Причина этой нарастающей утери корней заключена не только в ускорении перемен по всем азимутам – она заложена в самом способе капиталистического производства: оно может развиваться только тогда, когда оно постоянно реконструируется, рекомбинируется и расширяется в пространстве и во времени. А также тогда, когда оно может выбрасывать в «окружающую среду» отходы своей деятельности, будь то отходы производства, люди, товары или организации. К тому же, этот способ производства продолжает развиваться, не обращая внимания на разрушительные процессы и риски, порождаемые средой жизни, несущая способность которой многократно превышена. Как показали исследования по всему миру, новый этап нестабильности в жизни местных сообществ порожден, прежде всего, новой волной глобализации [Schuerkens, 2004, 2008]. Это производство устроено таким образом, что оно умеет извлекать выгоду из порождаемых им же рисков. Например, если жизнь некоторого сообщества или каждого отдельного человека подвергается риску вследствие переноса вирусов смертельных болезней мигрантами по всему миру, то это выгодно капиталу: он инициирует разработку новых вакцин и других средств защиты, которые человек вынужден покупать, если он хочет быть в относительной безопасности. Но у этого производства есть куда более «темная» и опасная сторона: оно может целенаправленно и скрыто конструировать риски и затем использовать их в качестве инструмента боевого оружия или мягкой силы. Что мы уже много лет наблюдаем в отношении нашей страны. Экономические и политические санкции есть не что иное, как способ такого давления.

Глобализация означает новый этап передела мира, сутью которого является борьба за ресурсы, природные, человеческие, территориальные. *Ресурсные войны становятся нормой развития современного капитализма.* А, это в свою очередь, является еще одним стимулом усиления массовых миграционных процессов, когда условием выживания и обретения относительного благополучия является не приспособление к «месту», а, напротив, способность быстро перемещаться и встраиваться в очередной – новый – формат жизни. Однако, как показывают события последних лет в Европе, поток мигрантов стремится не столько осваивать европейскую культуру, сколько получить европейский уровень благосостояния и комфорта «здесь и сейчас», сохранив при этом свой прежний уклад. Эмигрантские анклавы в плотно заселенной Европе являются реальной угрозой ее культурному коду. Ошибочно также считать, что глобализация – это «столбовая дорога прогресса». То, что мы видим сегодня в Йемене, Сирии и Ливане, а до того – во многих государствах и местных сообществах Африки и Юго-Восточной Азии, свидетельствует, что глобализация такой же двусторонний процесс, как все предыдущие этапы формационных изменений. Созидание и разрушение, прогресс и варварство, наконец, мир и война были и остаются неизбежными формами эволюции человеческого общества.

Сказанное выше имеет прямое отношение к развитию теоретической социологии в России и мире. Поиски теоретических моделей «устойчивого развития», конструированием которых англосаксонская, да и отечественная социология, были озабочены в течение последних 20 лет, уходят в прошлое [Redclift and Sage, 1998; Beck, 1992; Beck, Giddens and Lash, 1994; Brundtland and Khalid, 1987]. Растет интерес к изучению критических состояний и инфраструктур российского и других обществ [Бабурин и др., 2011; Кравченко и Салыгин, 2014; Cohen and Kennedy, 2007; Beck, 2010, 2013; Yanitsky, 2014, 2015; Pynnoniemi, 2012]. В том числе, к специфике критических состояний человеческих сообществ в условиях современных войн [Одноколенко, 2015; Чекинов, 2013; Sundar, 2014; Yanitsky, 2014, 2015]. Поиски «устойчивости» продолжаются и сегодня, слоган «устойчивое развитие» оказался чрезвычайно удобным социологически и политически.

Однако капиталистическое производство, особенно в его современной «финансовой» форме может существовать только тогда, когда оно, постоянно развиваясь, не несет никакой ответственности за последствия своих действий. Снимая ответственность с себя, оно одновременно приучает людей к жизни «одним днем», не обращая внимания на разрушительные действия в отношении своего окружения, родных и близких и т. д. Поэтому, как только человек адаптируется к изменившимся условиям, на него сваливается новая угроза, например, космическая. Читателю, думаю, будет небезынтересно узнать, что пока он смотрит «Право голоса» о развитии конфликта на Донбассе по российскому ТВ, в мире быстро развивается такая область *политики*, как космическая политика [Bowen, 2014]. Наконец, как видно по течению конфликта на Украине, международные организации оказываются бессильными не только в его разрешении, но даже в его некотором смягчении или «замораживании». Это «замораживание» сегодня все чаще становится способом разрешения критических ситуаций, то есть фактическое их превращение в *хронические социально-политические болезни* регионов и мира в целом.

Теперь посмотрим на ситуацию с точки зрения рядового жителя большого города. Последние четверть века он живет в беспрестанно изменяющейся и «отчужденной» среде. Причем он не только не в силах как-то влиять на этот процесс, но и предвидеть возможные изменения. Практически каждый день меняется решительно все: от цен и тарифов и до доступности товаров первой необходимости и элементарной медицинской помощи вследствие ее очередной «оптимизации». Я уже не говорю о том, что тысячи человек потеряли постоянную работу, друзей, близких, утратили возможность

привычного отдыха, очереди в детские сады не сокращаются, всеобщий обман потребителей производителями продуктов питания и их рекламой процветает и т.д. Уж если на Центральном телевидении РФ ввели рубрику «Осторожно, еда!», то, значит не все благополучно в нашем «капиталистическом» царстве.

Приведу элементарный житейский пример. Московскому пенсионеру, моему соседу, которому за 80, было нужно купить обычный водопроводный кран. Ехать на рынок ему было далеко, и он стал искать магазин в своем районе (так сказать, в «шаговой доступности», в чем нас уверяют городские власти). Раньше был магазинчик рядом, в соседнем дворе, но он исчез, и никто не знает, куда он переехал. На соседней улице старик его тоже не обнаружил. Спрашивает у прохожих, где его искать, но они ничего сказать не могут, так как это сплошь гастарбайтеры. Один человек указал номер дома, где он такой магазин видел год назад. Однако ни на улицах, ни во дворах номеров дома (с указанием, к какой улице они относятся), нужного пенсионеру магазина тоже не оказалось. Всезнающих дворников тоже теперь нет. Участковый пункт полиции открывается только в 16:00 и т.д. В общем, пресловутая «шаговая доступность» обернулась полуторачасовым блужданием старика по дворам. К тому же, когда он, наконец, нашел нужный магазин, отдел, который ему был нужен, уже был закрыт на обед, хотя на вывеске было написано «без перерыва на обед». И так – за любой мелочью, потому что малый бизнес в Москве исчезает буквально на глазах: кругом сетевые магазины. А если этот бизнес и есть, он ни за что не отвечает, потому что знает: завтра его или снесут или переведут в другое место.

Городские власти видимо не понимают, что «привязка» к месту (любого вида сервиса) есть необходимое условие его ответственности перед потребителем. Ответственности перед горожанами. Возможно, что продвинутая молодежь быстро нашла бы нужное нашему пенсионеру место через свой мобильник. Но, все равно, получается, что большой город теряет свое индивидуальное лицо, потому что через интернет человек находит нужную ему «точку» (услугу), но в обезличенном городском пространстве. В пространстве, которое раньше определялось не только индивидуальными вывесками и московскими калачами (столичная молодежь, взросшая на чипсах, даже и не представляет себе, что это такое, московский калач!), но и маленькими рынками, сапожными мастерскими и другими знаками такой индивидуализации. Так что жизнь массы горожан столицы унифицируется помимо их воли и желания (унифицируется – не значит стабилизируется). Можно сделать и другой, экономический вывод: городская среда как среда жизнеобеспечения является «второй», то есть вне-трудовой, формой эксплуатации городского населения, формой, которая весьма трудно или совсем не поддается общественному контролю.

Я называю случившееся несвободой индивидуума в эпоху глобализации и интернета. В отличие от бытовавшего в XVIII–XIX вв. представления, что «воздух города делает человека свободным», сегодня индивид находится под тройным давлением городской среды. С одной стороны, индивид вынужден подчиняться ее требованиям и темпо-ритмам, которые, в свою очередь, задаются силами, находящимися далеко за ее пределами (глобальными процессами, интересами большого бизнеса, авариями и катастрофами и т.д.). О роли «принудительного потребления» я уже говорил. С другой стороны, приватность индивидуальной жизни практически уничтожена – в любой момент все детали частной жизни могут быть предъявлены публике политически ангажированными журналистами или просто криминальными структурами. «Обособление», столь необходимое для накопления индивидуального социального капитала, фактически достигается за счет утери материального благополучия и социального статуса. Сегодня чтобы быть успешным, надо все время где-то «возникать», «мелькать» и т.д. Наконец, за призрачную свободу всегда надо платить. Я имею в виду быстро распространяющуюся по всей планете

практику «частичной занятости»: за «свободу» индивид платит утерей стабильности материального благополучия и социальных гарантий. Такая система найма и занятости чрезвычайно выгодна и работодателю, и профсоюзам. Так что, глобальная и анонимная власть над индивидом растет, а вот с личной и глобальной ответственностью перед ним – проблема. Если термин «дезадаптация» может показаться читателю слишком жестким, то его можно заменить эвфемизмом типа «временная» или «неустойчивая» адаптация. Но суть проблемы от этого не меняется: адаптация перестает быть «конечным» процессом. Весь вопрос в том, в каких временн***ы***х рамках мы его изучаем.

Что означает термин «критическая адаптация»?

Критическая ситуация ведет к формированию негативных риск-солидарностей, то есть к вынужденному сосуществованию «хищников» и их «жертв», созданному этой ситуацией [Яницкий, 2003, 2004]. Данный процесс порождает вседозволенность одних и полное лишение свободы других, то есть поляризацию общества и, возможно, политический и даже вооруженный конфликт. Далее, ценности материальной культуры, как повседневной («бытовой»), так и «высокой», становятся предметами купли-продажи, грабежей и насилия. Затем, вследствие ослабления социального порядка, его хаотизации, войн и других разрушительных действий и те, и другие ценности превращаются в «мусор». «Мусоризация» уклада жизни, формируемого современным потребительским обществом, его абсолютной индифферентностью по отношению к материальным и культурным ценностям недавнего прошлого, будь то предметы быта или стереотипы культуры, есть также существенный признак критического состояния общества. Все эти процессы можно назвать адаптацией лишь условно.

Если речь идет о современных религиозных войнах (или войнах под религиозными знаменами), как это сегодня происходит в Африке, на Ближнем Востоке или в Средней Азии, то культурные ценности далекого прошлого целенаправленно и безжалостно уничтожаются, как не соответствующие религиозным представлениям современных крестоносцев. Так что «культурный мусор» может образовываться не только естественным путем распада материальной и культурной среды обитания, но и целенаправленными действиями радикалов или криминальных элементов (вспомним сжигание книг в нацистской Германии). К сожалению, «критическая ситуация» означает также появление «человеческого мусора», то есть людей не просто оступившихся или опустившихся, но группу людей асоциальных, то есть живущих вне цивилизованного мира, точнее существующих за счет его «отходов». Они – дезадаптанты навсегда, их, пользуясь терминологией Баумана, можно назвать «людьми-отходами» (wasted people). Это тоже форма современной культуры, ее «темная» или оборотная сторона. Наконец, семантический и лингвистический мусор (бессмысленные слова-вставки («как бы», «типа») или же мат как неотъемлемая составляющая человеческой коммуникации) это тоже разновидность культурного мусора, разрушающего язык общения, эту основу человеческого доверия, и блокирующая процесс адаптации и накопления культурного капитала.

Совокупность названных выше факторов создает *агрессивную культурную среду,* характерными признаками которой являются упрощение повседневной коммуникации, «директивный» тон человеческих контактов, выкрики, визг, оглушительная музыка на публичной арене и хамский тон общения в быту («где ты был, где деньги, дурак!», «урою», «убью»). У индивида, пребывающего в такой агрессивной среде, есть два способа приспособиться к ней: подчиниться или постараться закрыться от нее, инкапсулироваться. Оба эти способа не являются позитивными и, тем более креативными. Наконец, подчеркнем, что экономический кризис и критические состояния населения и среды его обитания тесно связаны. Как правило, экономический

кризис как некоторый *внешний фактор* постепенно трансформируется в критическую форму культурного бытия, то есть в некоторое качество *внутреннего состояния* человека и среды его обитания. Но верно и обратное утверждение: внутреннее состояние, особенно если оно отмечено апатией, замыканием в себе, отчуждением или еще хуже – уходом на социальное «дно», затрудняет преодоление экономических и социальных последствий критической ситуации. Как свидетельствует опыт экономических кризисов XX века во многих странах развитого мира, озлобление, недоверие, разобщение, агрессия, насилие суть их неотъемлемые черты. Поэтому наличие у данного общества позитивных целей и «идеологии преодоления» чрезвычайно важно, с точки зрения предупреждения его перехода в критическое состояние. Предвижу возражение, что названные выше явления возможны и безо всяких критических состояний. Да, названные негативные явления и процессы – неотъемлемые «побочные продукты» процесса общественного производства. Дело здесь лишь в мере: или эти негативные факты и процессы являются неизбежной на сегодня ценой позитивной динамики общества, или же эта динамика меняет знак плюс на минус, то есть переходит в критическую фазу всеобщего риска.

Какие уроки можно извлечь из всего сказанного?

Критические ситуации есть неизбежный спутник модернизации, индустриализации-урбанизации и глобализации. Причем как их эволюционных, так и «насильственных» форм, когда развитые страны «сбрасывают» наиболее грязные индустриальные производства в страны третьего мира. И эксплуатируют труд мигрантов из бедных и развивающихся стран. Названные выше процессы порождают критические ситуации, как в самих городах, так и в деревне и поселках, откуда идет миграционный поток. Однако критические ситуации могут порождаться и другими причинами: внутригосударственными, внутри-клановыми или межэтническими конфликтами, действиями экономических монополий, транснациональных корпораций и т.д. Вопрос о естественно возникающих критических ситуациях в городах в результате общей динамики социально-освоенного пространства Биосферы остается пока мало исследованным, поскольку он касается уже не только поверхности Земли, но именно Биосферы в результате освоения околоземного пространства, а теперь уже и дальнего космоса. Как эта совокупность процессов и явлений отражается на процессах адаптации, какие их формы порождает, – все это требует дополнительного анализа.

Так как современные процессы модернизации (урбанизации, глобализации) носят нелинейный, прерывистый (и даже возвратно-поступательный) характер, современные города как среда жизни и жизнеобеспечения становятся стабильно неустойчивыми, то есть сам процесс их изменений порождает ситуации дезадаптации в этих средах. Причем, речь идет о двух сторонах этого процесса: одна – это динамика самой модернизации/глобализации, тогда как другая – это негативное воздействие её «последствий», в том числе, отходов на человека формы его адаптации. Эта неустойчивость становится наиболее болезненной тогда, когда вр*е*менный социальный порядок, сложившийся в ходе критической ситуации, «зависает», поскольку её разрешение все чаще зависит от решений, принимаемых «наверху», в государственных и/или в межгосударственных органах. Например, сегодня ситуация в городах Донбасса зависит в значительной мере от глобального диалога и решений, принимаемых в рамках Минских соглашений или иных международных договоренностей. А население этот региона вынуждено жить в условиях военного положения.

Всякая критическая ситуация есть предпосылка разрушения старого социального порядка и постепенного становления (в ходе разработки программ социального переустройства, публичных дискуссий, социальных движений, создания новых политических партий и др.) нового социального порядка и соответствующих ему форм

адаптации. Однако «нового» – не всегда значит «лучшего» или «более прогрессивного». Напротив, сегодня в самых разных регионах планеты мы наблюдаем «реверсное движение» социальных групп и сообществ, то есть их откат «назад» по стреле исторического времени. Значит ли, что история повторяется, или же – это нормальный колебательный режим всякого исторического процесса?

Полагаю, что методологически следует различать критические ситуации (и формы адаптации к ним) как момент колебательного процесса в рамках одного социального порядка и эти же ситуации как стимулы к изменению социального порядка. В свою очередь, сам социальный порядок не есть нечто устоявшееся, «стабильное», а представляет собой некоторый колебательный процесс в рамках функционирования существующих социальных институтов. Пока они отвечают задаче поддержания существующего социального порядка и адаптации к нему большинства населения, критические ситуации «гасятся» посредством частичных изменений этих институтов. Но если эти институты выполняют *только* функцию консервации, самосохранения данного порядка, возникают такие факторы институционального риска как массовое недовольство, протестные акции и другие элементы критической ситуации, ведущие, в конечном счете, к смене социального порядка. Критические ситуации, таким образом, могут выполнять функцию триггера социальных изменений. Их носителями являются как различные формы массовых социальных движений, так и силы социально-политических и научно-технологических инноваций, создаваемые латентно в разных точках существующего социального пространства.

В рамках существующего социального порядка и даже в процессе его изменения, государство должно заботиться о том, что в городах и поселках независимо от стадии развития и/или стагнации городского организма должны существовать силы «территориальной обороны» в связке со спасателями МЧС. Это означает, что силы «территориальной обороны» суть социальные образования (организации) *более устойчивые во времени*, чем изменяющийся социальный порядок. Характер взаимоотношений между акторами, порождающими критические ситуации, и существующими социальными институтами – ключевая проблема для исследователей процессов социальной адаптации и дезадаптации. Эти акторы-возмутители могут либо стимулировать процесс перестройки существующих институтов, либо «инкапсулироваться», уйти в подполье или же эмигрировать в поисках социальной среды, благоприятной для освоения предлагаемых ими инноваций. Вне зависимости от характера возникшей критической ситуации междисциплинарные коллективы ученых, спасателей и местных административных органов должны иметь уже готовый набор сценариев для различных схем восстановительных и реабилитационных работ. Релевантность этих инструментов не является априорной, она выясняется только в процессе спасательных работ и поэтому подлежит постоянной коррекции. Принцип «эволюция рисков – эволюция способов защиты от них» справедлив и здесь. Поэтому все население, начиная от детей и школьников и до старших возрастов, должно не только владеть элементарными навыками самозащиты, но и более сложными способами самосохранительного, то есть адаптивного, поведения в критических ситуациях. Сегодня практическое владение этими способами – важнейший момент процессов как адаптации индивидов и групп, так и самосохранения общества в целом. Адаптация становится критически важным процессом для современного обществознания.

Глава 12. История концепций «зеленого города» в России[1]

«Зеленый город» – это шапка для целой цепи других названий, как, например, эко-город, экополис, эко-поселение, «умный город» и т.д. Сегодня приставку «эко» использует всякий в надежде, что она увеличит привлекательность продаваемого им товара или услуги. Для чего социологам нужно изучение концепций «зеленого города» прошлого? Во-первых, их изучение *расширяет их профессиональный и социальный кругозор*. Перенасыщенность мозга современного интеллектуала уже готовой информацией (в Википедии можно найти ответ на любой вопрос и даже выдать его за собственное знание) делает этот мозг ленивым и нелюбопытным. Зачем что-то искать, когда можно просто выбрать из множества заготовок наиболее подходящий ответ на любой запрос? Обратите внимание на то, как работают профессиональные фотографы с моделью? Они делают тысячу снимков разных ее поворотов и поз и потом выбирают один из них, наиболее соответствующий вкусам своего читателя и начальства. Но отбор из множества уже готовых вариантов одного – это не творчество, а ремесло. Однако каждый из таких вариантов можно назвать «экологическим».

Я совсем не сторонник авангарда, в том числе в градостроительстве и формировании среды обитания человека. Но подобные задачи никогда не решаются перебором вариантов ответа, потому что все они – лишь разные повороты и ракурсы одного и того же! Завтра заказчик даст вам новую задачу, и вы будете вертеть иную модель в другом облачении для получения уже другого результата. А в нашем случае задача – на порядок сложнее. *Надо создать модель безопасной и комфортной среды обитания горожанина в условиях постоянных ее изменений*. Надо уметь «соединять несоединимое», то есть владеть методами междисциплинарного анализа и уметь их выражать в конкретных инженерных моделях и конструкциях. Наконец, временной лаг нашей задачи – не день или час, а, как минимум, годы и даже десятилетия. Или, переходя на профессиональный язык, наша задача состоит в получении некоторого относительно устойчивого результата, выраженного в параметрах городской среды, в условиях постоянно изменяющихся глобальной ситуации. И вот здесь знакомство с историей российского и советского «зеленого» градостроительства поможет увидеть, какие именно параметры этой среды горожанин стремится поддерживать в стабильном состоянии, а какие, напротив, хотел бы видеть изменяющимися.

Знатоки истории российского градостроительства могут возразить мне, дескать, ведь вся эта история на 90% это утопии, «бумажное проектирование»! Согласен. Однако утопии учат главному: размышлению о безопасном и привлекательном для человека будущем, как бы фантастически оно ни представлялось в очередном «бумажном проекте». Замечу кстати, что почти все социальные и, тем более, технические утопии фантастов прошлого оказались провидческими, как бы это ни казалось удивительным. Возьмем «детский» пример: практически все, что было предсказано в романах Жюля Верна, было практически реализовано в течение последующих 100 или 120 лет! А предсказания Г. Уэллса о том, что современные города будут расползаться как «пыльные грибы» (иначе «дедушкин табак»)? – то же самое.

Во-вторых, любой градостроительный проект желаемого будущего отражает дух своей эпохи. Изучая массу социальных, технических, биохимических и других компонентов и процессов, составляющих в совокупности среду нашей жизни, мы как-то забываем о необходимости ее *экологической безопасности и комфорта*. Здесь есть

[1] Глава написана при поддержке Российского научного фонда, проект «Российские мегаполисы в условиях новых социально-экологических вызовов: построение комплексной междисциплинарной модели и стратегий формирования «зеленых» городов России», грант № 17-78-20106.

два противоположных подхода. Один – директивный, когда конструктор этой среды, неважно кто он – архитектор, инженер или политик полагает, что он как профессионал «знает лучше». Характерно, что этим обычно грешат полузнайки. Это такая «детская болезнь» начинающих профессионалов, которой, например, болели некоторые новые члены студенческой Дружины охраны природы еще во времена СССР. Однако, постепенно в процессе накопления знаний, соединенных с практическим участием в борьбе за охрану природы, эта болезнь у них быстро прошла, потому что только владение экологическим знанием – это лишь половина дела. Остальное приходит потом, с опытом реального знания-действия в сложных и часто быстро изменяющихся условиях. Поэтому мое глубокое убеждение, что охрана, защита или формирование среды обитания – это *эмпирический процесс*, соединяющий научное знание и практический опыт защитника природы, естественной или созданной человеком. По той же причине это экологическое знание-действие есть соединение знаний о трех уровнях формирования среды обитания: глобальном, региональном и локальном (ситуативном). Сегодня мы *живем именно в таком трехмерном пространстве*! В пространстве нестабильном, развивающемся нелинейно и подверженном неожиданным резким изменениям и поворотам. Именно такой «сюрприз» принесло нам холодное и дождливое лето и осень 2017 г.

В-третьих, изучение концепций «зеленого города» прошлого есть *процесс накопления отрицательного опыта прошлого*, то есть знаний о том, чего не следует делать! История науки так построена, что ее исследователи обычно акцентируют внимание читателя или студента на положительном опыте прошлого. Только немногие историки науки, как, например, В.И. Вернадский, всегда стремились к «объемному» видению накопленного знания-опыта. В-четвертых, изучение процессов экологизации российских мегаполисов невозможно без сравнения с аналогичным опытом за рубежом. И такой сравнительный опыт был накоплен мною в процессе разработки проекта «Города Европы…» [Cities of Europe…, 1991], а затем и в ходе других международных проектов. В течение 1980–2000-х гг. шел интенсивный обмен концепциями и результатами исследований по данной теме. Сегодня такой обмен сильно сократился, по моему мнению, по чисто политическим причинам.

«Зеленый город» (его экологизация, создание благоприятной среды обитания и другие названия этой проблемы) – задача стратегическая, зависящая от многих факторов: истории и культуры страны и города, нынешнего состояния этой среды, наличных ресурсов, доступности отечественного и зарубежного опыта и от общей геополитической ситуации в мире. Для России является ценным опыт решения той же проблемы, которая уже давно ставится и обсуждается в отношении крупнейших мегаполисов мира, Нью-Йорка, Лондона, Мехико, Сан-Паулу, Токио и других городов. Не менее ценными являются идеи, проекты и планы реализации «зеленого города», накопленные в России / СССР / РФ с самого начала XX в. Этот опыт остается до сих пор малоизученным. Наконец, предстоит изучить и обобщить идеи и результаты деятельности, как государственных органов, так и гражданских инициатив и движений, начиная с 1960-х гг. по настоящее время.

История «зеленого города» в России

В главе рассматриваются этапы развития концепции эко-города на протяжении 100 лет. Отмечается, что эти концепции всегда были связаны с господствующей идеологией и актуальными социально-экономическими задачами дня. На протяжении всех лет шла борьба между двумя социально-градостроительными концепциями: урбанизацией и дезурбанизацией, стремлением к обобществлению быта и его индивидуализацией. Однако исторически сложившиеся города России сохраняли свои историко-культурную преемственность, тогда как новые отражали меняющиеся

идеологические установки. Собственно концепция «зеленого города» была сформулирована лишь однажды в ходе дискуссии о «социалистическом городе». Однако разработка концепции и программ «экологизации» российских городов продолжается и сегодня. С исторической и социологической точек зрения, я выделяю семь периодов формирования концепции «зеленого города».

Первый период (1900–1914 гг.)

В нем господствовали две тенденции: культурно-историческая и идеологическая. Первая выражалась в развитии усадебной застройки прошлого века, в которую вкрапливались «доходные дома» для состоятельных горожан. Или – в застройке полусельского типа рабочих поселков. В индивидуальной застройке больших городов господствовал стиль модерн, широко использовавший природные формы и мотивы, как в решении фасадов, так и интерьеров. Вторая реализовывалась в создании фабрично-заводских поселков казарменного типа с минимальными санитарно-гигиеническими удобствами. Идея «города-сада» Э. Говарда [Говард, 1902] широко приветствовалась и рекламировалась в среде российских интеллектуалов [Мижуев, 1916], но реально она была реализована лишь в ряде поселков вдоль железных дорог, в которых жили инженеры и обслуживающий персонал железных дорог [Меерович, 2007]. Столицы, Санкт-Петербург и Москва, сохраняли свою социальную структуру и планировку, а новые промышленные предприятия строились на их периферии и в отдельных городках (Иваново, Орехово-Зуево, Тосно). Две столицы, несмотря на гражданскую войну и радикальную смену способа производства, сохраняли и развивали свои представительские функции и исторически сложившуюся градостроительную структуру. Однако под жестким градостроительным каркасом этих структур быстро развивались самые разные гражданские организации, начиная от благотворительных и до просветительских, литературно-художественных, театральных клубов, кружков и т.д.

Второй период (1917-1928 гг.)

Гражданская война и разруха не способствовали развитию идей «зеленого города» в России. Хотя городское население страны сократилось, попытки реализации концепции «города-сада» продолжалась в первые годы советской власти. Например, в основу плана восстановления Петрограда еще в первые годы революции был заложен принцип «города-сада» [Яницкий, 2007]. Историческая и культурная среда существующих городов сопротивлялась новому порядку, поэтому удалось только спроектировать и построить «город-сад» на периферии Москвы (поселок Сокольники). Одновременно эти годы были периодом расцвета так называемой «бумажной архитектуры», в ходе которого сформировалась школа русского архитектурного авангарда [Хан-Магомедов, 1994]. Идеи этого авангарда частично были заимствованы в Европе (Баухаус), но поскольку реализовать их в тот период было нельзя, они были чисто ментальными и проектировались только на бумаге вне зависимости от конкретных условий природного и социального ландшафта.

Одним из выдающихся представителей этого периода был архитектор К.С. Мельников (1890–1974 гг.), лидер русского функционализма и конструктивизма, хотя он себя называл создателем «кинетической архитектуры». «Динамические» постройки Мельникова противопоставляли себя окружающему их ландшафту. Тем не менее он создал проект Парка культуры и отдыха им. М. Горького в Москве (1928 г.), но это была, скорее, штучная работа. А вот другая, менее заметная тенденция социально-культурной жизни в следующий период сыграла решающую роль. Речь идет о возникновении в 1920-х гг. множества архитектурных, художественных и литературных кружков, которые впоследствии оформились как участники (и

конкуренты) в дискуссии о социалистическом городе (АСНОВА, ОСА, АРУ и другие). [Хан-Магомедов, 1994]. Именно в эти годы сформировались две противоположные концепции «зеленого города»: урбанистическая и дезурбанистическая. Авторы той и другой, выступая одновременно как градостроители и как социальные конструкторы, создавали свои гениальные «динамические» города на листе бумаги.

Третий период: дискуссия о социалистическом городе (1928–1931 гг.)

Этот период резко отличался от предыдущих: в СССР началась интенсивная индустриализация, а существующие города не могли вместить огромный приток рабочих рук из села. Некоторые индустриальные центры практически надо было строить заново, нужны были реальные проекты. Для разработки их генеральных планов были привлечены выдающиеся мастера из разных стран Европы. Срочно нужна была концепция города нового, социалистического образца. Ее создание в форме «зеленого города» было прыжком в будущее. Первоначально идея создания нового расселения человечества принадлежала В.И. Ленину. В 1928–1931 гг. развернулась «дискуссия о социалистическом городе», инициированная ЦК ВКП(б), поскольку требовалось развитие массовых форм «социалистического общежития».

В дискуссии приняли участие представители самых разных урбанистических течений (урбанисты, дезурбанисты, апологеты идеи обобществления быта), а также государственные деятели, ученые, инженеры, зарубежные градостроители, представители самых разных профессиональных групп: Н.К. Крупская, А.В. Луначарский, Л.Б. Красин, Г.М. Кржижановский, швейцарский урбанист Ле Корбюзье, немецкий Э. Май, российские М.Я. Гинзбург и М.О. Барщ, историки, краеведы, студенты и др. [Сабсович, 1929; Хазанова, 1980]. Такой масштабной и длительной дискуссии по проблемам города будущего в истории России больше не было. Произошло размежевание советской интеллигенции на приверженцев гуманистической традиции и «социальных конструктивистов», адептов идеи создания «социалистического города нового типа». Модель его предложил Ле Корбюзье, утверждая, что в Москве нужно все создать заново, предварительно все разрушив [Хазанова, 1980]. Господствовала идея социальной инженерии, причем уже не только писатели, но и градостроители мнили себя «инженерами человеческих душ».

Соответственно, историческая память о прошлом (за исключением таких сакральных мест как Красная площадь и Кремль) отрицалась, и первой жертвой этого поворота стало краеведческое движение [Смидович, 1930; Лихачев, 1982]. Идеологические установки партии большевиков были ясны: огосударствление градостроительства, его предельная рационализация и мобилизация материальных и человеческих ресурсов. Эти установки нашли свое отражение в постановлении ЦК ВКП(б) «О генеральном плане г. Москвы» (1935 г.). Поиски модели «города будущего» закончились. Однако, сама идея «города-сада», трансформировавшись в концепцию «зеленого города», стала руководящей как при строительстве некоторых новых индустриальных центров (Магнитогорска, Челябинска и Сталинграда).

Уже в тот период, по мысли партийного руководства страны, Москва должна была стать «образцовым социалистическим городом». Но и градостроителя как лидеры этого движения были заражены вирусом радикальной перестройки. Вот ее образец: архитектура есть наука о классовой организации производственно-бытовых процессов людей материально техническими средствами. И далее: «Семьи, в обычном понимании, не существует». Дети с «младенческого возраста и кончая подростками, живут возрастными коллективами», «старики и старухи живут также коллективно в особых, отведенных для них помещениях», все «хозяйственное и санитарно-гигиеническое обслуживание обобществлено», «кровати (в дневное время – прим. Авт.) откидываются». Наконец, Генеральный план (микрорайона) является следствием схем:

графика жизни и графиков динамической связи его функциональных зон [Кузьмин, 1930: 14, 16, 17]. Основой жизни будущего социалистического города является радикальная максимизация: обобществления быта и домашнего хозяйства, максимальный охват детей научным контролем и общественным воспитанием, максимальное использование дешевых местных строительных материалов и т.д. [Яловкин, 1930].

Четвертый период: послевоенное восстановление и развитие (1945–1957 гг.)

Так как наиболее плотно урбанизированная европейская часть территории СССР была сильно разрушена в ходе Великой отечественной войны 1941–1945 гг., то основные силы были брошены на восстановление городов и сел этой части страны. То, что удалось построить за эти годы, отличалось разумной планировкой и организацией жизни населения. В основном это были 2–4-хэтажные добротные жилые дома с приусадебными участками (огороды сохранялись еще долгое время). Из так называемых «зеленых» городов 1925–1930-х гг. Сталинград был разрушен практически до основания. Однако принципиально улучшить «ленточную» (дезурбанистическую) его планировку удалось исправить лишь частично.

На планировку и застройку тех лет сильно повлиял тот опыт, которые приобрели советские люди, находясь в Германии, Австрии, Чехословакии. Именно в послевоенные годы в массовый обиход вошла организация жизни горожан по принципу микрорайона (a neighborhood), который был заимствован у градостроителей Великобритании. Микрорайон представлял собой группу сначала 2–4-хэтажных, а потом пятиэтажных домов с общим населением 6-10 тыс. жителей и сетью торгово-бытового обслуживания. В период 1954–1960-х гг. некоторые градостроители, вдохновленные борьбой властей с «излишествами» (именно тогда вошло разделение на архитектуру и простое строительство), попытались реанимировать идею «дома нового быта» [Градов, 1968], популярную в 1920-х гг., причем с отдельным проживанием детей, работающих и стариков. Но дальше публикаций дело не пошло. Чем интенсивнее развивалась индустрия панельного домостроения, тем больше становилось в стране одинаково-безликих микрорайонов. И тем интенсивнее росла самоорганизация их населения с целью озеленения придомовых территорий, и придания хотя бы минимального разнообразия среде своего непосредственного обитания.

Пятый период: 1958–1990-е гг.: поиски новых подходов

Как отмечалось, в 1959-1961 гг. студентами МАРХИ под рук. проф. М.О. Барща был создан «Новый элемент расселения» (НЭР) [Гутнов и др., 1961]. В его последующем развитии сочетались два планировочных подхода: радиально-кольцевой и линейный. Авторы этой модели исходили из того, что в СССР с его огромными территориями город не должен расти, поэтому население такого города не должно превышать 200 тыс. жителей, что уже было утопией. Теоретическими основаниями концепции НЭРа были удобство транспортная и пешеходная доступность, развитость системы обслуживания. При наличии свободных территорий достаточное озеленение представлялась как нечто само собой разумеющееся. Однако это была еще одна утопия, которую никто не пытался реализовать.

Развитие комплексного экологического подхода к городу было положено учеными МГУ и АН СССР вначале 1980-х гг. в программе «Экополис», первоначально предназначенная для малого города [Брудный и Кавтарадзе, 1980].

Ее принципиальной новизной было следующее: (1) она была создана междисциплинарной группой ученых; (2) в ее разработке приняли участие волонтеры и представители городских властей; (3) образ «Экополиса» оказал сильнейшее воздействие, как на профессиональное, так и на массовое сознание; (4) в концепции

«Экополиса» подчеркивалось, что обязательным условием реализации программы является экологическое воспитание и образование, а также повседневное участие в природоохранной деятельности большинства населения города. Верховная власть и, прежде всего, Госстрой и Госплан СССР, забеспокоились, так как увидели в этой программе вызов современной односторонней градостроительной политике. Началась срочная разработка программы «Полис», которая, естественно, ничем не закончилась.

Позже была предложена идея «экосистемного линеарного города», по которой население и хозяйство концентрируются в протяженных коридорах вдоль линий коммуникаций в регионах областного масштаба. При этом большая часть территории сохраняется для естественных процессов при щадящей антропогенной нагрузке [Глазычев, 1984, Яницкий, 1987]. Именно тогда было предложено рассматривать экологический подход как *общенаучный* и *междисциплинарный*. Соответственно, город есть система внешних и внутренних экономических, социальных, ресурсных, культурных и иных связей, а его «экологичность» – главный ценностный ориентир его развития. Тем самым развивался «средовой подход» к анализу проблем города.

Шестой период: 2000-е гг.: «виртуальный поворот»

Четвертая промышленная революция (нано-технологии, биоинженерные и информационные технологии), не только изменяет структурно-функциональную структуру российского общества, но и само понимание «жизненного пространства» населения мегаполисов. Они и другие крупные города сохраняются, но глобализация вкупе с новой промышленной революцией все больше превращает их в бизнес и сервис-центры, или же в зоны туризма и развлечений. Социальная поляризация городского населения усиливается. На одном «полюсе» – стабильная обеспеченная жизнь, жилые комплексы с обслуживанием и охраной, дети, обучающиеся в лучших вузах за рубежом. На другом «полюсе» – бедность, случайные заработки, плохая еда, ограниченный доступ к учреждениям образования и медицины, криминальные сообщества. Сложившаяся ранее система расселения деградировала, так как ресурсно-ориентированному капиталу нужны не «зеленые города», а новые места добычи или первичной переработки углеводородного сырья. Потенциально проблемные сообщества (научные и университетские городки) стремятся выводить за пределы крупнейших городов. Информационное производство и системы ритейла быстро развиваются, но вследствие отсутствия необходимого правового регулирования паразитируют на потенциале городской среды. Бизнес, стремясь минимизировать свои издержки, превращает город в свою «корпоративную среду» обитания.

Сферу информационного производства городские власти пока не контролируют в силу своего «доиндустриального» образования. Это производство – быстро развивающееся, чрезвычайно мобильное и территориально не фиксированное является современной формой ведения городского управления, бизнеса и сферы обслуживания. Информационные потребности и соответствующие структуры современного города растут так быстро, что ни социология, ни градостроительная теория не успевают их теоретически осмысливать. Это производство руководствуется теми же принципами минимакса. Переход человечества на расчеты в бит-валюте вообще не подлежит осмыслению в терминах локальное-глобальное. Это переход городской жизни в виртуальную реальность, где «зеленые пространства» могут посещаться и потребляться как физически, так психологически, если вид «зелени» подкрепляется зрительными, звуковыми эффектами и запахами. Тем не менее развивается концепция эко-города, предполагающая максимальное использование экосовместимых решений. Наконец, уже два поколения городского населения выросли в социокультурной матрице западной массовой культуры, теперь же их пытаются повернуть к традиционным ценностям с помощью политической риторики. Возникает социокультурный гибрид с

неопределенной идентичностью, который будет переносить это раздвоенное состояние на окружающих, что уже и происходит в форме немотивированных преступлений или акций радикальных групп.

Выводы

Вследствие кардинальных перемен в общественном устройстве России и ряда критических состояний (войны, смена типов общественного производства) линейной траектории развития концепции «зеленого города» в российской науке и практике не могло сложиться. На протяжении 100 лет обнаруживается колебание теоретической мысли между радикализмом директивного типа и попытками комплексного конструирования «органической» модели этого города. Если для малого города такая модель уже не раз была создана, то для мегаполиса она не могла быть построена в виду ее чрезвычайной сложности, динамического характера и растущей зависимости от глобальной геополитической ситуации. Предсказуемость и безопасность жизни выходят на первый план.

Тем не менее и в РФ, и за рубежом поиски способов совмещения капиталистического (рыночного) способа производства с «идеальной моделью» жизнеустройства городов продолжаются. Однако решению этой, на мой взгляд, трудноразрешимой задачи, препятствуют следующие процессы. Прежде всего, это продолжающееся разделение человеческих поселений на отдельные анклавы по имущественному, этническому и другим признакам. Чем больше опасность разрушения приватности, тем сильнее стремление обособиться. Затем, это унифицирующее воздействие масс-медиа и сопротивление ему с целью сохранения индивидом своей идентичности. Наконец, сегодня проектирование «зеленых городов» превратилось в род бизнеса, в котором человеческие потребности подавляются рекламной привлекательностью все новых и новых авангардных решений. В результате проектирование этих «идеальных моделей» превращается в еще одну форму унифицирующего воздействия глобализации.

Глава 13. Глобализация и проблемы ранней социализации[2]

В современном мире дети и молодежь одновременно являются его надеждой и опасностью, проблемной группой и главной силой движения в будущее. Информационно-коммуникационные системы (ИКС), порожденные новой технологической революцией, сближают страны и народы, одновременно порождая очаги напряженности. В главе на основе историко-культурного подхода, анализа отечественной и зарубежной литературы и собственных исследований выдвигаются следующие положения.

Первое, под воздействием ИКС общество превратилось в сложную СБТ-систему. Второе, благодаря деятельности ИКС, дети и молодежь оказываются гораздо более продвинутыми, чем старшие поколения, что ломает привычные перегородки между сферами воспитания, обучения и «взрослой» жизни. Третье, существующие институты социализации все более отстают от ускоряющихся темпо-ритмов и форм развития общественной жизни.

Четвертое, ребенок, школьник превращается из «объекта управления» в агента социального действия. Соответственно, его первичная ячейка социализации трансформируется в социальную сеть. Пятое, ИКС сжимают время и пространство,

[2] Глава написана при поддержке Российского научного фонда, проект «Российские мегаполисы в условиях новых социально-экологических вызовов: построение комплексной междисциплинарной модели и стратегий формирования «зеленых» городов России», грант № 17-78-20106.

поэтому «ступенчатая» социализация ребенка и подростка «по предметам» противоречит его многостороннему практическому опыту. В-шестых, российский и зарубежный опыт обучения школьников и молодежи действием (learning by doing) дает долговременные позитивные результаты.

В-седьмых, комплексное познание структуры и динамики мира детства необходимо для теоретической социологии, изучающей динамику глобального мира. В-восьмых, методы изучения этого мира должны соответствовать его сложности и динамике. В заключении обозначены некоторые актуальные вопросы теории изучения проблемы детства в обозначенных выше рамках глобальной динамики, проблемно-ориентированного и междисциплинарного подходов.

Методы и инструментарий исследования

В работе использован исторический метод, состоявший в изучении основных этапов и способов социализации детей и подростков в России/СССР/РФ и за рубежом, с особым акцентом на изменения этого процесса под воздействием глобализации и ИКС. Проведены исследование теоретических подходов к проблеме социализации детей и подростков в современной зарубежной литературе, с последующей рефлексией и теоретизированием и вторичный анализ имеющихся материалов по ранней социализации детей и школьников на основе изучения случаев. Использован метод глубинных интервью с учеными, преподавателями и лидерами гражданских инициатив и движений в России. Наконец, в течение 2014–2016 гг. осуществлялся мониторинг СМИ и, прежде всего, радио-дискуссий по проблемам воспитания, школы и волонтерской деятельности подростков (в частности, результатов таких дискуссий как «Родительское собрание» и программы «Чувствительно» о волонтерском движении в РФ).

Основные тренды

В современном мире дети и молодежь одновременно являются его надеждой и опасностью, проблемной группой и главным мотором движения в будущее. Функционирование ИКС сближает страны и народы, изменяя характер и формы социализации. Практически все виды и формы деятельности общества (функционирование финансово-экономической сферы, маркетинг и кодификация, информирование населения, образовательные и культурные процессы, управление, контроль, мониторинг за состоянием природной и социальной среды) осуществляются посредством ИКС. Иными словами, *сетевые системы* стали основным каркасом воспроизводства молодого поколения, что справедливо для всех уровней общественной жизни: локальной региональной и глобальной. Независимо от степени общественного развития стран и регионов все его агенты осуществляют свои намерения посредством информационных сетей. Соответственно, борьба противостоящих сил, конфликты и меры по их разрешению, а также формы и степень вовлеченности в них детей и подростков, осуществляются посредством ИКС.

ИКС приобрели такое социальное значение по ряду причин: быстрота и дистанционный способ коммуникации, относительная дешевизна по сравнению с прошлыми средствами общения, универсальный и потому общепонятный язык ИКС и др. Но главное их достоинство – это возможность изучения и моделирования процессов взаимодействия между природными, социальными и техническими системами. Как уже отмечалось, сегодня любой агент социального действия имеет дело не с «обществом» в привычном смысле слова, а со сложными СБТ-системами. И только универсальный язык коммуникации позволяет исследователю и практику как-то соотносить взаимодействие их качественно различных сфер. Основным «инструментом» для

такого соотнесения (и перевода данных одной дисциплины на язык другой) являются метаболические процессы, происходящие на макро, мезо и микроуровнях.

Теперь, почему речь идет именно о детях, ведь ИКС оказывают влияние на все слои и группы общества? Прежде всего, потому, что от того, как следующее поколение воспримет и использует накопленные нами знания и опыт, зависит будущее общества. Дети и школьники – гораздо более информационно-продвинутая часть населения страны, и уже сейчас очевидно, что взаимопонимание между старшим и младшим поколениями затруднено. Распространение ИКС постепенно меняет всю систему первичной и последующей социализации ребенка, которая нам, старшим, казалась единственно возможной. Далее, все, столь привычные для нас среды социализации – семья, улица, школа и теперь уже весь мир изменили свои назначение и форму воздействия на ребенка и подростка. Наконец, ИКС ломают привычные для нас перегородки между сферами воспитания, обучения и «взрослой» жизни. Сам процесс вхождения во взрослую жизнь становится комплексным, интегрированным, для познания которого и соответствующего обучения ему нужны интегративные подходы и приемы. Искусственное разделение этого интегрированного мира на математику, физику, химию и т.д., созданное еще в эпоху Просвещения, более не отвечает его интегрированному качеству. Существенно, что существующие социальные институты все более отстают от ускоряющегося темпа и форм развития общественной жизни.

Поскольку в отечественной литературе тема социализации детей и подростков всегда обсуждалась (работы И. Кона, Д. Константиновского, В. Магуна, В. Семеновой, Ф. Филиппова, В. Шубкина, В. Ядова и многих других), попытаемся подвести некоторый промежуточный итог. Во-первых, анализ исторических траекторий социализации в разных странах мира выявил их разнообразие, детерминируемое экономическими, социальными и культурными особенностями стран и регионов. Ни в бывшем СССР, ни в нынешней объединенной Европе единой модели социализации детей и подростков не существовало. В истории РФСР/СССР/РФ периодически наблюдалось «возвратно-поступательное» колебание процессов социализации и их концептуального осмысления: от шквала экспериментов и нововведений (типа Дальтон плана) к возврату к модели классической гимназии в 1940-1950-х гг., и наоборот.

Теоретики процессов социализации то «забывали» об их зависимости от изменяющейся действительности под грузом текущих проблем, стремясь хотя бы уберечь детей от разрушительного влияния войн, голода и репрессий. То в периоды «оттепели» стремились наверстать отставание теории и практики социализации от социально-экономических перемен. Иными словами, в данной сфере теории и социальной практики тоже наблюдался феномен «рецидивирующей модернизации». Мой собственный опыт советского школьника 1940–1950-х гг. был вполне «классическим», если не считать отсутствия уроков латыни, греческого и закона Божия. Школа давала некоторый «стандарт знаний», а свободное время поглощалось множеством форм внешкольной работы и досуга.

Во-вторых, советское общество жестко контролировало процессы и формы всех последующих этапов социализации. Техникум и вуз были построены по тому же общему принципу: обязательное овладение некоторым «стандартом» знаний и умений и достаточно большой выбор форм деятельности за пределами учебного заведения. Естественно, что и этот выбор жестко контролировался партийно-государственными структурами. По окончании техникума или вуза молодого человека, как правило, «распределяли» по заявкам местных или региональных органов власти. К тому же в советский период существовало множество форм вечернего и заочного образования, позволявшего сочетать учебу и работу. Так или иначе, образование всегда рассматривалось как «путевка в жизнь». Обширная сеть общественных организаций не только позволяла компенсировать учащемуся жесткие рамки образовательного

«стандарта», но и была той социальной средой, которая позволяла развивать индивидуальные способности и интересы. Более того, некоторые вузы были чемпионами по «производству» знаменитостей. Так Московский архитектурный институт (теперь МАРХИ), в котором я учился, дал стране выдающихся поэтов художников, певцов, книжных графиков, театральных художников, предложил несколько моделей «города будущего» и т.д.

В-третьих, теперь – о периоде 1970–1990 гг. С одной стороны, индивидуальные носители гражданской активности в России и СССР были всегда, они боролись за свои идеи даже в годы большого террора. Но на публичной арене их не было, или же их «разоблачали» как носителей мальтузианства или других «идеологически вредных идей». Для возрождения гражданского общества нужна были новые агенты и «питательная среда», и ими вначале 1960-х гг. оказалась студенческая молодежь. Речь идет о многолетнем и успешном опыте вовлечения школьников и студентов в природоохранную деятельность [И мир пройдет по нашим вехам, 2001: 287; Помнишь.., 2011: 254]. В ряде вузов страны были созданы «Дружины охраны природы» (ДОПы), которые затем просуществовали более 50 лет. Их главной чертой была самодеятельность и самоорганизация, основанные на научном знании и практическом опыте. Поначалу ДОПы маскировались под помощников официальных общественных организаций, но на самом деле их сфера деятельности была гораздо более широкой. Их протестная активность никогда не была радикальной, скорее она была вынужденной формой защиты природы и самих себя. Плюс эта активность всегда был *формой обучения* реальной жизни в критических обстоятельствах.

Участие в дружинной работе было важнейшим каналом и формой социализации школьников и молодежи. В нем оптимально комбинировались свободный выбор и строгая дисциплина. Столь же оптимально (и динамично) сочетались обучение и научение, то есть обретение навыков практической работы, то есть впервые в массовом порядке был реализован принцип «обучение действием». Веер возможностей был гораздо шире, чем в любой «традиционной» общественной организации. ДОПы идеально сочетали возможность адаптации к городской жизни студентов из глубинки и самостоятельную творческую работу наиболее продвинутых из них. Деятельность групп дружинников всегда была работой в разнообразных и непредвиденных обстоятельствах. Наконец, ДОП была *построена и функционировала как сеть*, факт невиданный в то время. Поэтому неслучайно, большинство бывших дружинников смогли не только адаптироваться, но и найти свое место в новой жизни.

В-четвертых, уже в течение последних 15 лет бывшие дружинники, ставшие педагогами или научными работниками, передают свои знания и опыт школьникам в самых разных регионах страны. Но этот процесс – отнюдь не череда конференций или дополнительных занятий. Школьники (при консультации учителей или ученых) самостоятельно выбирают тему и проводят полевые исследования, а потом обсуждают результаты на ежегодной конференции. Однако это – не единственная форма их самостоятельной работы, есть еще школьные лесничества, дети участвуют в программе возрождения лесного пояса Москвы, причем опять же не только «сажают» саженцы, но проводят массу других работ, начиная от выбора места, где будут размещены посадки и вплоть до привлечения местных жителей к их работе. И те, и другие говорят: «это – наш лес». В этой и других работах школьники используют современные методы: картирование местности, геолокацию, моделирование и т.д.

В-пятых, сегодня на смену последовательно расширяющихся *ячеек социализации* ребенка и подростка (семья, ближний круг, двор, школа, вуз) приходит принципиально иная система: сетевые сообщества, глобальные и национальные, относительно стабильные и постоянно меняющиеся, дружественные и враждебные. Социализация ребенка и подростка становится вероятностным нелинейным процессом с постоянно

открытыми границами. ИКС не предлагают детям каких-то «уроков» или «заданий» как в школе, они лишь вовлекают подростка в неизведанный и бесконечный мир.

В результате происходит *кардинальная смена самого способа социализации*: *из информационно-ограниченного и дискретного он превращается в неограниченный и бесконечный, где ребенок может «выбирать».* Но как именно выбирать – этому взрослые научить не могут, они могут лишь временно ограничить доступ ребенка к некоторым информационным ресурсам. Более того, возникает социальная напряженность, так как старшие материально лучше обеспечены, чем их дети и внуки, но последние знают о мире больше и не боятся его. Поэтому существовавшая много веков концепция приватности теряет смысл, начинается повседневная борьба между ограниченным набором средств социализации, предлагаемых ребенку семьей и институтами воспитания и образования, и бесконечной возможностью «свободного выбора». В действительности эта бесконечность хорошо структурирована и имеет своего хозяина. Соответственно, требует пересмотра и концепция первичной эко-структуры, предложенная мною еще в конце 1980-х гг.

Состояние вопроса

Российская и зарубежная литература по вопросам детства и особенно, молодежи огромна и разнообразна (ее наиболее полный обзор см.: [Социология в России, 1998]). Однако в основной своей массе авторы, пишущие о детях и молодежи, шли по проторенному пути. Я имею в виду, прежде всего, их разделение по возрастным группам. Затем – это важные, но все же, традиционные размежевания исследований: проблемы целей и ценностей отдельных когорт молодого поколения, профессионального самоопределения и жизненных притязаний молодежи, ее отношения у власти, престижу и богатству, специфика «этики успеха» у некоторой возрастной группы и т.д. Исследовался и ряд других отношений: к родителям и старшему поколению в целом, к текущим и перспективным реформам, к модернизации страны и путям ее осуществления, к руководителям и подчиненным, а также их оценочные суждения, касающиеся желаемого уровня благосостояния, распределения ролей в семье, относительно собственных возможностей и желания преодолевать жизненные трудности. Весьма обещающим был подход к изучению пределов личной активности, направленной на приобретение высокой квалификации и социального капитала. Для исследуемой проблемы методологически также важна степень ориентации молодежи на Запад как олицетворение более высоких жизненных стандартов [Магун, 1998: 32–34], а также изучение ожидаемой помощи со стороны родителей для осуществления этой цели.

Однако в упомянутых и других подобных работах интересующая нас проблема не затрагивалась, хотя в советское время было много фундаментальных исследований, посвященных социальным последствиям научно-технического прогресса. Косвенно эта проблема была теоретически затронута в исследовании Л.А. Гордона относительно проблем «переходного» времени [Гордон, 1994: 300–309]. В работе Б.В. Дубина был намечен такой методологически важный момент как «разрыв поколений» [Дубин, 1995, с 16-20]. Наконец, еще в 1969–1970 гг. появился ряд теоретических исследований, посвященных общим проблемам динамики СССР под воздействием НТР [Ахиезер, Коган, Яницкий, 1969; Яницкий, 1972]. В середине 1970-х гг. была предложена концепция баланса «включения–обособления» как некоторая социально-психологическая норма социализации и развития личности [Абульханова-Славская, 1980: 276]. Позже на ее основе была предложена упомянутая выше сетевая модель первичной жизненной ячейка индивида. Показательно, что выдающийся российский исследователь личности И. Кон лишь однажды обратился к теме НТР, отметив, что

макросоциальные процессы социализации «находятся вне сферы прямого педагогического контроля взрослых» [Кон, 2008: 383].

Западная литература традиционно уделяла проблеме детства и молодежи значительное внимание. Классической работой 1980-х гг. может быть признана коллективная монография канадских авторов. Это многостороннее исследование, единственное в своем роде. Авторы пришли к выводу, что социализация есть «открытый процесс» (open-ended process) [The Children and the City, 1979: 297–298]. Во втором томе, обозначенном как «сегодня и завтра», никакой специфики этого завтра не выявлялось. Различение делалось только между аграрным и индустриальным обществом, хотя до всеобщего распространения концепции постмодерна в англо-саксонских странах оставалось каких-нибудь пять–семь лет. Авторы этого исследования утверждали, что «независимо от специфических технологических или экономических условий жизни детей решение их проблем всегда важно» [The Children and the City, 1979: XV].

В других статьях этого коллективного труда рассматривались вопросы влияния специфика места жительства ребенка на его взросление и социализацию, отмечалось, что планировщики недостаточно учитывают потребности детей, анализировались негативные эффекты воздействия перемещения детей из семьи в другую среду обитания и т.д. Подчеркивалось, что по мере урбанизации ребенок все более теряет контроль над этой средой. В работе, посвященной специфике жизни в пригородах, автор, ссылаясь на известную работу Д. Рисмена, [Riesman, 1957], отмечет, что «пригородный образ жизни» ориентирован на детей гораздо более [Thurns, 1972: 175].

Современные исследования в данной области относительно немногочисленны. Рассмотрим основные темы и выводы по материалам специального номера международного журнала «Current Sociology», 2010. Отмечается, что социология детства – все еще молодая отрасль социологического знания, и разрабатывается время времени. Есть целая область проблем, которая исключается или остается на периферии интереса социологов. Отмечается необходимость компаративных исследований. Подчеркивается необходимость переноса акцента «с будущего на настоящее, от приготовления детей к периоду взрослой жизни к их текущим повседневным взаимодействиям здесь и сейчас». Другой важный поворот – это «отход от взросло-центричности данной дисциплины к акценту на *роли ребенка как социального агента*, участию детей в принятии решений относительно частной и общественной жизни. Сравнительный анализ пространственно-временны*х* параметров этих перемен также необходим» [Bühler-Neiderberger, 2010]. Далее обобщается опыт отдельных Европейских стран.

Так, финский социолог подчеркивает сдвиг от исследований детства как закрытого сообщества к нему как к встроенному во «взрослые» структуры, отмечая необходимость междисциплинарного подхода к теме [Strandell, 2010]. Рефлексия социолога из Великобритании иная. Отмечается, что политический статус детства стал общественной проблемой, тем самым выходя за академические рамки. Обеспокоенность выходом «подростковой культуры» за рамки существующего социального порядка (fears about out of control) растет, что частично объясняется ограниченностью прав молодежи национальным законодательством. Французские исследователи детства развивались в рамках парадигмы «Возвращение актора» (return to the actor), предложенной А. Туреном. Вот основные направления исследований: изучения дискурса по данной теме, ребенок как социальный актор, политика и культура в данной публичной сфере. Так или иначе «черный ящик» классной комнаты был открыт, социология детства вышла из тесной шинели социологии образования, что привело к осознанию множества архетипов детства и поведенческих моделей. Автор

отмечает, что некоторые исследователи склоняются к архетипу детства как к ‘paradoxical alter ego’ [Moran-Ellis, 2010].

В Италии социология детства до сих пор является маргинальной академической дисциплиной. Упор делается на развитии форм участия детей и подростков в конструировании их отношений со сверстниками и подростками, где взрослые должны выступать только в роли помощников этого процесса. Возникает противостояние двух подходов: один настаивает на саморазвитии подростков, их роли как граждан, тогда как другой на их подчинении правилам, которые сконструировали взрослые [Baraldi, 2010]. Надо сказать, что позиция итальянского социолога близка мне не только потому, что в России/СССР/РФ дети рано социализировались и начинали трудиться, но и потому, что ментальность итальянцев, по моему мнению, наиболее близка к российской ментальности. Немецкий автор расставляет акценты по-иному: самоопределение и активная позиция подростков (child as a subject), их зависимость от социальной динамики, рынка, СМИ и типа городской среды, влияние на его поведение межпоколенных отношений (generational order) и смены поколений. То есть два измерения одинаково важны: единовременное и последовательное во времени. Технологии увеличивают скорости передвижения, размежевания, разделения, в результате которых происходит обособление детей и взрослых в общественном пространстве города. Это, в свою очередь, изменяет формы контроля над детьми-вне-школы от личностного к институциональному (через интернет, социальные сети и СМИ). Идет процесс «модернизации детства» при том, что этот мир одновременно обособляется от контроля института образования и трудовой сферы. Боле того, размывание социальных границ порождает двойной эффект. В практике процесс социализации детей выходит все дальше за рамки институтов воспитания и образования; в теории этот эффект ведет к размыванию границ между разными отраслями общественных наук, то есть порождают ограниченный междисциплинарный эффект [Zeiher, 2010].

Опыт Нидерландов свидетельствует, что индустриальное развитие и высокий достаток основной массы населения не всегда означают прогресс в развитии социологии социализации. Отмечается, что в стране с сильными семейными традициями дети оказались между сферами частной и общественной жизни, внешним контролем над их поведением и самоконтролем, то есть, опять же, «между» разными институциями и, соответственно, между разными специализированными сферами социального знания. Как оказалось, именно политики и эксперты, а не независимые ученые, формируют повестку дня в интересующей нас области. Как и в Германии, границы процесса социализации детей размываются, где-то влияние нуклеарной семьи еще сохраняется, а где-то подростки уже ведут половую жизнь так, как им хочется. По оценке некоторых международных организаций, дети в этой стране самые счастливые в мире.

Однако автор указывает, что есть ряд негативных трендов, в первую очередь касающихся детей мигрантов, процесс социализации которых не только, как следует, не обеспечен, но и недостаточно изучен. В ходе глобализации количество и разнообразие контактов детей все время растет, дети становятся зависимыми от растущего числа институтов социализации, поэтому общение детей становится фрагментарным. Автор называет две взаимозависимые проблемы: напряженность между частной и публичной жизнью и поиск баланса между контролем над детьми извне и их самоконтролем. Или, иначе, это противоречие между «внутренними» (семейными) и внешними сетями, в которые включен ребенок или подросток по своему выбору. И называет еще два источника озабоченности: жизнь ребенка в разных типах семьи и взгляд взрослых на ребенка как на социальную проблему.

В США принято совместно изучать проблему детства и юношества, что американский исследователь называет междисциплинарным подходом (cross-disciplinary researches). Автор выделяет три теоретических подхода к проблеме: социально-конструктивистский, социально-структурный и демографический. Последний предполагает подход «сверху—вниз», то есть рассматривает ребенка в связях с «большой семьей». Все названные подходы ограниченно междисциплинарные, предполагающие связь между общественными науками. Автор связывает будущее развитие этой области знания с социальной политикой и правами детей. Отмечу, акцент, сделанный на необходимости включения «голосов детей» и их участие в исследовании интересующей нас проблемы [Bass, 2010].

Отмечается, что социология детства во Франции все еще является фрагментированной областью, сочетающей многие социальные науки. Современные тренды – это *подход к ребенку как к социальному агенту*, рефлексия по поводу экспертного дискурса, социальная политика в данной области и специфика детской субкультуры. Детство как социальный феномен продолжает рассматриваться в рамках институционального подхода. Так или иначе, *проблематика детства перемещается с периферии в центр социологического интереса* и превращается в принципиальный пункт триединого подхода: производства, воспроизводства и трансформации общества. Другой методологически важный пункт – это понимание исторического анализа как междисциплинарного подхода. Третий – это синтез подходов, присущих французской, английской и португальской культурам. Автор приходят к выводу, что сегодня нельзя заранее задавать какие-либо междисциплинарные разграничения заранее. Обнаружилось, что добытое учеными знание циркулирует между (или одновременно) тремя сферами: исследованиями, здравым смыслом и «вульгарной культурой». С точки зрения социальной политики, необходимо сочетание трех подходов: ребенок как проблема, с которой должны справляться родители, ребенок как личность, обладающая правами, и ее зависимость от других. Наконец, что глобальный и локальный контекст социализации связаны посредством социальных сетей [Sirota, 2010].

Статья о детях и их изучении в Австралии заслуживает особого внимания, поскольку сильно отличается от остальных. Во-первых, ее автор [Van Krieken, 2010] указывает на влияние новых технологий и масс-медиа на поведение ребенка, особенно на феномен его «дигитализации» (виртуализации), на структуру семьи и семейных отношений. Во-вторых, отмечается очевидный переход общества от модели всеобщего благосостояния к господству рыночных механизмов. В-третьих, автор указывает на новое разделение семейных ролей: отец выступает как «менеджер» расходов на образование ребенка, тогда как мать как «семейный педагог», который призван максимизировать домашнее обучение детей и способствовать обретению навыков в конкурентном обществе. В-четвертых, автор указывает на качественные различия в социализации детей богатых (в частных школах и других корпоративных заведениях), с одной стороны, и детей бедных, ищущих приюта и защиты, детей австралийских аборигенов, с другой стороны. В-пятых, автор отмечает сохраняющуюся зависимость национальной социологии детства от англо-саксонской традиции, препятствующей в известной мере формированию собственного взгляда на проблему.

В-шестых, автор называет комплекс наук, занимающихся социологией детства, «эклектической междисциплинарной смесью» (eclectic interdisciplinary mix), тогда как, с моей точки зрения, это – весьма плодотворный путь. В другой своей работе автор называет организованное улучшение жизни детей культурным геноцидом [Van Krieken, 2003]. Поскольку еще в 1970–1980-х гг. я был знаком с работами австралийских ученых в данной области, хотелось бы отметить весьма профессиональный подход проф. Ван Крикена к проблеме. По контрасту весьма поучителен опыт румынских социологов, страны относительно бедной и недавно вошедшей в Европейский Союз. Проф.

Е. Станчилеску выделяет три этапа развития социологии детства: структурный (изучение семьи и сельских сообществ), агентский (ребенок как социальный актор с его участием в исследованиях) и диктат глобальных процессов с трудно предсказуемыми последствиями. В названных периодах акцент делался на изучении детей-париев (excluded and vulnerable children). Автор выделяет критически необходимые области будущих исследований: фундаментальные исследования, взаимодействие детского и взрослого миров, растущая опасность меж-поколенных различий, различия моделей «взросления» детей в семьях с разным достатком [Stanciulescu, 2010].

Теперь перенесемся на другой континент, в Бразилию. Авторы отмечают масштаб проблемы, несравнимый с Европой. Молодое население Южной Америки (0–14 лет) составляет более 140 млн, а в Бразилии с ее населением в 170 млн чел., более 48 млн, что требует гигантских ресурсов. В начале XX в. социология детства развивалась в Бразилии правовиками и врачами, представлявшими медицинский взгляд на проблему, которую нужно «лечить». Соответственно, господствовал макроэкономический и легальный подходы. В гуманитарных науках дети трактовались как «отверженные и забытые», что выразилось в концепции «развивающегося ребенка» (developing child). Исследования развивались по двум направлениям: детская бедность и преступность и «безотцовщина». Однако потребовались десятки лет, чтобы начать развивать многосторонний подход, а не только видеть в проблеме детства недостаточный контроль. Когда в Бразилии установился демократический режим, ребенок был признан социальным агентом и субъектом права, однако разрыв между идеалом и его воплощением продолжал оставаться. Авторы приходят к выводу, что: наиболее перспективное направление исследований лежит между социальными науками и сферой образования; освоение знаний, производимых международными организациями и НКО; нужны большие и длительные вложения в подготовку соответствующих специалистов; преодоление патерналистского подхода к детям; и вообще поворот социальных наук к проблемам детства [Castro and Kosminsky, 2010].

В заключительной статье Д. Бюхлер-Нейдербергер результаты проведенного сравнительного исследования обобщает следующим образом. История этой дисциплины коротка, но она сегодня приобретает все большее значение, делая социологическое в***и***дение общества более объемным. Детство – все еще маргинальная часть социального мира, однако оказывающего растущее влияние на мир взрослых. Познание мира детства необходимо для теоретической социологии. Утилитарный подход к детям как к объекту «управления» вытесняется активистским. Бедные дети с девиантным поведением (children as endangered and victims), угрожающие существующему социальному порядку, представляют первостепенный интерес. «Кризисный дискурс» по теме преобладает, но иногда жаркие дискуссии о кризисе детства есть не что иное, как уловка государства с целью освободить себя от ответственности перед подрастающим поколением. Общий вывод: доминирующее восприятие детей как «социальной проблемы» означает, что социологические исследования в этой области все еще не являются приоритетными, что детство должно, наконец, обрести «свой дом» в социологической теории и в концептах социальных отношений между поколениями [Büchler-Niederberger, 2010].

Выводы

Сегодня социальные институты образования и воспитания не поспевают за происходящими переменами. Поэтому идея превращения подростка из объекта воспитания и обучения в агента социальной активности отвечает идее значимости *социализирующей роли общественного участия* детей и подростков. Под воздействием информатизации и глобализации *среда бытия детей изменяется*. По сей день процесс социализации имеет четкий «ступенчатый» характер, который постепенно расширяется

во времени и пространстве. Движение по этой лестнице жестко контролируется множеством государственных и гражданских институтов. Теперь же посредством ИК-сетей, включение ребенка в общественную жизнь происходит сразу и в раннем возрасте. Раньше подрастающее поколение рассматривалось обществом как потенциальный социальный ресурс (для работы дома, в поле, по уходу за стариками и больными). Теперь же молодые люди в лучшем случае являются конкурентами родителей в сфере труда, в худшем они обречены на пособие по безработице. Одновременно в мире существуют миллионы молодых людей, которые социализируясь в *критической среде*, умеют только стрелять, грабить и убивать.

В западной литературе по данной теме изучаются лишь общие тренды, ситуация с детьми богатых (элиты) и жителей гетто не изучается. Тем самым, нарушается базовый принцип методики исследования: соответствие его инструментов (архетипов, ценностей, поведения) разнообразию изучаемого общества. Характер и формы воздействия новой технологической революции на поведение детей и подростков изучаются недостаточно. Отмечается лишь «размывание границ» между отдельными институциональными сферами, призванными регулировать процесс социализации. Между тем, мировосприятие современного подростка парадоксально. Он уже владеет новейшими коммуникационными технологиями много лучше взрослых и убежден, что чем он богаче, тем сильнее. Но об истинных механизмах общества «Интернета вещей» он осведомлен плохо.

На мой взгляд, в исследованиях российских и зарубежных социологов дискуссия по данной теме идет по важным, но все же по частным вопросам. Нет развернутой дискуссии в *рамках парадигмы локально-глобальной динамики,* а именно по таким ключевым проблемам, как соотношение общего и особенного социального порядка, развития и деградации процесса ранней социализации, сравнительного анализа «мы, взрослые, – они, дети или подростки», кто агент и кто ведущий в этом взаимодействии? и т.д. В современной социологии детства нет попыток системно определить эту группу общих проблем. Далее, сегодня дети и молодежь рассматриваются как субъекты, которым взрослые чего-то не додали, каких-то их прав вовремя не легализовали и т. п. Но во всем мире именно эти две группы все чаще становятся агентами кардинальных социальных перемен. Представляется, что пора обсудить роль детей и подростков в динамике глобального социального порядка более детально.

Далее, из рассматриваемой области знания (и процесса социологического познания вообще) практически исчез *компонент рефлексии*, присущей всей истории социологии. Нет критического анализа позиций коллег по социологическому цеху. Иногда, кажется, что мы живем в каком-то «параллельном мире»: число ссылок в научных статьях превышает все мыслимые пределы. Причем даже заинтересованный читатель не знает и половины работ, на которые ссылается некоторый автор. Получается, что эти упоминания работ коллег суть *ссылки ради ссылок*, способ демонстрации своей компетентности, причастности к данному экспертному сообществу, но они непригодны для рефлексии. Проблема детства и молодежи трактуются в рамках «парадигмы развития», но ведь история человечества уже не раз доказывала, что всякое «развитие» соседствует с упадком и деградацией. А эти процессы чреваты выбросом гигантских масс социальной энергии распада. За примерами ходить далеко не надо: Афганистан, Африка, Ближний Восток и далее по списку.

Затем, проблема междисциплинарного взаимодействия. Как показал анализ, пока оно ограничивается кооперацией внутри гуманитарных наук, редко – привлечением медиков или биологов. Но ведь главный «интегратор» сегодня – это ИК-революция, именно она «решает», какие дисциплины и в каком качестве нужны для комплексных исследований. А кто ставит им задачи: только рынок, государство или же потребности

человека и человечества? К тому же, упускается из виду, что «комплексность» исследования не ограничивается приглашением в очередной социологический проект ученого со стороны. Междисциплинарное взаимодействие – это сложная институциональная проблема, которая пока решается только в критических обстоятельствах.

И, наконец, самое важное. Дети и все молодое поколение – это социальные акторы. Но *какие именно?* И кто это определяет? Сколько красивых слов ни говорились бы, молодежь до сих пор, в понимании многих западных социологов, это – «потребительная» стоимость, которой распоряжаются в своих интересах сильные мира сего. Да, американцы берегут своих контрактников. Но за счет чего? За счет ведения военных или «мирных» разрушительных действий чужими руками! А выбор для «аборигенов» здесь прост: или умереть с голоду, или же заработать, если повезет, контрактником в частной армии в любой точке мира. Контракт – это экономическая, а не социальная или, тем более, не морально-этическая категория. Получается, что «монетарный подход» продолжает господствовать и в данной отрасли социологии. Более общая проблема заключается в том, что Европа и другие части мира периодически деградируют, погружаясь, по выражению У. Эко, в Средневековье. Так или иначе, и в данной области знания современный социолог должен работать в парадигме «динамика» vs. «статика и даже разрушение».

Глава 14. Микросоциологический анализ российских мегаполисов: исследование четырех случаев[3]

Предметом данной главы является исследование микросоциальной динамики российских мегаполисов на уровне микрорайона. На основе проблемно-ориентированного и междисциплинарного подходов, личного опыта как теоретика и практика градостроительства и длительного изучения четырех случаев мною были сделаны следующие выводы. Несмотря на солидные успехи в развитии социологии личности в прошлом, российская социология уделяет мало внимания микропроцессам на городском уровне. В течение 50–60 лет моих наблюдений, включая период Великой отечественной войны (1941–1945 гг.), человеческие контакты в масштабе микро-пространства (квартира, двор, улица, микрорайон) сокращались, а в макро-пространстве (национальном и глобальном) росли. Сегодня под воздействием комплекса научно-технических и социальных изменений межличностное общение горожан происходит на трех уровнях: сетевом профессиональном, сетевом общечеловеческом и локально-территориальном, причем индивидуальное поведение на всех из них формируется масс-медиа. Последствия микро-динамики в результате климатических изменений и «химизации» жизни горожан не анализируются.

Постановка вопроса

Современная социологическая наука внутренне парадоксальна. Акцентируя внимание на значимости человеческого и социального капитала индивида, его растущей мобильности и творческих потенциях, она, тем не менее, уделяет все большее внимание динамике общественного сознания и массового поведения, тем самым (по факту) становится дисциплиной, обслуживающей принятие решений и геополитические процессы в целом. Социальная антропология и бихевиоризм, некогда занимавшие ведущие позиции в социологии, теперь все более отодвигаются на второй

[3] Глава написана при поддержке Российского научного фонда, проект «Российские мегаполисы в условиях новых социально-экологических вызовов: построение комплексной междисциплинарной модели и стратегий формирования «зеленых» городов России», грант № 17-78-20106.

план, концентрируясь на изучении состояния и динамики традиционных и архаических сообществ. Концепции «индивидуального жизненного плана» и «истории жизни индивида» были заявлены, но не разработаны [Thompson, 1978]. Сегодня ведущие современные исследователи трактуют процессы производства и принятия пищи как сугубо массовые процессы, уделяя меньшее внимание индивидуальным и микро-групповым предпочтениям [Кравченко, 2014].

В целом, агрегирование информации (методы Big Data и ему подобные) все более превалирует над микро-групповым и индивидуальным анализом. Теория современных малых групп практически остается на уровне Д. Морено и других ее создателей. Если воспользоваться языком естествоиспытателей, то акцент в современной социологии делается на массовых процессах как на движущей силе социальных изменений. Индивидуальные социальные «мутации» практически не изучаются. Это тем более удивительно, что в естественных науках преобладает противоположная динамика: чтобы познать физические основы мироздания исследователи идут, по их собственному выражению, «вниз», то есть ищут (и находят!) все более мелкие его частицы, как, например, недавно открытый Бозон Хигса. Поэтому, на мой взгляд, пора в полной мере реанимировать теорию и методы изучения сопряженной индивидуальной и коллективной динамики, тем более что в истории России/СССР/РФ периодически наблюдалось смещение фокуса социологического интереса с индивидуального успеха и достижений к коллективным усилиям, и – наоборот. Наконец, остается практически неизученным влияние на индивидуальную жизнь глобальных изменений климата и тотальной химизации среды обитания человека, включая воздух, воду, пищу и другие важнейшие ресурсы его жизнеобеспечения.

Основы теории и методики исследования

Кратко изложу только те теоретические предпосылки, которые имеют прямое отношение к предмету данного исследования. Первое, это необходимость анализа любых явлений и процессов современного мира с двух точек зрения: сверху-вниз и снизу-вверх [Whyte, 1977, 1984], то есть как макро и микропроцессов, что отвечает современной теории глобализации как локально-глобального феномена [Robertson, 1994] или, в иной терминологии, «универсально-партикулярного» характера этого процесса [Wallerstein, 1994]. Второе, это понимание индивидуальной и групповой жизни как целостного и динамичного структурно-функционального образования, детерминируемого меняющимся соотношением факторов его прошлого, настоящего и будущего. Это понимание было достигнуто мною на личном опыте и наблюдении за поведением других, а позже было сформулировано как концепция первичной социально-экологической структуры [Yanitsky, 1988; 2012]. Третье, это необходимость *проблемного подхода* к исследуемому предмету, то есть как к сложной и многосторонней проблеме. Для изучения подобных интегрированных явлений мною была использована концепция СБТ-системы, что отвечает принципам подхода к изучению сложных систем в мировой социологии [Keen, 2008; Urry, 2011]. Как подчеркивал Д. Урри, социальный, физический и предметный миры настолько переплетены, что «дихотомия между ними есть идеологический конструкт, который необходимо преодолеть». И далее, «наш мир нуждается в социологии, способной заменить доминирующие <сегодня в ней> модели человеческого поведения» [Urry, 2011: 8, 16].

Четвертое, как уже отмечалось выше, сегодня, как никогда, социологическая наука нуждается в комплексном, то есть междисциплинарном взаимодействии. Это взаимодействие, по моему мнению, сегодня является не столько теоретической конструкцией, сколько политической практикой, или, как я ее называю, *политикой повседневности*. Только она способна преодолеть сложившиеся дисциплинарные

размежевания и институциональные барьеры. Как показали исследования экологического движения в СССР/РФ за 40 лет, именно в его ходе вырабатывались инструменты «междисциплинарных переходов» и достигался целостный взгляд на изучаемые микропроцессы [Краснова, 2001; И мир пройдет по нашим вехам, 2001]. Пятое, подобное сближение позиций разных наук и политических практик происходит ежедневно в самых разных сферах общественной практики, но социологи и науковеды обращают на них мало внимания. Шестое, еще один парадокс нашего времени состоит в том, что это *сближение и взаимопонимание достигается, прежде всего, в критических ситуациях*, когда ресурсы для ее разрешения ограничены, а времени на разработку методов «междисциплинарных переходов» просто нет. Наконец, необходимо учитывать, что сегодня понятия агент и контекст, в котором он действует, весьма относительны. Потенциально и агенты, и их среда могут попеременно выступать в той и другой роли.

Во всех изученных мною случаях использовались (с некоторыми вариациями) такие качественные методы, как наблюдение, включенное наблюдение и глубинные интервью. Особое внимание придавалось изучению человеческих документов (личной переписки, семейных фотографий, записных и телефонных книжек, квитанций об оплате коммунальных и иных платежей, личные удостоверения о членстве в общественных организациях). Также по памяти и документам была восстановлена структура систематических межличностных и опосредованных человеческих связей в рассматриваемых случаях.

Случай № 1: микрорайон в Москве

Объект: микрорайон (3 многоэтажных дома и их дворы) на внешней стороне Садового кольца.

Предмет: социальная экология их жизни.

Время наблюдения: 1938–1990 гг.

Теоретическая основа: концепция индивидуально-групповой социальной экологии и основанная на ней концепция первичной социально-экологической структуры.

Методы исследования: социально-антропологический анализ, качественные методы (изучение случаев), микро-социологические методы, изучение детства.

Инструменты исследования: изучение бюджетов времени индивидов, включенное наблюдение, наблюдение, короткие интервью, изучение человеческих документов (фотографий, писем, квитанций, удостоверений, записных и телефонных книжек и др.).

Описание объекта наблюдения: жизнь населения двух пятиэтажных домов постройки 1930-х гг. и одного многоэтажного дома постройки 1910–1920 гг. («доходный дом»). Их территории сначала были разделены деревянными заборами, а потом объединены в единый административный и социально-экологический комплекс. Дома со всеми удобствами, до 1957 г. без лифтов, потом с лифтами. Заселены эти дома были как отдельными, так и коммунальными квартирами. Эти дома представляли собой «расширение» той территории центра Москвы, которая уже была заселена преимущественно *научными работниками и творческой интеллигенцией*. «Ядро» этой зоны (улица Старый Арбат с прилежащими к ней переулками) находились в зоне пешеходной доступности населения изучаемого микрорайона, включая пенсионеров и детей школьного возраста. В течение 1945–1980-х гг. вокруг микрорайона был создан полный комплекс учреждений культуры, торгово-бытового, медицинского и иного обслуживания.

Процесс формирования объекта наблюдения: «Доходный дом» существовал весь период наблюдения как государственный, а два шестиэтажных дома сначала были

жилищными кооперативами, а в 1938 г. кооперативы были ликвидированы, и дома также перешли в ведение Моссовета. Строительство шестиэтажных домов было осуществлено за счет сноса ветхой малоэтажной застройки, «островки» которой (с сараями, голубятнями и др.), тем не менее, сохранялись до 1980-х гг.

Изменение состава жителей домов: в 1930-х гг. дома преимущественно заселялись советской интеллигенцией (профессура, учителя, врачи), однако к концу срока наблюдения социально-демографический состав их населения изменился: резко возрос процент совслужащих, включая работников территориально-хозяйственных служб и органов НКВД/МГБ. Постоянно росло число их детей и родственников, переезжавших к ним из провинции и других республик СССР, а в 1970–1990 гг. к ним прибавились так называемые «лимитчики» и их многодетные семьи, а также семьи, переселяемые из подвальных этажей. То есть, выражаясь языком тех лет, происходил процесс «выравнивания» социально-демографического состава объекта наблюдения.

Характеристика социально-экологической структуры объекта наблюдения. «Доходный дом» был уже заселен, а 6-этажные дома заселялись постепенно по ордерам жилищного кооператива. *Взаимопомощь «переселенцев»* была и осталась характерной чертой этой структуры до сего времени (делились едой, одеждой, посудой и т.д.). У этого феномена есть несколько объяснений. Одно – это желание помочь как черта характера подавляющего большинства советских людей. Другое – излишнее «обособление» советским обществом не приветствовалось и могло навлечь на семью ненужные подозрения. Третье – объединяющим моментом были дети, за которыми требовался присмотр (вернуть их домой со двора, накормить вовремя, уложить спать и т.д.). В общем, вся жизнь обитателей микрорайона была практически на виду.

Все повседневная (бытовая) жизнь происходила в трех социально-экологических пространствах: семья, работа и двор. Это триединство пространств объясняется опять же и практически, и идеологически. С одной стороны, повседневные дела требовали такого взаимодействия (можно было приглядеть за ребенком, гуляющим во дворе, позвать его вовремя домой, попросить сходить в магазин и т.д.). С другой стороны, эти связи взаимопомощи часто переходили в дружеские знакомства, обмен мелкими услугами, а дети постепенно становились самостоятельными, по крайней мере, в текучке повседневности.

Конечно, репрессии 1937–1938 гг. резко повысили социально-психологическую напряженность населения всего города. Но и особенно обособляться (инкапсулироваться) тоже было нельзя, так как это могло повысить градус подозрительности. Однако к чести большинства жителей изученного микрорайона, они сохранили свое человеческое достоинство. Возник интересный феномен разрыва между «символическим» и реальным поведением. На словах, многие обличали «вредителей и других «врагов народа», а на деле продолжали жить и общаться с соседями так, как будто ничего не случилось. Но у этого терпения есть психологический предел: когда в 1952 г. началось «Дело врачей», а наша семья дружила с одним из них, моя мать упросила меня не общаться с семьей репрессированных, так меня, уже студента 2-го курса, за одно знакомство с сыном «врача-убийцы» начали таскать на допросы. Но одновременно мой «очень тихий» отец продолжал ежемесячно материально помогать другой семье репрессированных.

Москва, вопреки существующему мнению, не была закрытым городом. Во всех трех домах микрорайона была масса смешанных браков, жили русские, евреи, армяне, беженцы с Украины и т.д. Когда репрессии кончились, и наступила «хрущевская оттепель» большинство продолжало жить прежней жизнью (семья-квартира-двор-близлежащий район города). Однако чем быстрее увеличивался процент лимитчиков и их семей, тем интенсивнее они стали проникать во все поры изучаемой социально-экологической структуры, устанавливая свои правила жизни, основанные на принципах

родства и кумовства. Как и вначале века, *жизнь московской интеллигенции снова стала перемещаться в дачные поселки или (реже) на садовые участки*, которые быстро стали центрами интеллектуального общения наиболее образованных жителей Москвы.

Другой тренд, резко ослабивший социальные связи внутри микрорайона, – это формирование нового поколения*, интересы которого вышли далеко за пределы «своего двора»*. Молодежь шла служить армию, обзаводилась семьями, становилась студентами и аспирантами, затем устраивалась на работу, которая была связана с длительными командировками и т.п. Третий тренд, действовавший в том же направлении, это стремление старых и молодых улучшить свои жилищные условия путем обмена, соединения-разъезда, вступления в жилищные кооперативы и т.п. В целом, территориальная мобильность, и старых, и молодых, постепенно росла. Тем не менее вплоть до 1990 г., когда моя семья переселилась в другой район Москвы, некоторые «дворовые» социальные связи сохранялись. Хотя в 1990-м г. я прекратил систематическое наблюдение за этими связями, живущие там и поныне мои знакомые свидетельствуют о начале «третьей волны» смены социального состава микрорайона и его социально-экологической организации.

Соотношение территориальных и сетевых связей. В целом можно утверждать, что в течение исследуемого периода времени (1938–1990 гг.) периоды изменения социально-экологической структуры изученного микрорайона совпали с периодами смены его поколенческой структуры. Этот вывод не универсален, а относится к конкретному периоду истории г. Москвы. Общий тренд – это размывание триады семья-квартира-двор под воздействием ускоряющихся социальных и технологических трансформаций. Более существенным детерминирующим фактором было присущее социалистическому строю четкое разделение на рабочее и внерабочее время, принципы и детали которого отражены во многих исследованиях [Артемов и др., 1967], которое также постепенно размывалось по мере развития информационных технологий и роста социальной мобильности городского населения.

О соотношении подходов «сверху-вниз» и «снизу-вверх». У жителей всякого городского микрорайона со временем вырабатывается, как говорят психологи, динамический стереотип, с одной стороны, приспособленный с одной стороны, к его повседневным нуждам и с другой стороны, к ритму жизни большого города. Однако «третья сила» в виде строительных или ремонтных бригад, ритмам их финансирования, а также традиции приспособления жизни к некоторым датам» (конец квартала, года, «День Города») периодически нарушала согласованность этих стереотипов. Кроме того, жителей раздражала частая повторяемость ремонтных работ, производимых по принципу «латания дыр». За время наблюдения за жизнью этого микрорайона я обнаружил шесть слоев асфальтового покрытия вместо одного, сделанного по нормам. Вообще, в отношении придомовых территорий их жители остались совершенно бесправными, так как эта земля принадлежит городу.

Случай № 2: микрорайон в г. Казани во время Великой отечественной войны (1941–1943 гг.)

Объект: микрорайон (3 двухэтажных дома и их дворы) на улице Щапова.

Предмет: формирование социальной экологии жизни временных мигрантов (эвакуированных) в экстремальных (мобилизационных) условиях войны.

Время наблюдения: июль 1941 – май 1943 гг.

Методы: включенное наблюдение, наблюдение, изучение человеческих документов (фотографий, писем, квитанций, записных и телефонных книжек и др.).

Описание объекта наблюдения: адаптация вынужденных переселенцев (эвакуированных из Москвы ученых и их семей) к совершенной новой среде обитания в

экстремальных (мобилизационных) условиях войны происходила вполне организовано, но ускоренным и упрощенным способом, что не могло не иметь своих негативных последствий. После относительно благополучного переезда из Москвы в Казань, для мигрантов наступил период казарменного положения (жизнь в огромных аудиториях Казанского университета или же в малоприспособленных ветхих домах на окраине города). Затем постепенное расселение эвакуированных по жилым домам за счет уплотнения их и так переполненных коммунальных квартир, что временами вызывало резкое недовольство местного населения (вплоть до угроз физической расправы с эвакуированными).

Изменение состава жителей домов и состояние эвакуированных: страдали обе стороны. Коренные жители вынуждены были или «уплотняться» или переезжать в другие города или в деревню к родственникам, а эвакуированные жили чрезвычайно скученно, и в мало приспособленных помещениях. Естественно, что сложившаяся ранее социально-экологическая структура переселенцев резко «сжалась», эвакуированные были рассеяны по всему городу и потому не могли ни общаться, ни оказывать друг другу минимальную помощь. Несмотря на гигантские усилия местных властей по организованному размещению такого огромного притока эвакуированных, начались эксцессы. Заболеваемость их детей и внуков резко возросла, а старшим длительное время пришлось работать в экстремальных условиях, что также не могло не вызвать повышения числа заболевших. Участились случаи ограбления приезжих, в том числе, кражи талонов на питание, а позже – продовольственных карточек.

Затем начался период взаимной адаптации приезжих и местных, который благодаря усилиям взрослых переселенцев и местных властей продолжался не более полугода. Вот мои некоторые собственные впечатления: после двух месяцев непрерывных болезней, я стал понемногу осваиваться в этой новой обстановке. В этом процессе были два ключевых момента. Первый – это осторожное освоение совершенно незнакомой мне пространственной и социокультурной среды моего нового места жительства. В школу по состоянию здоровья я ходить не мог, и поэтому моими первыми «университетами» были длинные коридоры коммунальной квартиры в двухэтажном особняке на ул. Щапова, а затем – и его подвального этажа, где, находилось нечто вроде «воровской малины», куда мне мать строго запретила ходить, но я все равно ходил.

Второй – это был госпиталь на Большой Галактионовской улице, где мама работала сначала начальником медицинской части, а потом начальником госпиталя. Я приходил туда к вечеру, и там начиналась моя совершенно новая и счастливая жизнь среди раненых. Я носил им папиросы, какие-то сладости, в общем, все, что удавалось собрать. А раненые, те, кто поправлялся, потом стали приходить к нам домой, к моей сестре, и выпрыгивали в окно (у нас был первый этаж), если слышали, что идет мама. А потом сестра, работавшая в том же госпитале лаборанткой, с подругами организовали для раненых несколько спектаклей, и это уже было немыслимое счастье. Надо сказать, что сестра собиралась поступать в театральное училище. А еще позже, с апреля по сентябрь 1942 г. я жил в интернате Академии Наук СССР на станции Займище (рядом с большой сортировочной станцией Юдино). И вот там я уже поправился совершенно, потому что вокруг были знакомые лица академических мам, которые заботились о нас, как о своих детях.

Но мой взгляд, *пребывание в своей привычной для себя среде обитания (неважно, национальной, конфессиональной или профессиональной) чрезвычайно важно для адаптации к новым условиям жизни*, подчас весьма далеких от тех, в которых мигрант жил у себя дома. Состояние психики, подростка или взрослого, есть важнейшее условие их адаптации к новым, в том числе экстремальным условиям. В Москву я вернулся в мае 1943 г. уже совсем другим человеком, гораздо более самостоятельным и

психически устойчивым. Именно этот период помог мне (и многим другим) адаптироваться к жизни в холодной и подчас голодной Москве зимой 1943–1944 гг.

Соотношение территориальных и сетевых связей. В целом снова можно утверждать, что в течение исследуемого периода времени (1941–1943 гг. и в последующие годы) *сохранение баланса территориальных и сетевых связей* принципиально важно для сохранения индивидом (ребенком или взрослым) своей первичной социально-экологической структуры, концепция которой была изложена выше. Термин «сохранение» этой структуры не означает ее неизменности. Напротив, соотношение между ресурсами ее прошлого, настоящего и будущего постепенно меняется, и как показывает современная жизнь, чем дальше, тем быстрее. Вместо триады «семья-квартира-двор» сформировалась триада «семья-квартира-большой мир», что чрезвычайно важно. Конечно, представление о «большом мире» формируется множеством источников. Тогда это были, прежде всего, радио и книги. Но еще большее значение для меня имело постоянное пребывание в интеллектуальной и очень разнообразной среде (ученых, путешественников, врачей, военных). Теоретически это можно определить как *необходимость постепенно меняющегося баланса* между прошлым (опыт семьи, основы науки и культуры), настоящим (включение в течение современной жизни) и будущим, желаемым и реальным. Прошлое как нравственный фундамент, настоящее как максимально полная отдача и, одновременно реализация своих возможностей, и будущее как модель того, что человек стремится достичь, мобилизуя имеющиеся интеллектуальные ресурсы.

О соотношении подходов «сверху-вниз» и «снизу-вверх». В условиях начала войны и эвакуации господствовал мобилизационный подход (жесткий режим дня, карточная система, воздушные тревоги). Однако уже через полгода внутри директивного режима повседневной жизни возникли и стали расширяться ниши самоорганизации (легальные и криминальные). Этот тренд, проявился, прежде всего, в среде детей и подростков, которые были предоставлены сами себе. Причем, если в Москве ареал такой самоорганизации ограничивался квартирой и двором, то тут он уже распространился на близлежащие улицы и закоулки, а само поведение подростков находилось на грани криминального. Изменяется и смысл своего «жизненного проекта» в целом, в нем соединялись, казалось бы, несовместимые устремления: к самосохранению и к познанию нового, неизведанного. Социологи сегодня, кажется, забыли о таком неизбывном человеческом устремлении как любопытство.

Случай №3: новый микрорайон на периферии г. Москвы

Объект: микрорайон (6 пятиэтажных домов и их дворы) в районе Рублевского шоссе.

Предмет: социальная экология их жизни.

Время наблюдения: 1965–1990 гг.

Теоретическая основа: концепция индивидуально-групповой социальной экологии и основанная на ней концепция первичной социально-экологической структуры (человека).

Методы и инструменты исследования: включенное наблюдение, наблюдение, короткие интервью, изучение человеческих документов (фотографий, писем, квитанций, удостоверений, записных и телефонных книжек и др.)

Описание объекта наблюдения и его динамика: жизнь населения пятиэтажных панельных домов постройки 1950–1955-х гг. и прилегающих к ним территорий. Дома со всеми удобствами, но без лифтов. Заселены эти дома были как отдельными, так и коммунальными квартирами, постепенно количество коммунальных квартир сокращалось. Эти дома и прилежащие к ним кварталы представляли собой «расширение» территории центра Москвы в Юго-Западном направлении. Вначале этот

район не высоко ценился на рынке недвижимости по многим параметрам: нет рядом метро, развитой сети учреждений обслуживания и высокого качества товара в них, планировка квартир типовая, как и во всех «хрущевках», низкие потолки, маленькая кухня. Социальный состав разный: очередники райкома КПСС и райисполкома, гражданских и военных ведомств, старые большевики из расселяемых коммунальных квартир в центре города.

Однако, с открытием станции метро «Молодежная», и строительством сети учреждений обслуживания привлекательность этого района города стала быстро расти. К тому же, появились 9-этажные дома улучшенной планировки с лифтами. Население особенно привлекало близость больших лесопарковых зон в радиусе пешеходной доступности или на расстоянии двух–трех автобусных остановок. По степени доступности и качеству лесопарковой зоны этот район и сегодня входит в состав трех наиболее экологических чистых районов города (районы Юго-Запада города и район, примыкающий к Битцевскому парку и кольцевой магистрали). Рассматриваемый микрорайон долгое время имел еще одно существенное преимущество: он снабжался водой из Рублевского водозабора, лучшего по тем временам в городе.

Соотношение территориальных и сетевых связей примерно такое же, как и по всему городу. Но было одно существенное отличие: микрорайон заселялся отдельными семьями поквартирно, причем, несмотря на временные транспортные и иные неудобства, в нем соседский тип взаимопомощи, сформировавшийся в коммунальных квартирах, воспроизводился и здесь. И он был устойчивым именно потому, что в *период 1960–1990-х гг. территориальная самоорганизация жителей достигла своего пика* в советское время. Это касалось всего: присмотра за детьми, обмена мелкими хозяйственными и денежными услугами («перехватить денег до получки»), взаимопомощи в критических случаях и т.д.

Основой этого самоорганизующегося сообщества были: вера в постепенное улучшение жизни горожан, доверие между жителями данного микрорайона, совместная работа по озеленению и благоустройству придомовых участков собственными силами и по собственному желанию. Работая в этот период над международным проектом «Города Европы: участие населения в формировании среды своего обитания», могу засвидетельствовать, что уровень местной самоорганизации в Москве был примерно таким же, как в Европе [Яницкий, 1991; Cities of Europe…, 1991].

Сетевые (профессиональные, дружеские и иные) сети сохранялись и развивались, но они скорее помогали, чем мешали формированию местного сообщества. Снижение уровня территориальной самоорганизации началось в годы перестройки (1989–1992 гг.), когда жизненный уровень основной массы населения резко снизился, безработица выросла (чего в Советской России не было с начала 1930-х гг.), часть жителей была вынуждена зарабатывать уличной торговлей, преступность возросла, взаимное доверие соседей снижалось. *Началась эпоха индивидуализации городской жизни*, поиска источников быстрого обогащения, соответственно, семейно-соседские связи быстро ослабевали или исчезали совсем. Изменению рассматриваемого соотношения способствовали демографические процессы: старшее поколение выживало благодаря государственным пенсиям, а младшее, повзрослев, интенсивно искало средства для карьерного роста и материального достатка, многие уехали на учебу или на временную работу заграницу. Вывод: началась перестройка местного сообщества на капиталистический (рыночный) уклад жизни, которая продолжается и сегодня.

Случай №4: микрорайон № 2 в Москве

Объект: микрорайон (4 восьмиэтажных дома и их дворы) в районе метро «Университет».

Предмет: социальная экология их жизни.

Время наблюдения: 1990–2017 гг.

Теоретическая основа: концепция индивидуально-групповой социальной экологии и основанная на ней концепция первичной социально-экологической структуры (человека).

Методы и инструменты исследования: включенное наблюдение, наблюдение, короткие интервью, изучение человеческих документов (фотографий, писем, квитанций, удостоверений, записных и телефонных книжек и др.).

Описание объекта наблюдения: жизнь населения этих домов постройки 1950–1955-х гг. и прилегающих к ним озелененных дворов с детскими площадками. Дома со всеми удобствами, с лифтами (эти дома иногда назывались сталинскими). Заселены эти дома были как отдельными, так и коммунальными квартирами, постепенно количество коммунальных квартир сокращалось. Эти дома и прилежащие к ним кварталы представляли собой «расширение» территории центра Москвы в Юго-Западном направлении. Вначале 1990-х гг. этот район высоко ценился на рынке недвижимости по многим параметрам: близость метро, развитая сеть учреждений обслуживания и высокое качество товара в них, удобная планировка квартир, высокие потолки, высокая степень озеленения и ухода за посадками, тишина и покой. Социальный состав разный: генералитет (отставники), городская и районная администрация, ученые и артисты и другие категории московской интеллигенции. Первые этажи постепенно заселялись лимитчиками.

Динамика объекта наблюдения: в течение последующих 10–15 лет качество среды обитания в данном микрорайоне и качество самой жизни постепенно снижалось. Во-первых, вначале 1990-х гг. все кустарника были вырублены. Местная администрация объяснила этот факт необходимостью борьбы с возросшим вначале перестройки бандитизмом и другими правонарушениями. Уничтожение кустарников привело к резкому сокращению птиц и последующей природной сукцессии. Во-вторых, быстрое обогащение части населения привело к взрывному росту автомобилизма, дворы заполнились личными автомашинами, зеленые насаждения продолжали сокращаться. Однако городские власти и до сих пор не могут справиться с фактическим коллапсом всего наземного трафика в часы пик. Перенасыщенность легковым и обслуживающим транспортом возросла настолько, что местные проезды и даже жилые дворы используются для сквозного проезда всех видов транспорта. К тому же, ошибка в проектировании сквозных пешеходных путей через микрорайон привели к тому, что поток людей, идущих от метро к кварталам, находящихся позади микрорайона, не прекращается ни днем, ни ночью.

В-третьих, рынок у метро и вся сеть мелких торговых точек были ликвидированы. Это привело к двум последствиям: качество товаров и их разнообразие снизились, тогда как цены в сетевых магазинах-монополистах, напротив, резко выросли. В-четвертых, вследствие несоблюдения градостроительных норм частные застройщики соорудили (за счет зеленых насаждений!) еще один стадион внутри квартала, при наличии еще трех подобных стадионов в пешеходной доступности. Ни один из них не используется даже на 20%! В-пятых, Московский трест озеленения чрезвычайно редко и весьма небрежно производит восстановление травяного покрова внутри дворов. В-шестых, внутри-дворовые пешеходные дорожки запроектированы и построены с грубыми нарушениями правил их создания. В результате после каждой оттепели или дождя эти продольные дорожки превращаются в «корыта», которые надолго заполняются водой. В-седьмых, обрезка засохших деревьев производится с большим

опозданием, что при сильном ветре создает угрозу безопасности жителям микрорайона. В-восьмых, ремонтные работы тепловых и других магистралей ведутся подолгу, иногда в течение года и более. Наконец, отсутствие специальной площадки для выгула собак означает, что ежегодно в почву попадает не менее 500 кг их фекалий. В общем итоге: птицы практически исчезли, травяной покров нарушен, автомашины периодически занимают пожарные подъезды к домам, детям и старым людям не всегда есть возможность для игр и отдыха.

Соотношение территориальных и сетевых связей или динамика собственно социальной экологии микрорайона. А что вообще позволяет говорить о ее наличии? Во-первых, это уже существующая включенность в сеть профессиональных и дружеских связей. Во-вторых, это сеть территориальная местных и более удаленных сетей обслуживания, которая, однако, постепенно вытесняется доставкой товаров и услуг на-дом. В-третьих, это сеть местных связей услуг (покупка лекарств, мелкий ремонт, стрижка, замена батареек и т. п.). В-четвертых, это территориальная привязка обусловленная наличием поблизости замкнутых дворовых пространств. Как выяснилось, *жители, как и ранее, предпочитают жить в относительно замкнутом пространстве «своего» двора*, и это при том, что последние 20 лет градостроители предпочитали свободную планировку микрорайонов. То есть жители продолжают предпочитать разделять прилежащее к домам пространство микрорайона на «свое» и «чужое», свое и ничейное и т. п. В-пятых, практика принудительного коллективизма («Делай как я!») в детских садах сохранилась с ранних пор советской власти, и их педагоги продолжают навязывать детям избыточный коллективизм. Наконец, в результате насыщения квартиры «умными машинами» и информационными коммуникациями семейно-соседское общение, включая общение детей, сведено сегодня к минимуму.

Выводы

Микро-динамика социально-экологической структуры российского мегаполиса непрерывно изменялась под воздействием всего комплекса глобальных и национальных макроэкономических, политических и социальных факторов. Однако ввиду значительной инерционности этого организма их воздействие сказывалось на рассматриваемой динамике с запозданием на 5–10–15 лет. Эта микро-динамика зависела также от таких нематериальных факторов, как социалистическая идеология и созданные на ее основе образцы «должного поведения», уровень доверия в обществе, вера в обещания лидеров страны, степень ее открытости миру. Как только эти образцы переставали быть обязательными, уровень самоорганизации на микро-уровне быстро повышался.

Затем, начался обратный процесс институционализации и все более жесткого и всеобъемлющего регулирования гражданской активности населения мегаполисов. Чтобы продолжить свою легальную деятельность, большинство ранее возникших гражданских инициатив вынуждено было официально зарегистрироваться в Министерстве юстиции РФ в качестве некоммерческих организаций (НКО) с периодической отчетностью о своей деятельности перед административными органами городов. Возникающие снизу гражданские инициативы юридически квалифицировались как нелегальные и подлежали или регистрации или ликвидации (с возможным административным наказанием). Параллельно росла численность общественных организаций, которые по своим политическим или религиозным мотивам блокировали деятельность легальных гражданских инициатив, часто силовым путем (препятствование акциям протеста местного населения или их разгон).

Сегодня любые мирные, но несанкционированные формы деятельности или протеста местного населения фактически являются административно или уголовно

наказуемыми. Самоорганизация местного населения возможна только в домах кооперативного типа и в строгом соответствии с их типовым уставом. Процент таких домов в городе невелик. Фактическая передача застройки мегаполисов в руки частных компаний или отдельных дилеров вызвал к жизни движение обманутых дольщиков, которые внесли деньги за свое будущее жилье, но дома так и не были построены. Оборотная сторона той же проблемы, это наличие в мегаполисах множества выкупленных, но пустующих квартир, что рассматривается состоятельными людьми как одна из выгодных форм вложения капитала.

Иными словами, баланс между макро и микро-уровнями формирования социальной экологии города фактически нарушен. Городская жизнь все более регулируется «сверху-вниз». Понятия городские социальные движения, гражданские инициативы, самоорганизация фактически исчезли из политической практики и академического лексикона. Реабилитация, реновация, реконструкция всех элементов городской среды осуществляется административным путем, практически без общественных слушаний, общественной экспертизы и других форм общественного участия. В этом есть вина и самого населения, которое или инкапсулировалось в своих жилищах, или проводят время в виртуальных сообществах или перед телевизором. Масс-медиа настолько приучили горожан к ожиданию новостей о новых случаях аварий, катастроф пожаров, наводнений и т.п., что они потеряли всякий интерес к событиям на локальном уровне, если они не затрагивают их лично. И уж совсем они не задумываются о том, что среда их обитания становится все более «химической», что медленно, но неуклонно меняет их самих, их образ жизни и генетический код.

Население Москвы все более широко пользуется плодами взаимодействия наук, но не задумываются о том, что проблемный и междисциплинарный подходы также нужны для решения местных проблем. Несмотря на смену способа производства городской жизни, население мегаполисов продолжает считать, что если оно платит налоги в бюджет государства, то именно оно и должно решать возникающие в их микрорайонах проблемы. Это население фактически живет по принципу, некогда созданному американскими медиа: «Если вы не можете решить некоторую проблему, измените к ней отношение».

Длительное наблюдение за соотношением «агент-среда» позволили сформулировать некоторые гипотезы относительно этапов его динамики за период 1938–2017 гг. Первый, приспособление новой среды обитания к своим нуждам, т.е. формирование первичной эко-структуры. Второй, мобилизационный, когда происходило адаптация семьи в критических условиях (эвакуация и приспособление к новым условиям жизни в ситуации дефицита времени и других жизненных ресурсов). Третий, ре-адаптация к прежней среде обитания в критических условиях войны и послевоенного восстановления страны и всеобъемлющего политического контроля. Четвертый, «хрущевская оттепель» и постепенное расширение связки «новые возможности – новые требования к ней индивида». Первичная эко-структура все больше выходит за территориальные рамки микрорайона. Пятый, распад этой структуры и формирование новой вследствие резкого изменения социально-экономического, политического и культурного режима. Шестой – это новые вызовы, такие как неконтролируемое изменение макросреды, климатические колебания, наплыв мигрантов, всеобщая «химизация» жизни, хакерские атаки. Иными словами, вся микросреда обитания человека становится мобильной и потенциально опасной для его жизни. Безопасность становится важнейшим требованием к среде обитания.

Выводы по Части III

Процесс глобализации постепенно изменяет структурно функциональную организацию всей системы поселений. Сегодня города мира, большие и маленькие, становясь частью глобальной СБТ-системы, изменяют свою структурно-функциональную организацию. С одной стороны, города являются источником и производителем ресурсов, материальных, научных, информационных, человеческих. С другой стороны, зависимость структурно-функциональной организации городов от глобальных и региональных процессов повышается. Так или иначе, современные города и поселенческие системы становятся частью гигантской геополитической «машины». Поэтому сегодня пресловутая *устойчивость этих систем может быть достигнута только через их постоянное изменение.* Эта «устойчивость» становится лишь моментом в многосторонних процессах геополитических и социальных трансформациях. И чем раньше российские социологи и другие обществоведы откажутся от мантры «устойчивого развития», навязанной нам западными идеологами и политиками, тем быстрее российское общество включится в новый этап процесса модернизации. Отсюда следует важный вывод: сама структурно-функциональная организация города становится гибкой, в ней преобладают процессы многосторонних изменений. Даже, казалось бы, такие неизменные социокультурные «скрепы» городской среды как памятники истории и культуры, периодически обновляются, одни монументы и исторические комплексы реконструируются, а другие становятся просто объектом купли-продажи или ликвидируются совсем. Сегодня практически вся социокультурная среда современного города и, в особенности, мегаполисов мира, уже включена в процессы рыночного обмена.

В этих условиях становится все труднее сохранять историческое и социокультурное разнообразие среды современных городов. И дело не только в ее превращении в предмет купли-продажи. Разнообразие этой среды не только нивелируется, но и политически конструируется. Сегодня торговля культурными символами престижа и достатка является не менее прибыльным делом, нежели акт купли-продажи недвижимости. Но и цена этих символов тоже непрерывно меняется. Например, земля и роскошные дворцы на Рублевском шоссе, которые еще десять лет назад стоили баснословно дорого, сегодня распродаются по цене на порядок дешевле. Под воздействием этих геополитических трансформаций и социокультурных сдвигов претерпевают изменения все уровни социальной организации города, от глобальной СБТ-системы и до локального уровня. «Переселение» основных видов человеческой активности в сферу виртуальной реальности изменяет отношение людей к их материальной среде обитания. Постоянное пребывание в виртуальной сети, а не в конкретном локальном образовании (месте), становится ведущим трендом.

Поэтому периодически изменяется и смысл понятия «адаптация». Раньше под адаптацией в широком смысле понимали следование некоторому идеологически одобренному, устойчивому и широко распространенному «образцу» поведения. Поэтому в городах можно было легко отличить благополучные и даже успешные в социальном отношении микрорайоны от проблемных сообществ, теневых и криминальных образований. Сегодня же понятие адаптации становится практически синонимом успешной карьеры и социального признания. Более того, образцы такой адаптации конструируются масс-медиа в зависимости от спроса и предложения на глобальном рынке образцов должного поведения. Структура городской среды, хотя и является инерционной, но временной лаг этой инерционности сокращается, ужимаясь иногда до нескольких лет. Отдельный человек может выбирать, но этот выбор целиком детерминирован динамикой глобальной СБТ-системы, которая, в свою очередь, направляется социально и политически ангажированными медиа-конструкторами. У

этой перманентной ре-адаптации есть и теневая сторона: утеря чувства Малой Родины, ответственности за сохранение национальных и культурных ценностей.

Изучение истории концепции «зеленого города» и динамики его микроструктур в России / СССР / РФ социально и политически необходимо. «Зеленый город» понимается мною не только как социально и экологически здоровый и безопасный город, но среда, способствующая развитию личности. Эта история помогает нам осознать масштаб этой проблемы, которая по своей сути является социально-исторической и социально-культурной. Она также помогает понять, какие трансформации в обществе и массовом сознании должны произойти, чтобы эта среда была не только привлекательной для нас, но и необходимой для наших современников и будущих поколений. Наконец, эта история есть необходимый компонент эволюции социальной мысли России, которую мы до сих пор еще плохо знаем. История человечества полна примеров пересмотра его экономических, политических и культурных ориентиров. Но здоровая и безопасная природа нужна всем, сегодня, завтра и послезавтра.

О некоторых неотложных задачах социологической науки

С моей точки зрения, они следующие. Во-первых, это – императив замены предметного принципа научного анализа проблемно-ориентированным подходом. Мир уже давно решает именно проблемы, а не отдельные задачи, будь то безопасность страны, бедность, торможение глобального потепления или здоровье отдельного человека. Поэтому, во-вторых, необходимо быстрое сближение социальных, естественных и технических наук, следующих за комплексным (системным, «гибридным») характером любых социальных структур и процессов. Нужна их содержательная, а не только «цифровая» интеграция. Этот вызов влечет за собой комплекс взаимосвязанных перемен. Отсюда, в-третьих, требуется ускоренное развитие теории и практики междисциплинарных исследований. Такое развитие невозможно без резкого снижения исторически сложившихся междисциплинарных барьеров. В-четвертых, сближение разных наук требует серьезной корректировки всей системы общеобразовательной и профессиональной подготовки, построенной сегодня по «классно-урочному» принципу. Развитие передовых направлений в медицине, агробиологии, генетике, освоении космоса и др. свидетельствует: все они основаны на проблемно-ориентированном междисциплинарном анализе.

В-пятых**,** динамика глобальной экосистемы не только все время ускоряется, но и имеет разные темпо-ритмы. То есть ее развитие качественно изменилось**,** из относительно предсказуемой системы она превратилось в нелинейную, обремененную неожиданными поворотами и бифуркациями. Значит, отображающие эти трансформации концепции тоже должны носить нелинейный и вероятностный характер. В-шестых, сказанное выше влечет за собой существенные перемены в институциональной структуре и организации научного исследования. Если реальность все более динамична, то и научное знание должно развиваться по принципу непрерывного слежения за объектом наблюдения, то есть мониторинга.

В-седьмых, сегодня рынок определяет всю совокупность жизненных укладов на земле, наука лишь обслуживает этот процесс. Негативные последствия этого очевидны. Поэтому наука должна вернуть себе роль силы, обеспечивающей жизнь и безопасность на земле. В-восьмых, сегодня политические партии как социальные агенты утеряли свою роль в разработке комплексных прогнозов и программ развития глобального целого, все более превращаясь в выразителя корпоративных интересов. Поэтому общественная (публичная) роль науки возрастает. В-девятых, отсюда возникает сложная проблема сохранения национальных научных школ в условиях глобализации как унифицирующей силы. Отсюда, в-десятых, принцип «единства в разнообразии»

должен быть сохранен в развитии современной науки. Способ его сохранения – междисциплинарные исследования.

В заключение – некоторые комментарии к сказанному выше. Растущая «дигитализация» общественной жизни является одновременно благом и бедствием. Благом потому, что этот процесс является необходимым условием ускоренного технологического развития общества, интенсификации международного обмена и новых средств моделирования его динамики. Бедствием потому, что вольно или невольно «дигитализация» общественной жизни создает невиданные ранее возможности для разрушительных воздействий посредством хакерских атак, проникновения террористов во все системы жизнеобеспечения общества и разрушения приватности частной жизни. *Не случайно поэтому, сегодня синонимом понятия «развитие» стало понятие «безопасность»*.

Однако осознание этих негативных процессов, их освоение и противодействие им, равно как и сближение, налаживание взаимопонимания между разными науками, разработка теории и методов исследования «гибридных» феноменов идет медленно. Этот процесс тормозится, потому что развитие науки слишком долго шло в противоположном направлении, а также потому, что слишком высоки междисциплинарные и бюрократические барьеры между отдельными дисциплинами и отраслями научного производства. Однако сам процесс формирования сложных (гибридных) систем все ускоряется, и понять его, расчленив на части, становится практически невозможным. *На смену анатомированию социобиотехнического организма приходит его анализ как «живого» целого*. Сегодня скорость социальных и технологических перемен становится синонимом выживания и успеха. И, что не менее существенно, условием геополитического доминирования в регионе или в мире в целом.

Сферами ускоренного сближения и наведения «междисциплинарных мостов» являются сегодня периодически возникающие на планете критические точки и пространства. Эти точки возникают как при решении отдельных социальных или технологических проблем, так и в ходе социальных конфликтов и *метаболических процессов*. Просто «взаимодействие» как теоретический инструмент уже не работает, необходимо понимание сути происходящих взаимных изменений, их форм, скорости и направления. *Сегодня стабильность систем любого масштаба достигается только при условии их постоянного изменения*.

Сказанное означает, что междисциплинарный анализ и уменье строить на его основе жизнеспособные «гибридные» системы являются основными инструментами в конкурентной борьбе за дефицитные ресурсы и геополитическую безопасность. Здесь изучение социобиотехнического метаболизма – наиболее сложная исследовательская задача. С одной стороны, взаимопроникновение социальных, биологических и технических процессов все убыстряется. С другой стороны, теоретический и иной инструментарий такого взаимодействия наименее разработан, а государство не выделяет на подобные исследования необходимых средств. Отставание наук в изучении «гибридных» форм жизни чревато подчинением человека машине, или же его превращение в «химического» человека, то есть превращение в существо, полностью зависимого от «инженеров человеческих душ» и интересов фармакологической индустрии. А их связь с масс-медиа и рекламой хорошо известна.

Глобальный мир и Россия, в том числе, находятся сегодня под сильнейшим давлением технократической идеологии, утверждающей, что сегодня нет иного пути выживания и самосохранения человечества, как через технологические новации, то есть, фактически, через всеохватывающее социальное и технологическое конструирование. Однако, как показывает история, принцип тотального конструирования социальной жизни всякий раз приводил общество к тоталитаризму и

его краху как социальной системы. Опережение технического конструирования по сравнению с осмыслением его социальных результатов имеет свою объективную основу: конструировать, как правило, быстрее и проще, чем оценивать его социальные трансформации. Отсюда следует важный политический вывод: гуманитарии должны мобилизоваться, чтобы уметь осуществлять диагностику и оценивать перспективы и риски неограниченного технологического конструирования. Сегодня, на примере действий радикальных и экстремистских движений и организаций риск глобального уничтожения человечества уже очевиден. В течение веков человечество было озабочено созданием правил и норм человеческого общежития. Сегодня возникает новая задача: *задача гуманистической переориентации технологического прогресса*. Этот путь – один из важнейших инструментов избавления человечества от бедности, необразованности, от недоступности социального и культурного богатства, но никак не самоцель глобальной социальной динамики.

Другой всеохватывающий риск заключен в происходящих изменениях в системе фундаментальных ценностей. Поскольку социология и естественные науки создавались преимущественно в рамках англо-саксонской культуры, основанной на противопоставлении «мы–они», то и культивируемая ею система ценностей создавалась по такому же иерархическому принципу. Однако сегодня мир стал гораздо более разнообразным в социальном и культурном отношениях, соответственно, обозначились и новые векторы местной и глобальной динамики, не совпадающие с англо-саксонскими нормами и правилами, основанными на принципах господства и подчинения. *Историческая задача согласования принципов общежития разных культур и народов снова выходит на первый план*.

Что касается нашей страны, то особое беспокойство вызывает растущий разрыв между средним и старшим поколениями, выросшими на принципах и нормах великой русской и европейской культуры, и младшим поколением (их еще называют «кнопочными детьми»). Младшее поколение воспитывается социальными сетями, компьютерными играми и отличается пренебрежением к «устаревшим» культурным нормам и ценностям. Для этого поколения характерен отказ от культуры чтения и размышления и ее замена бесконечной чередой коротких контактов и картинок (клипов, сэлфи) в безразмерном интернет-облаке. Этот процесс дополняется деградацией русского языка посредством его засорения калькой с англоязычных терминов и уличным или криминальным сленгом. Проблемы, возникающие на почве различия национальных интересов и культур, находятся за рамками данного исследования.

Список литературы

1. *Абалкин Л.И.* К самопознанию России. М.: Институт экономики РАН, 1995. 201 с.
2. *Абдрахманов Д.М., Бурчанин А.М., Демичев И.В.* Архаизация российских регионов как социальная проблема. Уфа: Мир печати, 2016. 404 с.
3. *Абульханова-Славская К.А.* Деятельность и психология личности. М.: Наука. 1980. 276 с.
4. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / сост. и отв. ред. Н.И. Лапин. Весь мир, 2016. 316 с.
5. *Ахиезер А.С, Коган Л.Б., Яницкий О.Н.* Урбанизация, общество и научно-техническая революция // Вопросы философии. 1969. № 2. С. 43-53.
6. *Бабурин С., Голик Ю., Капитонов С., Карасёв В., Симчера В., Энгвер Н.* Станица Кущёвская, 2010 год: маленькое зеркало большой беды. М.: РГТЭУ, 2011.
7. *Балиев А.* Социализм с антисоветской спецификой // Военно-промышленный курьер. 2016. № 38 (653). 5-11 октября. С. 11.
8. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. 323 с.
9. *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Издательство «Весь Мир», 2004. 185 с.
10. *Бауман З.* Текучая современность. М.: Питер, 2008. 196 с.
11. *Бек У.* Общество риска: На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
12. *Блок М.* Апология истории, или ремесло историка. М.: Наука, 1978. 256 с.
13. *Бойт П., Бирман К., Клингст М., Штарк Х., Бота А.* Меркель и «модный медведь» [Электронный ресурс]: InoPressa. URL: www.inopressa.ru/article/11may2017/zeit/fancy.html (Дата обращения: 29.04.2018).
14. *Брудный А.А., Кавтарадзе Д.Н.* Экополис: введение и проблемы (препринт). – Пущино: НЦБИ АН СССР, 1981. 40 с.
15. *Вернадский В.И.* Проблемы биогеохимии. Труды биохимической лаборатории, Вып. 16. М.: Наука, 1980. 320 с.
16. *Вернадский В.И.* Публицистические статьи / Отв. ред. В.П. Волков. М.: Наука, 1995. 313 с.
17. Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М, 1961. 201 с.
18. *Гаджиев К.С.* Размышления о конце евроцентристского мира и новой конфигурации политических сил. Часть 2 // Социологические исследования. 1993. № 6. С. 84-91.
19. *Гареев М.* Мобилизация умов // Военно-промышленный курьер. 2017. № 12. С. 4.
20. *Гиляровский В.А.* Москва и москвичи. М.: ЭКСМО, 2008. 640 с.

21. *Глазычев В.Л.* Глубинная Россия: 2000-2002. М.: Новое Издательство, 2003. 328 с.
22. *Гордон Л.А.* Ретроспективы и перспективы переходного времени // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития / под ред. Т.И. Заславской и Л.А. Арутюнян. М., 1994. Т. 1. С. 300-309.
23. *Горшков М.К.* Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). Изд. 2-е перераб. и доп. М: Новый Хронограф, 2016. 416 с.
24. *Градов Г.А.* Градостроительство и быт. М.: Стройиздат, 1964. 156 с.
25. *Грачева Т.* Глобальное Черное море. В Вашингтоне считают Украину и Сирию театрами одной войны // Военно-промышленный курьер. 2016. № 38 (653). С. 3.
26. *Гуревич А.Я*. История историка. М.: РОССПЭН, 2004. 288 с.
27. *Гутнов А., Лежава И., Бабуров А., Дюментон Г., Садовский С., Хартонова З.* Новый элемент расселения: на пути к новому городу. М.: Стройиздат, 1966. 120 с.
28. *Давыдов Ю.Н.* Куда пришла Россия? Два пути капиталистической эволюции // Журнал социологии и социальной антропологии, 1999. С. 108-127.
29. *Давыдов Ю.Н.* Макс Вебер и современная теоретическая социология: Актуальные проблемы веберовского социологического учения. М.: Мартис, 1998. 510 с.
30. *Дилигенский Г.Г.* Феномен массы и массовые движения: социально–психологические аспекты // Рабочий класс и современный мир. 1987. № 3. С. 18-29.
31. *Дружинин Н.П.* Очерки крестьянской общественной жизни. СПб, 1905. 289 с.
32. *Дубин Б.В.* Социальный статус, культурный капитал, ценностный выбор: межпоколенная репродукция и разрыв поколений // Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. Инф. бюлл. 1995. № 1. С. 16-20.
33. *Дубровский С.М.* Столыпинская земельная реформа. М. 1963. 210 с.
34. *Железняков А.С.* Цивилизационные пространства: проблемы глокализации, в кн.: Горшков М.К., отв. ред. Россия в глобальных процессах: поиски перспективы. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 297-314.
35. *Зайончковская Ж.А.*, Переведенцев В.И. Новоселы в городах. М.: Статистика, 1972. 164 с.
36. *Зайончковская Ж.А.*, Переведенцев В.И. Современная миграция Красноярского края. Новосибирск: Наука, 1964. 105 с.
37. *Заславская Т.И.* О субъектно-деятельностном аспекте трансформационного процесса // Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. Москва: МВШСЭН, 2001. С. 3-15.
38. *Здравомыслов А.Г.* Поле социологии в современном мире. М.: Логос, 2010. 408 с.
39. *Здравомыслов А.Г.* Интересы, действия, препятствия // Заславская Т.И. (отв. ред.) Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. Москва: МВШСЭН, 2001. С. 98-107.
40. И мир пройдет по нашим вехам / сост. Мухачев С.Г., Забелин С.И. М: Центр охраны дикой природы, 2001. 287 с.
41. Помнишь, как это было? Сборник воспоминаний дружинников ДОП МГУ / сост. Иванов А.В. М.: МГУ, 2011. 254 с.
42. *Иноземцев В.Л.* Книгочей. Библиотека современной обществоведческой литературы в рецензиях. М.: «Ладомир», 2005. 435 с.
43. Интервью с Б.М. Фирсовым // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. № 4. С. 5-22.
44. *Ионин Л.Г.* Социология в общества знаний. От эпохи модерна к информационному обществу. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007. 430 с.

45. *Канке В.А.* Концептуальная трансдукция как метод социологии // Социологическая наука и социальная практика. 2017. № 1. С. 145-161.
46. *Карпова А.* Веская сила России // Власть. 2014. № 10, с 14-33.
47. *Кон И.С.* 80 лет одиночества. М.: Время, 2008. 432 с..
48. *Корнеев Н.Р., Мищенко А.С., Тихонов А.В., Травин И.И.* Социокультурные трансформации в контексте социальных изменений // Россия в глобальных процессах: поиски перспективы. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 119-135.
49. *Кравченко С.А.* Риски в нелинейном глоболокальном социуме. М.: «Анкил», 2009. 224 с.
50. *Кравченко С.А. и Салыгин В.И.* Усложняющиеся опасности и риски современного магистрального трубопроводного транспорта // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 4. С. 50-66.
51. *Кравченко С.А.* Мосты, соединяющие всевозможные расколы социологии ради более равного мира // Социологические исследования. 2015. №5. С. 29-37.
52. *Кузьмин Н.* Проблемы научной организации быта // Советская архитектура, 1930. № 3. С. 14-17.
53. *Кьеза Дж.* Война империй: Восток – Запад. Раздел сфер влияния М.: Эксмо, 2006. 189 с.
54. *Лапин Н.И.* Инверсия доминантных процессов социокультурной трансформации, и ее акторы // Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. М.: МВШСЭН, 2001. С. 107-115.
55. *Левада Ю.А.* Рамки и варианты исторического выбора: несколько соображений о ходе российских трансформаций // Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации. Москва: МВШСЭН, 2003. С. 162-170.
56. *Лихачев Д.С.* Экология культуры // Знание-сила. 1982. № 6. С. 22-24.
57. *Магомедов С.О.* Архитектура советского авангарда. Том 1. М.: Стройиздат, 1994. 286 с.
58. *Магун В.С.*, отв. ред. Революция притязаний и изменение жизненных стратегий молодежи: 1985-95 годы. М.: Институт социологии РАН, 1998. 148 с.
59. *Медведев Д.А.* Выступление на совещании по вопросам создания территорий опережающего развития (ТОРов) в г. Усолье-Сибирское Иркутской области, 22.07.2015. Лента.ру
60. *Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л, Рандерс Й.* За пределами роста. М.: Издательская группа «Прогресс», «Пангея», 1994. 240 с.
61. *Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рендерс У.* Пределы роста / Пер. с англ., предисл. Г.А. Ягодина, М.: Издательство МГУ, 1991. 207 с.
62. *Меерович М.Г.* Рождение и смерть советского города-сада [Электронный ресурс] // Вестник Евразии. 2007. URL: https://archi.ru/lib/publication.html?id=1850569462 (Дата обращения: 29.04.2018).
63. *Меерович М.Г.* Расселенческая доктрина России сегодня и 100 лет назад. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 227 с.
64. Межнациональное согласие как ресурс консолидации общества / [Л.М. Дробижева и др.]; отв. ред. Дробижева Л.М. М.: ИС РАН, 2016. 400 с.
65. *Мижуев П.Г.* Сады-города и жилищный вопрос в Англии. Пг.: Изд-во Т-ва А.С. Суворина – «Новое Время», 1916. 496 с.
66. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XYIII – начало XX вв.). В 2-х томах. СПБ: Дмитрий Булавин, 1996. Т. 1. 566 с.
67. *Михайленок О.М.* Россия в глобализирующемся мире: поиски координат // Россия в глобальных процессах: поиски перспективы. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 263-274.

68. *Мурунов С.* (2015) Из чего состоят российские города и как локальные сообщества могут изменить их облик [Электронный ресурс]: Лента.ру. Библиотека. URL: http://lenta.ru/articles/2015/05/24/urban/ (Дата обращения: 18.07.2015).
69. *Оганисьян Ю.С.* Россия перед вызовами глобализации: проблемы идентификации // Россия в глобальных процессах: поиски перспективы. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 166-194.
70. *Одноколенко О.* Гибридная война: проблемы и перспективы постконфликтного урегулирования // Независимое военное обозрение. 2015. №9 (845) 13-19 марта. С. 1, 6-9.
71. Опыт районной планировки в СССР. Труды бюро экспериментальных работ Института «Гипрогор». М.: Госстройиздат,1934. Вып. 2. 164 с.
72. Пешин Н.Л. Муниципальное право в Российской Федерации. М.: ТК Велби. 2008. 672 с.
73. *Покровский Н.Е.* Вифлеемские звезды «глобализации» // Социологические исследования. 1995. № 2. С. 88-97.
74. *Покровский Н.Е.* Глобализационные процессы и возможный сценарий их воздействия на российское общество // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ. М.: Флинта, 2005. С. 87-96.
75. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. Москва: Мысль, 1984. 269 с.
76. Россия в глобальных процессах: поиски перспективы / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Институт социологии РАН, 2008. 319 с.
77. *Руткевич М.Н.* Социология, власть, общественное мнение // Социологические исследования. 1993. № 7. С. 3-14.
78. *Рывкина Р.В.* Образ жизни сельского населения. Новосибирск: Наука, 1979. 267 с.
79. *Сабсович Л.М.* Города будущего и организация социалистического быта. М.: Гостехиздат, 1929. 64 с.
80. *Сакоян А.Г.* Вирусная волна и американские спецслужбы. 15.05.2017. [Электронный ресурс]: Полит.ру. URL: http://polit.ru/article/2017/05/15/virys/ (Дата обращения: 29.04.2018).
81. *Сатановский Е.* Нашествие куркулей // Военно-промышленный курьер, 2015. №19 (585). 27 мая – 07 июня. С. 3.
82. *Семенов В.С.* Россия в сети конфликтности: между взрывом и согласием // Социологические исследования. 1993. № 7. С. 73-76.
83. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года / Под ред. Коротаев А.В., Зинькина А.С., Ходунов А.С. М.: Издательство ЛКИ, 2012. 463 с.
84. *Скородумова О.Б.* Хакеры как феномен информационного пространства // Социологические исследования. 2004. № 2. С. 70-80.
85. *Смидович П.Г.* Социалистическое строительство и краеведение. М.: ОГИЗ, 1930. 43 с.
86. Смыслы сельской жизни (опыт социологического анализа). М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. 368 с.
87. *Сорокин П.* Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М.: Academia & LVS, 2003. 684 с.
88. Социология в России. 2-е изд. / Отв. ред. В.А. Ядов. М.: Изд-во ИС РАН, 1998. 696 с.
89. *Степанова Е.А.* Глобальные тенденции в области одностороннего насилия против гражданского населения // Общественные науки и современность. 2010. № 6. С. 81-89.
90. *Тоффлер А.* Шок будущего. М.: Издательство АСТ, 2002. 557 с.

91. *Фурман Д.Е.* Политическая система современной России // Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации. Москва: МВШСЭН, 2003. С. 24-35.
92. *Хазанова В.Э.* Советская архитектура первой пятилетки. Проблема города будущего. М.: Наука, 1980. 374 с.
93. *Хардт М. и Негри А.* Империя. М.: Праксис, 2004. 440 с.
94. *Хардт М. Негри А.* Множество: война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ.; под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 559 с.
95. *Чаянов А.В.* Организация крестьянского хозяйства. М. 1925.
96. *Чекинов С.* О характере и содержании войн нового поколения // Военная мысль. 2013. №. 10. С. 13-24.
97. *Чижевский А.Л.* Физические факторы исторического процесса. Калуга: Первая гостиполитография, 1926. 126 с.
98. *Чижевский А.Л.* Земное эхо солнечных бурь. М.: Мысль, 1964. 260 с.
99. *Шанин Т.* и др. Крестьяноведение: Теория. История. Современность. М. 1996. 289 с.
100. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция: перевод с английского / Клаус Шваб. М.: Издательство «Э», с илл. (с предисловием Германа Грефа), 2017. 208 с.
101. *Шкаратан О.И.* Российский порядок: вектор перемен. М.: «Вита-Пресс», 2003. 207 с.
102. *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1999. 416 с.
103. *Яловкин Ф.* К вопросу о новом расселении// Советская архитектура. 1930. № 3. С. 5-6.
104. *Яницкий Н.Ф.* Экономический кризис в Новгородской области XYI века. Киев: Типогр. Импер. Ун-та Св. Владимира, 1915. 278 с.
105. *Яницкий О.Н.* Россия как общество риска: методология анализа и контуры концепции // Общественные науки и современность. 2004. № 2. С. 5–15.
106. *Яницкий О.Н.* Социология риска. М.: Издательство LVS, 2003. 191 с.
107. *Яницкий О.Н.* Экологическая культура. Очерки взаимодействия науки и практики. М.: Наука, 2007. 275 с.
108. *Яницкий О.Н.* Метаболическая концепция современного города // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 16-32.
109. *Яницкий О.Н.* Социология критических состояний общества // Социологическая наука и социальная практика. 2014. №4 (8). С. 5-24.
110. *Яницкий О.Н.* Социобиотехнические системы: новый взгляд на взаимодействие человека и природы // Социологическая наука и социальная практика. 2016. № 3. С. 5-22.
111. *Яницкий О.Н.* Качественная модель осажденного города: случай Алеппо, Сирия // Социологическая наука и социальная практика. 2017. № 1. С. 129-144.
112. *Яницкий О.Н.* Социально-информационные процессы в обществе и урбанизация // Урбанизация, НТР и рабочий класс, М.: Наука, 1972. С. 76-96.
113. *Яницкий О.Н.* Экологическая перспектива города. М.: Мысль, 1987. 280 с.
114. *Яницкий О.Н.* История городской социологии в России: эволюция идей // Социологические исследования. 2016. №8. С. 117-126.
115. *Яницкий О.Н.* «Турбулентные времена» как проблема общества риска // Общественные науки и современность. 2011. № 6. С. 155-164.
116. *Abdrachmanov D.M., Burchanin A.M., Demichev I.V.* Arkchaization rossiyskhich regionov kak sotsial'naya problema. 2016. [Archaization of Russian regions as a social problem], Ufa: Mir pechati. 128 pp.
117. *Arsenault A. and Castells M.* Switching Power: Rupert Murdoch and the Global Business of Media Politics // International Sociology. 2008. №23(4). Pp. 488-513.

118. *Baraldi C.* Children's Citizenships. Limitations and possibilities of Childhood Sociology in Italy // Current Sociology. 2010. Vol. 58. No 2. Pp. 272-291.
119. *Bass L.* Childhood in Sociology and Society: The US Perspective // Current Sociology. 20110. Vol. 58. No 2. Pp. 335-350.
120. *Bauman Z.* The Liquid Modernity. Cambridge Polity. 2000. 203 pp.
121. *Bauman Z.* On Glocalization: Or Glbalization for Some, Localization for Others, in: The Bauman Reader, ed. by P. Beilharz. Malden, Mass.: Blackwell Publishers Inc. 2001. Pp. 298–311.
122. *Bauman Z.* Wasted Lives. Modernity and its Outcasts. Cambridge: Polity Press. 2004. 140 pp.
123. *Bauman Z.* 44 Letters from Liquid Modern World. Cambridge: Polity Press. 2011. 128 pp.
124. *Bauman Z.* Culture in a Liquid Modern World. Cambridge: Polity Press. 2011a. 209 pp.
125. *Beck U.* Risk Society. Toward a New Modernity. London: SAGE. 1992. 260 pp.
126. *Beck U.* World Risk Society. Malden, MA: Polity Press. 1999. 184 pp.
127. *Beck U.* Re-mapping Inequality and Power in an Age of Climate Change: The Emergence of 'Cosmopolitan' Risk Communities. Lecture at the ISA World Congress of Sociology, 11-17 July, 2010. Gothenburg, Sweden.
128. *Beck U.* Why class is too soft a category to capture the explosiveness of social inequality of XXI century // British Journal of Sociology. 2013. Vol. 64(1). Pp. 63-74.
129. *Beck U.* Emancipatory catastrophism: What does it mean to climate change and risk society // Current Sociology. 2015. Vol. 63(1). Pp. 75-77.
130. *Beck U., Giddens A., Lash S.* Reflexive Modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. Stanford, CA: Stanford University Press. 1994. 225 pp.
131. *Bowen B.* Cascading Crises: Orbital Debris and the Widening of space Security // Astropolitics: The International Journal of Space Politics & Policy. 2014. Vol. 12: 46-68.
132. *Brundtland G.* and Khalid M., eds. Our Common Future. The World Commission on Environment and Development. Oxford, N.Y: Oxford University Press. 1987. 383 pp.
133. *Burawoy M.* What is to be Done? Theses on the Degradation of Social Existence in a Globalizing World // Current Sociology. 2008. №56 (3). Pp. 351-59.
134. *Böhler-Neiderberger D.* Childhood Sociology – Defining the State of Arts and Ensuring Reflection // Current Sociology. 2010. Vol. 58. No 2. Pp. 155-163.
135. *Böhler-Neiderberger D.* Childhood Sociology in Ten Countries: Outcomes and Future directions // Current Sociology. 2010. Vol. 58. No 2. Pp. 369-384.
136. *Castells M.* The Information Age. Economy, Society and Culture. Oxford: Blackwell Publishers, Ltd. 1996.
137. *Castells M.* Materials for an Exploratory Theory of the Network Society // British Journal of Sociology. 2000. №51(1). Jan/March. Pp. 5-24.
138. *Castells M.* The Information Age. Economy, Society and Culture. Oxford: Blackwell Publishers, Ltd. 1996.
139. *Castro L. and Kosminsky E.* Childhood and its Regimes in Brazil. An Analysis of the Contribution of the Social Sciences // Current Sociology. 2010. Vol.58. No2. Pp.206-231.
140. *Catton W.R.Jr. and Dunlap R.E.* Environmental Sociology: A New Paradigm // American Sociologist. 1978. Vol.13. Pp. 41–49.
141. Cities and Crisis. New Critical Urban Theory / *Fujigita K.* ed. London: SAGE. 2013. 325 p.
142. Cities of Europe: The Public's Role in Shaping the Urban Environment / Deelstra T. and O. Yanitsky, eds. Moscow: Mezhdunarudnye Otnosheniya. 1991. 393 p.

143. *Cohen R. and Kennedy P.* Global Sociology, 2nd edition. London: Palgrave. 2007. 286 pp.
144. Dynamics of Disaster. Lessons on Risk, Response and Recovery / Dowty R.A. and Allen B.L., eds. London, Washington, DC: Earthscan. 2010. 219 p.
145. European Union: The Next Fifty Years / *Fraser M.*, ed. London: Financial Times Business. 2007. 89 pp.
146. *Fisher-Kowalski M.* Society's Metabolism: On the Childhood and Adolescence of a Rising Conceptual Star, in Redklift M. and G. Woodgate, eds. The International Handbook of Environmental Sociology. Northampton, MA: Edward Elgar. 1997. Pp. 119-137.
147. *Fisher-Kowalski M. and H. Haberl.* Socioecological Transitions and Global Change. Trajectories of Social Metabolism and Land Use. Vienna: Klagenfurt University. 2007. 237 pp.
148. *Fisher-Kowalski M. and Haberl H.* Socioecological Transitions and Global Change. Trajectories of Social Metabolism and Land Use. Vienna: Klagenfurt University. 2007. 263 pp.
149. *Forrester J.W.* Urban Dynamics. London: The M.I.T. Press. 1969. 241 pp.
150. *Forrester J.W.* World Dynamics. Cambridge: Wright-Allen Press. 1971. 276 c.
151. *Foucault M.* The Archeology of Knowledge and the Discourse on Language. Pantheon Books: New York. 1969. 245 pp.
152. *Friedwald M. and Pohoryles J.* Technology and Privacy. Innovation: The European Journal of Social Science Research. 2013. №26 (1-2). Pp. 1-6.
153. *Furman D.E.* Politicheskaya systema sovremennoi Rossii // Kuda prishla Rossiya? (ed. Zaslavskaya T.I.) Moskva: MVSSEM, [Political System of Modern Russia]. 2003. Pp. 24-35.
154. *Gamson W.* The Strategy of Social Protest. Belmont, CA: Wadsworth Publishing Company. 1990. 185 pp.
155. *Giddens A.* The Consequences of Modernity. Stanford, CA: Stanford University Press. 1992. 186 pp.
156. *Gregory J. and Miller S.* Science in Public. Communication, Culture and Credibility. Cambridge, MA: Basic books. 1998. 294 pp.
157. *Irwin A.* Sociology and Environment. A Critical Introduction to Society, Nature and Knowledge. Malden, MA: Polity. 2001. 210 pp.
158. ISSC, IDS and UNESCO 2016. World Social Science Report, 2016. Challenging Inequalities: Pathways to a Just World. UNESCO Publishing: Paris. 2016. 235 pp.
159. *Kaika M.* 'Don't call me resilient again': the New Urban Agenda as Immunology…or…what happens when communities refuse to be vaccinated with smart cities and indicators // Environment and Urbanization. 2017. Vol. 29(1). Pp. 89-102.
160. *Keen D.* Complex Emergences. Cambridge: Polity. 2008. 293 p.
161. *Kelley S.* Estimating economic loss from cascading infrastructure failure: a perspective in modelling interdependency. Infrastructure Complexity. 2015. Vol. 2 (7). URL: http://infrastructure-complexity.springeropen.com/articles/10.1186/s/40551-015-0010-y
162. *Knoke D.* Political Networks. The Structural Perspective. Cambridge: Cambridge University Press. 1990. 98 pp.
163. *Latour B.* From the World of Science to the World of Research? // Science. 1998. №280, pp. 208-209.
164. *Latour B.* Science in Action. Cambridge: Harvard Univ. Press. 1987. 120 pp.
165. *Lauristin M. and Vichalemm P.* Return to the Western World. Tartu: Estonian Science Foundation. 1997. 387 pp.

166. *Levada Yu.A.* Ramki i varianty istoricheskogo vybora // Kuda prishla Rossiya? (ed. Zaslavskaya T.I.) Moskva: MVSSEM. 2003. Pp. 162-170. [Frames and variants of historical choice], Moscow: MVSSEM. 2003. Pp. 162-170.
167. *Meier R.* The Communication Theory of Urban Growth. Mass.: MIT Press. 1965. 256 p.
168. *Michelson W.,* Levine S., Spins A.-R., and Colleagues. The Child and the City. Changes and Challenges Toronto: University of Toronto Press. 1979. 520 p.
169. Misunderstanding Science? The Public Reconstruction of Science and Technology / *Irwin A. and Wynne B.,* eds. Cambridge: Cambridge University Press. 1996. 232 pp.
170. *Moran-Ellis Jo.* Reflections on the Sociology of Childhood in the UK // Current Sociology. 2010. Vol.58. No2. Pp. 186-205.
171. *Mosbah-Natanson S. and Gingras Y.* The globalization of social sciences? Evidence from a quantitative analysis of 30 years of production, collaboration and citations in the social sciences (1980-2009) // Current Sociology. 2014. Vol.62. №5. Pp. 626-646.
172. *Offe C.* Varieties of Transition. Cambridge: Polity Press. 1996. 126 pp.
173. *Park R.* Migration and the Marginal Man // American Journal of Sociology. 1928. Vol.33. Pp. 882-893.
174. *Park R.* Human Communities. The City and Human Ecology. Glencoe. 1952.
175. Policy Networks. Empirical Evidence and Theoretical Considerations / *Marin B. and Mayntz R.,* eds. Campus Verlag: Frankfurt on Main. 1991. 330 p.
176. *Pokrovsky N. and Guseva Y.* Alternative to Urbanization Life after the City, in: Покровский Н., отв. ред. Настоящее и будущее ближнего Севера, М: СоПСо, 2012. С. 360-367.
177. *Pokrovskyi N.E.* Vifliemskiye zvezdy “globalizatsii” [Bethlehem Stars of “Globalization”] // Sotsiologicheskie Issledovaniya. 1995. №2. Pp.88-97.
178. *Prigozhin I. and Stengers I.* Poryadok iz chaosa. Novyi dialog cheliveka s priridoi [Order from Chaos. New Dialogue of Man with Nature]. Mocow: Mysl. 1984.
179. *Pynnoniemi K.* Russian critical infrastructures. Helsinki: The Finnish institute of international affairs. 2012. 98 pp.
180. *Redclift M. and Sage C.* Global Environmental Change and Global Inequality // International Sociology. 1998. Vol.13(4). Pp. 499-516.
181. *Riesman D.* The Suburban Dislocation //Annals of the American Academy of Political and Social Science, November. London: Faber and Faber. 1957.
182. Risk and Sociological Theory: New Directions and Perspectives / *Lupton D.,* ed. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 1999. 191 pp.
183. *Rozzak T.* Where the Wasteland Ends: Politics and Transcendence in Post-Industrial Society. 1973. 126 pp.
184. *Sassen S.* Territory and Territoriality in the Global Economy // International Sociology. 2000. Vol.15 (2). Pp. 372-393.
185. *Schuerkens U.* Global Forces and Local Life-Worlds. London: Thousand Oaks and New Delhi. 2004.
186. *Schuerkens U.* Globalization and Transformations of Local Socioeconomic Practices. London and New York: Routledge. 2008.
187. *Sirota R.* French Childhood Sociology. An Unusual, Minor Topic or Well-Defined Field? // Current Sociology. 2010. Vol.58. No 2. Pp. 250-271.
188. *Stanciulescu E.* Children and Childhood in Romanian Society and Social Research // Current Sociology. 2010. Vol.58. No 2. Pp. 309-334.
189. Society-Nature Relations across Time and Space / Haberl H., Fisher-Kowalski M., Krausmann F. and Winiwater V., eds. 2016. URL: http://link.springer.com/book/10.1007%2F978-3-319-33326-7
190. Sociology, Politics and Power. An Interview with Antony Giddens. Global Dialogue. 2016. Vol.6, №4. URL: http//isa-global-dialogue.net/wp-content/uploads/2016/12/v6i4

191. *Strandell H.* From Structure—Action to Politics of Childhood // Current Sociology. 2010. Vol.58, No2. Pp. 165-185.
192. *Sundar N.* In the times of Civic War: On being a Schizophrenic (public) Sociologist // Current Sociology. 2014. Vol. 62. №2. Monograph 1. Pp. 168-180.
193. *Tarrow S.* Power in Movement. Social Movements, Collective Action and Politics. Cambridge: Cambridge University Press. 1995. 251 pp.
194. The Children and the City. Today and Tomorrow / Michelson W., Levine S., and Michelson E., eds. Toronto: University of Toronto Press. 1979. 272 p.
195. The Global Risks Report. Geneva: World Economic Forum. 2015. URL: www.weforum.org/risks
196. The Global Risks Report Geneva: World Economic Forum. 2016. URL: www.weforum.org/risks
197. The need for urgent collective action to keep people safe online: lessons from last week cyberattack URL: https://blogs.microsoft.com/on-line-issues/2017/05/14/need-urgent-collective-action-keep-people-safe-online-lessons-last-week-cyberattack#sm.0001dm.3e4md9hf5bg742nzmf3gpbo
198. The Polity Reader in Social Theory. Cambridge, UK: Polity Press. 1994. 402 p.
199. *Thompson P.* The Voice of the Past. Oral History. Oxford: Oxford University Press. 1978. 257 pp.
200. *Thurns D.* Suburbia. London: MacGibbon & Kee. 1972. 175 p.
201. *Toffler A.* Future Shock. New York: Bantam Books. 1970. 380 pp.
202. *Tönnies F.* Fundamental Concepts of Sociology. Translated and supplemented by C.P. Loomis from "Gemeinschaft und Gesselschaft" N.Y. 1940.
203. *Urry J.* Global Complexity. Cambridge: Polity Press. 2003. 241 pp.
204. *Urry J.* Mobilities. Cambridge: Polity Press. 2008. 275 pp.
205. *Urry J.* Climate, Change & Society. Cambridge: Polity Press. 2012. 236 p.
206. *Van Holdt K.* Critical Engagement in Fields of Power: Cycles of Sociological Activism in Post-apartheid South Africa // Current Sociology. 2014. Vol.62. №2. Monograph 1. Pp. 181-196.
207. *Van Krieken R.* 'When is Child Welfare Cultural Genocide? On the Politics of the Organized "Improvement" of Children's Lives', in: Sünker H., Farnen R., and Shell G., eds. Political Socialization, Participation and Education of Epoch – Process of Democratization. Frankfurt: Peter Lang. 2003. Pp. 167-175.
208. *Van Krieken R.* Childhood in Australian Sociology and Society // Current Sociology. 2010. Vol.58. No2. Pp. 232-249.
209. *Wallerstein I.* World-system Analysis, in: The Polity Reader in Social Theory. Cambridge, UK: Polity Press. 1994. Pp. 276-286.
210. *Weiner D. A* Little Corner of Freedom. Russian Nature Protection from Stalin to Gorbachev, Berkeley, Los Angeles: University of California Press. 1999. 556 p.
211. Weiner D. Models of Nature: Ecology, Conservation, and Cultural Revolution in Soviet Russia, Bloomington, Indiana University Press. 1988. 312 pp.
212. *Yanitsky O.* Sustainability and Risk: The Case of Russia // Innovation: The European Journal of Social Sciences. 2000. Vo.13(3). Pp. 265-277.
213. *Yanitsky O.* Metabolism as a master frame for globalization analysis. 2016. URL: http://www.isras.ru/publ.html.?id=4930
214. *Yanitsky O.* Modern Networks and Infrastructures in Light of the Risk-Society Theory. Mir Rossii. 2016a. Vol.25. №5. Pp. 37-55.
215. *Yanitsky O.* Socio-informational Aspects of Urbanization. Paper presented at VII World Sociological Congress. Varna, Bulgaria. 1970. 13 p.

216. *Yanitsky O.* Towards Creating a Socio-Ecological Conception of a City, in: Cities and Ecology. The International Expert Meeting. Souzdal, September 24–30, Moscow: Centre of International Projects. 1988. Pp. 54–57.
217. *Yanitsky O.* Modernization and Globalization from the Perspective of a Transition Society, pp.165-84, in Gijswijt A., Buttel F., Dickens P., Dunlap R., Mol A. and Spaargaren G. Sociological Theory and the Environment. Proceedings of the 2nd Woudshoten Conference. Amsterdam: SISWO. 1998.
218. *Yanitsky O.* Sustainability and Risk: The Case of Russia. Innovation: The European Journal of Social Sciences. 2000. Vo.13(3). Pp. 265-277.
219. *Yanitsky O.* Dialogue between Science and Society // Social Sciences. 2005. Vol. 36. No2. Pp.78–90.
220. *Yanitsky O.* A Primary Eco-Structure: The Concept and its Testing // Social Analysis. 2012. Vo.2. No 2. Pp. 7-24.
221. *Yanitsky O.N.* Sotsiobiotechnicheskie Sistemy: novyi vzgly'ad na vzaimodeistvie cheloveka s prirodoi [New View on Man-Nature Interactions] Sotciologicheskaya nauka i sotsyal'naya praktika. 2016. №3. Pp. 5-22.
222. *Yanitsky O.* From Nature Protection to Politics: The Russian Environmental Movement 1960-2010. Environmental Politics. 2012. №21(6). Pp. 922-940.
223. *Yanitsky O.N.* Sociology of Critical Areas. Open Journal of Social Science Research. 2014. Vol.2(3). Pp.112-118. URL: http://manuscript.sciknow.org/uploads/ojssr/pub/ojssr_140963345.pdf
224. *Yanitsky O.N.* Are the Sociologists Well Prepared to the Modern War?// Journal of Social Sciences Research. 2015. Vol. 6 (3). Pp. 1990-1998. URL: http://cirworld.com/journals/index.php/jssr/article/view/3680/pdf_99
225. *Zaslavskaya T.I.* O sub'ektno-deyatel'nostnon aspekte transformatsyonnogo protsessa // Kto i kuda stremitsa vesti Rossiyu? (ed. Zazlavskaya T.I.) Moskva: MVSHSEM, S. 3-15. [On subject-active aspect of transformation process], Moscow: MVSHSEM, 2001. Pp. 3-15.
226. *Zdravomyslov A.G.* Interesy, deistviya, prepyatstviya // Kto i kuda stremitsa vesti Rossiyu? (ed. Zazlavskaya T.I.) Moskva: MVSSEM, S. 98-107. [On subject-active aspect of transformation process], Moscow: MVSSEM, 2001. Pp. 98-107.
227. *Zeiher H.* Childhood in German Sociology and Society // Current Sociology. 2010. Vol.58. No 2. Pp. 292-308.

Сведения об авторе

Яницкий Олег Николаевич (1933 г.р., г. Москва), доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; доктор филос. наук, проф., главный научный сотрудник виртуальной научно-исследовательской лаборатории «РНФ-17-45ВП» ИСФНиМК Казанского федерального университета.

Автор 22 монографий (на англ. и русском яз.) и более 450 статей в российских и международных журналах. Участник программы ЮНЕСКО «Человек и биосфера», проект «Города Европы: участие населения в охране среды обитания», международного проекта «Новые социальные движения в России», а также ряда других исследовательских проектов. О.Н. Яницкий – один из основателей Международного исследовательского комитета по городской и региональной социологии, а также Исследовательского комитета по социальным проблемам градостроительства Советской социологической ассоциации. Круг интересов: процессы глобализации и ее социально-экологические аспекты, теория общества риска, социология города, междисциплинарные исследования.

Научное издание

Яницкий Олег Николаевич

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ. ГОРОД. ЧЕЛОВЕК

Публикуется в авторской редакции

Компьютерная верстка: Башева О.А.

ISBN 978-5-89697-299-0

Издатель:
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5
Тел.: (499) 125-00-79, e-mail: isras@isras.ru

Подписано в печать 15.02.2018
Усл. печ. л. 15,1.
URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=5961